

Любая культура – уникальная и лучшая из существующих. Все они появляются на свет равными. Необходимо исследовать этот феномен и оценить его по достоинству и профессионально. Давно назрела потребность в появлении третьего поколения национальных музеев, которые предложат сменяющуюся, разностороннюю, самую важную демонстрацию комплексного наследия, рассредоточенного в музеях, архивах, библиотеках и частных коллекциях.

Т. С. Шола

В оформлении обложки использована карикатура Ивицы Киша (© Ivica Kiš, 1997), а также материал, предоставленный автором

Томислав С. Шола

Томислав Сладоевич Шола
(Загреб, Хорватия; род. 1948)

Получил образование в области истории искусства, журналистики и музеологии в Загребе и Париже. В 1985 г. защитил докторскую диссертацию по музеологии в Люблянском университете (Словения).

Профессиональную карьеру начал с должности куратора в Музее современного искусства (Загреб). В 1981 г. стал директором Центра музейной документации и главным редактором «Музеологического журнала» (Югославия). В 1989 г. избран доцентом, а в 2009-м – профессором факультета гуманитарных и социальных наук и кафедры музеологии в Загребском университете, где также возглавлял департамент информационных наук и кафедру музеологии.

Занимал важные посты в музейной сфере на национальном и международном уровнях: председателя Национального комитета ИКОМ / ЮНЕСКО Югославии (1981–1987), члена Исполнительного совета ИКОМ (1983–1986) и экспертного совета европейской премии «Музей года» (1993–2001), консультанта правительства Республики Черногория по вопросам сохранения наследия (2004–2005), председателя Ассоциации культурного туризма при Хорватской торговой палате (с 2004 г.) и др.

Основал Международную летнюю школу изучения наследия (Йювяскюля, Финляндия) и ежегодный международный фестиваль «Лучшие в наследии» (Дубровник, Хорватия). Автор 10 книг и около 300 статей.

Томислав С. Шола

**ПУБЛИЧНАЯ ПАМЯТЬ В ОБЩЕСТВЕ,
КОТОРОЕ ПРЕДАЛИ**

Заметки лектора

Tomislav S. Šola

**PUBLIC MEMORY
IN A BETRAYED SOCIETY**

Notes of a lecturer

Перевод с английского Д. В. Суворовой

Калининград
2021

УДК 069.01
ББК 71 + 79.1
Ш 78

Издание поддержано ООО «ЛУКОЙЛ-КМН»
в рамках XIV Конкурса социальных и культурных проектов
ПАО «ЛУКОЙЛ» на территории Калининградской области

Книга издается с разрешения
Европейской ассоциации наследия и Томислава Сладоевича Шолы

Над проектом работали:

Д. В. Суворова,
И. А. Полякова, кандидат философских наук
(Калининградский областной музей янтаря),
И. О. Дементьев, кандидат исторических наук
(Балтийский федеральный университет им. И. Канта),
А. В. Сивкова, кандидат филологических наук
(Балтийский федеральный университет им. И. Канта),
Н. П. Перетяка, кандидат культурологии
(Калининградский региональный общественный фонд культуры)

Ш 78 **Шола, Томислав С.**

Публичная память в обществе, которое предали. Заметки лектора = Public Memory in a Betrayed Society. Notes of a lecturer / Томислав С. Шола ; пер. с англ. Д. В. Суворовой ; отв. ред. И. А. Полякова ; науч. ред. И. О. Дементьев ; Калининградский региональный общественный фонд культуры. — Калининград, 2021. — 256 с.: ил.
ISBN 978-609-8299-05-2

Книга хорватского музеолога Томислава С. Шолы посвящена роли музея в жизни современного общества. Рассматриваются проблемы сохранения культурного наследия, взаимоотношений публичной памяти и политики. Адресована широкому кругу читателей.

УДК 069.01
ББК 71 + 79.1

© Шола Т. С., 2021
© Суворова Д. В., пер. с англ., 2021
© Европейская ассоциация наследия, 2021
© Калининградский региональный
общественный фонд культуры, 2021

ISBN 978-609-8299-05-2

TO LELA

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЛЕЛЕ

СОДЕРЖАНИЕ

(1. ВВЕДЕНИЕ)	14
1.1. Как появилась эта книга	14
1.2. Язык лектора и убедителен, и спорен	15
1.3. Публичная память нацелена на выживание	16
1.4. Понимание мира — основа любой профессии	16
1.5. О названии книги	18
1.6. Глубоко личный подход	19
 (2. ПОШАТНУВШИЙСЯ МИР)	20
2.1. Общество, которому отказали и от которого отrekliсь	20
2.2. Обвинение в конспирологии как легкий способ дискредитировать себя	22
2.3. Теории заговора возникают из парадоксов	23
2.4. Объяснение пользователям, где они находятся	24
2.5. Понимание мира — выбор точки зрения	25
2.6. Посткапитализм тоже против музеев	26
2.7. «Великая жадность»	28
2.8. «Великая жадность» как главная черта процесса глобализации	29
2.9. Грех корпоративной экономики	30
2.10. Государство всеобщего благосостояния в современном мире	30
2.11. Тотальный капитализм, бедняки и музеи	31
2.12. Инверсии в обществе без ценностных обязательств	34
2.13. Бюрократия и лоббизм — уход общества с правильного пути	35
2.14. Общество мечты одиноких	36
2.15. Управляемые люди в управляемом мире	37
2.16. Олигархи всего мира, соединяйтесь!	37
2.17. Страны с переходной экономикой принимают на себя более серьезные последствия неолиберальной агрессии	39
2.18. Страны с переходной экономикой перенесли сильнейшее потрясение, некоторые — даже войну	39
2.19. Когда труд как социальная ценность становится отталкивающим, это признак тяжелых времен	40
2.20. Обкрадывая будущее	41

2.21. Технологические отходы	42
2.22. О дивный новый мир	43
2.23. Культурная ассимиляция как расстройство личности	44
2.24. Фестивализация городов вместо сохранения идентичности	46
2.25. Сенсационность пагубна и противоречит наследию	47
2.26. Мнимые публичные интеллектуалы были образцом для некоторых современных музеев	48
2.27. Мир, переданный дилетантам, и снижение качества	49
2.28. Потребность в органах публичной власти	51
2.29. Меняя представление о времени и будущем	52
2.30. Мир иллюзий, или Потерянная реальность	53
2.31. Содержание растущего мирового метаразума, которое мы упустили	54
2.32. Коллективная и общественная память — для публичной	54
2.33. Изменение мира как оправданная задача для институтов наследия	55
2.34. Европе следует быть благоразумнее	55

(3. О МУЗЕЯХ КАК ТИПИЧНЫХ ИНСТИТУТАХ ПУБЛИЧНОЙ ПАМЯТИ)

3.1. Намеренное упрощение природы музеев	57
3.2. Однажды... или О независимости обычных музеев	58
3.3. Чучело тигра в музее	58
3.4. Проклятие материальности в курировании наследия	60
3.5. Музеи часто отражают дезориентацию общества	60
3.6. Музеи как вид, находящийся под угрозой исчезновения	61
3.7. Обесценивание других	62
3.8. Музей — демократический инструмент, но именно идеология, а не коллекция определяет характер его деятельности	64
3.9. Карл III Благородный	65
3.10. Музеи приумножаются	67
3.11. Большой не значит хороший	68
3.12. Область влияния музеев невелика	70
3.13. Музеи — символ элитарности качества	70
3.14. Западную модель музея следует дополнить специфичными решениями	70
3.15. Концепция музея расширяет свое значение	71
3.16. Увлеченность материальными свидетельствами	72
3.17. Многие темы заслуживают интерпретации, но им не хватает предметов	73
3.18. Музеи как заводы, перерабатывающие прошлое	73
3.19. Количественная эффективность как критерий качества	73
3.20. Увлечение технологиями и управлением	74
3.21. Парадокс растущих технологических возможностей	75
3.22. Технологии как потенциальное мировоззрение	75

3.23. Технологии — наш слуга, друг или руководитель?	76
3.24. Неоднозначная сила информационных технологий	77
3.25. Корректное использование технологий — мера профессионализма	78
3.26. Ценность публики	79
3.27. Нематериальная природа ценностей	80
3.28. Высокое качество — всегда результат соответствия профессионализма простому течению жизни	80
3.29. Небольшой музей в небольшом регионе: превращение негативных факторов в преимущества	81
3.30. Музеи современного искусства — наиболее доступная структура памяти	82
3.31. Естественная суть музеев обеспечивает их закономерное лидерство в межотраслевом сотрудничестве	83
3.32. Роль музеев современного искусства под угрозой исчезновения	84
3.33. Цифровая реальность и музеи	85
3.34. Плохой музей вместо грамотной, качественной деятельности	85
3.35. Язык музеев как язык самой жизни	86
3.36. Маркетинг необходим при условии его глубокого понимания и опасен при его неправильном истолковании	87
3.37. Маркетинг — напоминание о двух базовых вопросах	88
3.38. Институты наследия и идентичность	89
3.39. Музей может не только быть небольшим, но и не иметь коллекции	90
3.40. Музей — это (постоянное) стремление и амбиции, не обязательно постоянная институция	91
3.41. Музеи — сознание человечества	91

(4. КУРАТОРЫ — МЕЖДУ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ И ПРОФЕССИЕЙ) 93

4.1. «Исторический путь» — признание поражения и отсутствия профессионализма	93
4.2. Знание контекста — первое условие профессионализма	94
4.3. Новый консерватизм в профессии	94
4.4. Консерватизм как зона комфорта	95
4.5. Отсутствие обязательного профессионального образования как причина сильнейшей фрустрации	96
4.6. Бархатный тоталитаризм и публичные интеллектуалы	96
4.7. Определение музейных предметов модифицирует деятельность в сфере публичной памяти	97
4.8. Активисты и дилетанты	98
4.9. Профессия в сфере наследия как самозащита общества	99
4.10. То, что действительно необходимо, должно быть предоставлено	99
4.11. Гендерное равенство как эффективная публичная память для лучшего мира	100

4.12. Чтобы иметь право обсуждать нашу миссию, необходима профессия	101
4.13. Публичные профессии против невидимой руки рынка	101
4.14. Разработка специфичного ответа — задача профессионалов	102
4.15. Человеческое существование и значение профессии в сфере наследия	102
4.16. Парадоксальные ложные представления о концепции экомuzeя	103
4.17. Куратор-борец	104
4.18. Профессионалам не удастся предотвратить монетизацию наследия	105
4.19. Любовь к работе и сообществу — путь к высокой эффективности	106
4.20. Ни одна администрация, тем более бюрократия, не может оценивать профессиональное качество	106
4.21. Некая универсальная теория наследия должна быть общей учебной дисциплиной	107
4.22. Общие правила профессии в сфере наследия	109
4.23. Описывая идеального куратора	110

(5. МИССИЯ КАК СОЦИАЛЬНАЯ КИБЕРНЕТИКА)

5.1. Кибернетика как мудрость	111
5.2. Торжественное явление социальной кибернетики еще произойдет	112
5.3. Взять на себя риск предложить решения — способ заявить о важности теории	113
5.4. Манифест реформатора	115
5.5. Понимание потребностей	116
5.6. Экомuzeи стали причиной реального изменения парадигмы, но их так никогда и не использовали в полной мере	117
5.7. Вдохновляющая сила местности	118
5.8. Ценность инициативы снизу	119
5.9. Больное общество нуждается в позитивном содействии	119
5.10. Содействие выживанию глубинки	120
5.11. Парадокс туристического предложения	120
5.12. Местное сообщество должно быть убеждено в том, что «черный ящик» идентичности — выход из сложившейся ситуации	121
5.13. Экомuzeи как напоминание о демократической природе музеев	122
5.14. Самый маленький музей в мире	123
5.15. Музеи должны противодействовать обесцениванию труда	123
5.16. Похвала руке, или Как вернуть <i>humanitas</i>	124
5.17. Ценности, связанные с трудом, рассматриваются как новая волна коммунизма	125
5.18. Изменение — это не только угроза борьбы	126
5.19. Миссия музеев для стремительно растущих городов	126
5.20. Быть полезным — значит делать деньги	127

5.21. Общественная природа музеев и их превращение в вид, находящийся под угрозой исчезновения	128
5.22. Работа как ценность или ликвидный товар	129
5.23. Любое прошлое по своей сути является политическим	131
5.24. Теоретические основы института — в технических нюансах работы	132
5.25. Промышленная археология как способ понять неолиберальное настоящее	132
5.26. Позиционирование невозможно без ясного представления о продукте	133
5.27. Наследие должно играть символичную метафорическую роль для человечества	134
5.28. Загрязнение? Почему не рассказать в музеях правдивую историю?	134
5.29. Страны с переходной экономикой забывают свое прошлое	136
5.30. Недовольство историей труда со стороны неолибералов	137
5.31. Слабеющему общественному сектору необходим весь его потенциал	138
5.32. Важность презентации промышленной археологии	139
5.33. Идеальный музей современного искусства	140
5.34. Музеи современного искусства — это и прецедент, и парадокс	141
5.35. Парадоксальная популярность музеев современного искусства	142
5.36. На чью сторону мы встаем?	142
5.37. Хочешь быть любимым — люби	144
5.38. Ваш удобный музей	144
5.39. Целительное воздействие на общество	146
5.40. Любовь к пользователю — путь к успеху	147
5.41. Демократические процессы возможны, если публичная память сохраняется публично	148
5.42. Знаниям необходима цель, чтобы быть значимыми	148
5.43. Само понятие музеев противодействует хаосу и отсутствию качества	149
5.44. Музеям следует сопротивляться восприятию наследия как статьи дохода	150
5.45. Постановочная демократия нуждается в корректирующем участии музеев	151
5.46. Новая роль национальных музеев	152
5.47. Независимые музеи могли бы быть полезными в реальности постправды и постфакта	152
(6. НАСЛЕДИЕ, ЕГО ИНСТИТУТЫ И ПУБЛИЧНАЯ ПАМЯТЬ)	154
6.1. Сектор, находящийся в опасности	154
6.2. Индустрия наследия — опасный брат	154
6.3. Право на интерпретацию отличается от права собственности на предметы	155

6.4. Музеи — это один из ответов на потребность, которая их создает	156
6.5. Сектор институтов публичной памяти как часть общественного договора	157
6.6. Частное владение наследием может быть общественно значимо	157
6.7. Память общества логически противоречит ее фрагментации	158
6.8. Музеи — природные агрегаторы сектора наследия	158
6.9. Спасение утопии и одновременно признание реальности	158
6.10. Государственный, частный или и то и другое?	160
6.11. Частные музеи могут стать частью сектора публичной памяти	160
6.12. Автономность для исполнения общественной роли	161
6.13. Промышленная археология была вдохновляющей, несущей изменения инновацией	161
6.14. Проблема универсальной теории	162
6.15. Продукт наследия едва ли может быть ограничен количественными показателями	163
6.16. Возвращение местам «утраченной энергии»	163
6.17. Наследие ориентировано на ценности, которые исторически служили коммерческим ресурсом, трофеем и предметом уничтожения	164
6.18. Родная культура — идеальное место для предметов культурного значения	165
6.19. Некоторые из действий ЮНЕСКО могут обернуться медвежьей услугой для дела сохранения наследия	165
6.20. Индустрия запоминания	166
6.21. Все наследие нематериально: стратегическое значение концепции	167
6.22. Наследие и секторы памяти	168
6.23. Прошлое минуло	170
6.24. Сфера публичной памяти	170
6.25. Почему GLAM не только появился поздно, но и до сих пор не стал эффективным	172
6.26. Быстрый рост частного в секторе наследия	173
6.27. Частные музеи — это вызов	174
6.28. Частные музеи — это возможность	175
6.29. Сектор наследия — это долгосрочное обязательство	176
6.30. Почему сектор публичной памяти способен разрешить наши затруднения	176
6.31. Музеи — это возможность сохранения связи с реальностью	177
(7. МНЕМОСОФИЯ КАК ОБЩАЯ ТЕОРИЯ НАСЛЕДИЯ)	178
7.1. Знание общего контекста имеет решающее значение	178
7.2. Музеология	179
7.3. Почему теория практична	180
7.4. Музеям необходимо больше критики	181

7.5. За модными словами часто скрывается нечистая совесть и отсутствие понимания	182
7.6. Суть институтов памяти	183
7.7. У каждой профессии есть собственная наука	183
7.8. Публичная память и наука о ней	184
7.9. Мнемософия — память как мудрость	185
7.10. Мнемософия: к проблеме определения	186
7.11. Может ли новая наука помочь свершиться будущему?	187
7.12. Мнемософия — часть мудрой стратегии развития	187
7.13. Наука о публичной памяти — путь к качественному будущему	188
7.14. Что отличает мнемософию от музеологии?	189

(8. ПОИСК МУДРОСТИ И ПОДЛИННОСТИ

В ОТВЕРГНУТОМ ОБЩЕСТВЕ)

8.1. Трудности людей — это упущенный шанс на обретение мудрости	192
8.2. В поиске мудрости больше может означать меньше	193
8.3. Приватизированная культура представляет собой печальную перспективу	193
8.4. Критическая ремарка по поводу проектов ЕС в сфере наследия	194
8.5. Возможности опустошенных индустриальных мест	195
8.6. Традиционный музей в сравнении с реформированным и не только	195
8.7. Концепция «синей коробки» (<i>blue box</i>)	196
8.8. Деятельность в сфере наследия как реализация музейных идеалов	197
8.9. Удобный в культурном отношении и ненавязчивый технологический дизайн микромузеев	197
8.10. Технологический совет для микромузеев	198
8.11. Кураторы — подготовка к стремительно меняющемуся будущему	199
8.12. Музейные бренды продаются как элитная одежда, а не культура	199
8.13. Будущее музеев зависит от характера общества	200
8.14. Будущее институтов наследия зависит от экономики и политики	201
8.15. Быть личностью в странах с переходной экономикой	202
8.16. Состояние мира и потребность в кибернетическом музее	203
8.17. Ценность труда в «честном музее»	204
8.18. Передача публичной памяти обобществившемуся человечеству — призыв к созданию ответственного музея	206
8.19. Люди-мосты — общедоступные личности	207
8.20. Знание — это путь к мудрости	208
8.21. Почему знания может быть недостаточно и оно может быть опасно	210
8.22. Государство, бедность и судьба музеев	211
8.23. Тонкое определение качества	212
8.24. Межкультурность как навязанная необходимость	213
8.25. Нам нужно общество знания или общество мудрости?	214

8.26. Глобальный музей, коллекционирующий места и благородную память, связанную с ними	215
8.27. Доведенное до нищеты государство передает общественные интересы под мандат частным организациям	217
8.28. Дерегуляция и приватизация подвергают опасности культуру и наследие	217
8.29. Необходимая перемена подразумевает новый образ мыслей и стратегию	218
8.30. Жестокая реальность конфликтующего мира и наша утопия	219
8.31. Действительно ли культура настолько дорога	230

(9. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ: ЕЩЕ БОЛЕЕ ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ)

(10. ПРИЛОЖЕНИЕ: ИНТЕРВЬЮ И ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ОТЧЕТ)

10.1. Публичная память связана с передачей формирующих нас ценностей (интервью журналу «Музей», № 3 за 2017 г.)	226
10.2. Некоторые, надеюсь, поучительные, биографические подробности	239
<i>Я переживал, писал и читал лекции о том, о чем меня просили</i>	239
<i>Мое первое знакомство с сектором</i>	241
<i>Формирование профессии как личный опыт</i>	242
<i>Стадии вовлеченности</i>	243
<i>Построение профессиональных убеждений</i>	243
<i>Опыт с оценкой и критериями</i>	246
<i>Мое открытие гражданского общества</i>	248
<i>Быть приверженцем объединения сектора</i>	249
<i>Быть помехой</i>	250
<i>Другие претензии к опрометчивому проповеднику</i>	252

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Калининградский региональный общественный фонд культуры благодарит автора, профессора Томислава Сладоевича Шолу, за предоставленную возможность опубликовать его новую книгу, а также выражает искреннюю признательность генеральному директору Благотворительного фонда «ЛУКОЙЛ» Игорю Андреевичу Бекетову и генеральному директору ООО «ЛУКОЙЛ-Калининградморнефть» Юрию Александровичу Кесслеру за финансовую поддержку издания.

*Нина Перетьяка,
кандидат культурологии,
председатель Калининградского
регионального общественного
фонда культуры*

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА И РЕДАКТОРОВ

В мае 2018 года профессор Томислав Шола, знаменитый музеевед, независимый международный эксперт, директор НПО «Ассоциация Европейского наследия», основатель европейских музеев нового поколения и конференции-фестиваля «Лучшие в наследии», был гостем «Музейной ночи» в Калининграде. Лекция на тему «Могут ли музеи сделать мир лучше?» стала событием для музейных специалистов, а общение участников проекта с тонким, эрудированным и задорным собеседником оставило самые лучшие впечатления и желание продолжить знакомство. Желание оказалось обоюдным — и еще одна книга профессора Шолы на русском языке ожидает своего читателя. Раньше были переведены: «Вечность здесь больше не живет: толковый словарь музейных грехов» (пер. Е. Копелянской, Е. Петровой; Тула: Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», 2013) и «Мнемософия. Эссе о науке публичной памяти» (пер. О.В. Сеницыной; Ростов Великий: ИКОМ России: Ростовский кремль, 2017).

Настоящее издание не совсем обычно по своей форме. Это коллекция заметок—комментариев к лекциям, прочитанным Томиславом Шолой в разное время, для которых он выбрал формат «лекции одного слайда». Текст отсылает читателя к сайту <https://www.mnemosophy.com/>, где можно рассмотреть сами слайды: карикатуры, фотографии, диаграммы и проч., опубликовать которые, к сожалению, не получилось. Заметки объединены темой «Музеи и политика», автор держит читателя в напряжении в продолжение всей книги: много острых вопросов, на которые когда-нибудь должен ответить каждый музейный специалист, если не кому-нибудь, то, по крайней мере, самому себе. Переводчик и редакторы стремились сохранить стиль автора, примечания, которые он предпочел оставить в тексте в круглых скобках, уточнения или варианты отдельных терминов через косую черту и в некоторых случаях повторы, служившие для лектора осмысленными акцентами.

Большая удача—очень личный характер коллекции заметок, что позволяет увидеть изнутри важнейшие события последних десятилетий музейной жизни Европы и понять, как переживал их ученый, профессионал и очень равнодушный человек.

Мы выражаем признательность всем, кто, ознакомившись с рукописью книги, высказал свои замечания и поддержал идею ее издания: Борису Васильевичу Маркову, доктору философских наук, профессору Института философии Санкт-Петербургского государственного университета; Светлане Геннадьевне Сивковой, заслуженному работнику культуры РФ, генеральному директору Музея Мирового океана; ИКОМ России в лице Владимира Ильича Толстого, заслуженного работника культуры РФ, советника Президента Российской Федерации по культуре и искусству, президента МАПРЯЛ, и Александра Михайловича Шолохова, первого заместителя председателя комитета по культуре Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, президента ИКОМ России; Михаилу Николаевичу Афанасьеву, доктору социологических наук, действительному государственному советнику Российской Федерации 3-го класса; Гульчачак Рахимзяновне Назиповой, доктору исторических наук, профессору Казанского государственного института культуры, заслуженному работнику культуры Республики Татарстан.

Желаем приятного и полезного чтения!

-
-
-
-
-
-

(1. ВВЕДЕНИЕ)

1.1. Как появилась эта книга

После моей лекции в Калининграде мы продолжили обсуждение с сопровождавшей меня Ириной Поляковой в дни путешествия по области. Так, некоторые лекции уходят в пустоту, тогда как другие — перерастают в дружеские отношения или даже книги. Настоящая привилегия! Мои интервью? Неопубликованные тексты? Около 18 тысяч заметок, быстро записанных и сгруппированных во время подготовки лекций или новых книг. Как это часто бывает, простая идея моментально повлекла многочисленные проблемы: перевод, актуализация, пояснение контекста...

Поразмыслив, я предложил простой вариант: составить книгу из прошлых, забытых лекций — из заметок и фрагментов, оставшихся после 25 лет преподавания семи разных дисциплин по практике и теории наследия. Однако все, что осталось от них, — это набор слайдов. Пояснения и интерпретации, подобно моим студентам, в большинстве своем остались в прошлом, но кое-что сохранилось. Из коллекции, насчитывающей около 5 тысяч цифровых слайдов, некоторые, возможно, все еще заслуживают аудитории. На протяжении нескольких лет я делюсь ими в формате «лекции одного слайда» на сайте www.mnemosophy.com. Там они дополнены сохранившимися или восстановленными комментариями — фрагментами прочитанных лекций. Издание подборки заметок и комментариев к лекциям напоминает создание музейной выставки. Как бывшему куратору мне, безусловно, нравится эта идея, но в то же время я не претендую на составление из этого материала научной книги: по крайней мере в том, что касается формы.

1.2. Язык лектора и убедителен, и спорен

Это намеренно не обычная книга: идея заключалась в том, чтобы не отказываться от научности, но преимущественно использовать форму лекции. Она сохраняет агитационный тон и в определенной степени бунтарское настроение, так как я рассматриваю роль профессора как провокационную и мотивационную. Их задача состоит не в том, чтобы обеспечить источниками и предоставить истину в последней инстанции, но чтобы вдохновить и привлечь к ее непрерывному поиску. С другой стороны, растущий темп изменений и снижение устойчивости внимания низводят нашу способность получать информацию к восприятию лишь мелькающих картинок и обрезанных кусков текста. В своих лекциях я всегда был искренен, пытаюсь добиться «вербально-вокально-визуального» (как сказал бы Маршалл Маклюэн¹) качества. Увы, визуализация оказалась сложной и для книжного формата. Для тех, кто любит просматривать наобум и время от времени возвращаться к материалу, эта литературная форма могла бы стать подходящей. Некоторые повторы в книге не следует рассматривать как подмену доказательств или стилистические ошибки, это скорее неизбежное следствие придания самостоятельности небольшим фрагментам текста в процессе обучения. Также отчасти сохранен полемический тон, так как он пробуждает умы и должен быть присущ каждому лектору. Не стоит забывать, что это всего лишь коллекция заметок к лекциям, которые давным-давно утихли в учебных аудиториях. Она содержит критические замечания в отношении функционирующих систем, для которых важны практика и теория. Мудрым мыслям дозволено быть в некотором роде еретичными; благовоспитанного ренегата следует воспринимать как ценную поправку к любой системе. Я согласен выступить в роли случайного прохожего, эпизода в долгой жизни институций. Концепция оригинальной кибернетики Норберта Винера² делает эту позицию приемлемой.

¹ *Herbert Marshall McLuhan* (1911—1980) — канадский философ, культуролог, литературный критик, теоретик масс-медиа. — *Примеч. ред.*

² *Norbert Wiener* (1894—1964) — американский математик, один из основоположников кибернетики и теории искусственного интеллекта. — *Примеч. ред.*

1.3. Публичная память нацелена на выживание

Любое общество преуспевает или терпит неудачу в зависимости от глубины понимания своего прошлого. Здоровье общества — ответственность всех, но кто-то несет ответственность профессиональную. Так должно быть и с публичной памятью, и аналогичным образом должна существовать посвященная ей профессия. Наука о ней обязана быть разборчивой и корректирующей, основанной на очищении памяти до состояния мудрости. Я назвал эту зарождающуюся науку сначала «наследиеведением» (в 1982 году), а потом «мнемософией» (в 1987-м, когда уже преподавал в университете). Мое намерение при создании второго термина, предполагающего науку о публичной памяти, состояло в том, чтобы он уже своим словообразованием демонстрировал, что речь не просто о какой-то, но об этически обоснованной и социально ответственной памяти. Наследие реализует свое предназначение лишь тогда, когда превращается в мудрость. Настоящая книга все это учитывает. В отличие от англосаксонской практики остальной мир более свободно использует термин «наука». Нынешнее увлечение STEM (*science, technology, engineering and mathematics* — наука, технологии, инженерия и математика) в образовании указывает на кризис социальных и гуманитарных «областей знания» в их миссии по эмансипации. Позволю себе предположить далее, этот кризис следует рассматривать как неудачу социально-гуманитарного знания в обеспечении мира мудростью, необходимой для выживания. Миру угрожает не «культурный марксизм» и саботаж гуманитарных факультетов со стороны левых, а их неспособность указать на истинную суть опыта цивилизации. «Нейтральная», «объективная», «служебная» наука лишь питает силы ускоренного, бессмысленного развития.

1.4. Понимание мира — основа любой профессии

Музеи полностью посвящены настоящему — они просто используют прошлое для его создания и интерпретации. У большинства студентов, когда мы обсуждали это, как правило, отсутствовало понимание подлинного жизненного контекста, часто оно было в некоторой степени искажено предвзятостью средств массовой информации. Чтение лекций о концепции насле-

дия, об обслуживающих его институтах и их деятельности без предложения системы координат оказалось малоэффективным. Бесполезно создавать институты наследия или управлять ими, не имея представления о реальности, о потребностях, которые они должны удовлетворять. По этой причине все чаще я предлагал слушателям, будь то студенты или коллеги, материалы в виде очерков на тему объяснения мира. Я уверен, что многие неверно понимали и оспаривали отстаиваемые мной утверждения о социальной, экономической и политической реальности. Не беда. Когда кураторы претендуют на «нейтральность», как часто бывает, я считаю это легкомысленным и безответственным.

По своей сути наследие, так же как гражданская позиция, предполагает вовлеченность в политику; попытка осмысления мира и его памяти играет важнейшую роль для любой формы участия в общественной жизни. Практически невозможно выполнить значимую работу в сфере наследия, не имея представления о запросах потребителей или общества в целом.

В тех странах, где общественный статус институтов наследия еще преобладает, все остальное стоит под вопросом. Я использую «общественный / государственный» (*public*) в противоположность «частному», в смысле «общественного здравоохранения» или «общественного транспорта». Финансирование за счет государственных средств делает нелогичным служение какому-либо иному особому интересу. Я был куратором, директором, редактором, издателем, организатором конференций, писателем, профессором и консультантом, невольным свидетелем войны и губительных политических и экономических преобразований. Это был долгий и разносторонний личный опыт. Я делился им со всей честностью и независимостью.

Мое представление о мире передано в книге намеренно упрощенно, как и некоторые предложенные мной решения его проблем. Привет благосклонному читателю! *Lectori benevolo salutem* со времен Римской империи было скромным обращением всех писателей — практика столь известная, что приняла форму аббревиатуры L.b.s. в начале книги. Подобно всей сохранившейся мудрости, она перемещает понимание на сторону читателя или слушателя, которые оценивают предложенную работу исходя из своей системы ценностей, однако непременно

дают ей шанс, проявляя благосклонность и открытость. Наконец, даже как кураторы в музее, мы рады посетителям, которые не приносят с собой осуждение или предубеждения.

1.5. О названии книги

Современное общество обесценено, одурочено, введено в заблуждение навязыванием несуществующих проблем, манипуляций приоритетами, постановочной демократии, дерегулирования вместо свободы, чрезмерной приватизации, монетизации... Оно лишено идеалов, контроля над своей судьбой, общественного договора и ответственного видения будущего; ему отказано в праве на мудрость и ее определении в демократическом процессе самопознания и осмысления, для которых процесс публичного запоминания является ключевым. Таким образом, это «перечеркнутое» общество (*une société niée*), обманутое и отвергнутое, несамостоятельное и неспособное продолжать исторический западный общественный проект, находится теперь в опасном заблуждении. Современное общество обесценено носителями власти и предано своими элитами.

Хорошо, что массовые репрессии в целом менее жестоки, но мир иллюзий может вывести из строя своих потенциальных оппонентов недееспособной безликостью, путем манипуляции разумом и лишения идеалов. Проще говоря, времена столь плохи, что вряд ли могут стать хуже. И хотя в последнее время все оспаривается, подвергается сомнению и реконцептуализируется, создавая впечатление свободы противодействия, мир все глубже погружается в заблуждения, уничтожая при этом свои шансы на преемственность и выживание. Манипуляции с традицией западной демократии превращают ее в неолиберальную мечту или — в случае с глобальными корпорациями — в райскую систему. Бедность больше не воспринимается как социальное зло, но как личная или коллективная неудача. Безликие элиты управляют безликой массой разобщенных индивидов, и только посредники, то есть политики, известны в этом деформированном общественном договоре. Они несут ответственность только перед элитами, хотя вполне законно, по крайней мере декларативно, представляют массы. Они ответственны за сохранение

системы, обеспечивающей наивысшие доходы, в том числе от войн как наиболее прибыльного «бизнеса». Так, преданное общество, обращенное к трансгуманизму и переживающее постдемократию в эпоху постправды и постфакта, нуждается в гуманизации и перезагрузке с помощью своей лучшей памяти.

1.6. Глубоко личный подход

Все мои студенты, должно быть, слышали от меня утверждения, подобные этому: «У вас всех в голове серебряные колокольчики. Моя задача — раскачать их и сделать ваше познание приятным и полезным. Для этого необходимо, чтобы вы добровольно следовали за мной сквозь коллективный, научный и практический опыт профессии. Я вкладываю в этот процесс свой собственный опыт, понимание и увлечение профессией, к которой готовлю вас. Факультет — это формальная основа нашего соглашения, и я хотел частично воссоздать эту атмосферу».

Любая книга по теории практики или философии профессии (эта же затрагивает и то и другое) должна быть универсальна. Ведущие страны, как указывается в мировых отчетах по уровню благополучия, большей частью те, в которых находятся и самые лучшие музеи. Кураторы из этого «первого» мира были бы очень обижены настоящей книгой. Их музеи прекрасно удовлетворяют потребности своих сообществ. Но, поскольку я выступаю с позиции «среднего» мира, к которому принадлежу, опыт и ответственность заставляют меня стремиться донести информацию дальше — до «второго» и «третьего» мира. Опыт жизни при социализме, в переходный период и в условиях войны позволяет сделать это гораздо проще. Однако маловероятно, что литература о публичной памяти дойдет до них, не говоря уже о медленно развивающихся странах «четвертого» мира — мира голода, нищеты, остракизма и раболепия, тогда как именно им больше всего необходимы институции и деятельность, о которых здесь идет речь. Это вопрос не столько недоступности литературы или Интернета, сколько их согласия с некоторыми распространенными консервативными западными рассуждениями — неизбежное отсутствие независимого мнения и навязывание базовых приоритетов. Они сильнее всего чувствуют предательство.

-
-
-
-
-
-

(2. ПОШАТНУВШИЙСЯ МИР)

2.1. Общество, которое отвергли и от которого отrekliсь

Построение общества было целью всех визионеров, независимо от того, каким искусством или какой наукой они занимались. Человеческое общество размышляло о бесчисленных вариантах своего развития. Суть истории и заключается в этом коллективном опыте. Людям было необходимо проектирование настоящего и будущего, чтобы продолжать коллективное стремление к выживанию как вида; всегда имело значение, как и кто будет создавать эти представления. Память, будь то индивидуальная, относящаяся к целой цивилизации или сформированная непосредственно как общественная ценность, всегда играла решающую роль. Определенные культурные, расовые, религиозные, экономические интересы часто превращали названные представления в страдания от конфликтов и разрушений. Но в целом длительные усилия истории были сосредоточены преимущественно на видении таких изменений к лучшему, которые принесут человеческому роду достоинство и процветание. Столкнувшись с беспрецедентной силой и отсутствием идеологического единства, человечество может окончательно утопить свой здравый смысл в океане непригодной или даже опасной информации. Частные интересы никогда еще не обладали столь всеобъемлющей властью, чтобы отсутствие в них какого-либо внимания к другим людям могло положить конец не только общественным отношениям, но и самому человеческому виду. Современное общество, предлагаемое лидирующим Западом, отрицает легитимность любого социального проекта. Приватизация — это не свобода владения, но новая идеология лишения коллектива права собственности, даже когда общие интересы и общественные доводы против нее очевидны и поддаются проверке путем экономического анализа.

Мир долгое время страдал от идеологий, действовавших вопреки общественным интересам. Как любая идеология, широко-масштабная приватизация достигает деспотической фазы, когда насильно изымает государственную собственность в пользу общества. Ожесточенная олигархия скомпилировала теорию, с помощью которой она манипулирует умами. Это смесь поэтического индивидуализма первобытного общества, победоносного капитализма XIX столетия, неудач социалистических идеологий, популистской снисходительности, стратегий сублиминального воздействия на инстинкты¹, а также старый добрый альянс со священниками и явными мошенниками всех видов. Такое современное «демократическое» общество в значительной степени отвергнуто. Ему отказано в мудрости прошлого, процветании и справедливости в настоящем, а также в безопасном и надежном будущем. Процесс дезавуирования профессий — это условие для господства прибыли над критериями качества. Так же и правовые традиции сводятся на нет путем чрезмерной дерегуляции в пользу приватизированного общества в униженном, обесцененном состоянии. Западная модель развития свободы оборачивается либертарианским тоталитаризмом: лишь немногие люди на верхушке глобальной корпоративной пирамиды будут иметь власть над миром. Гарантированный базовый доход выглядит как воплощение антиутопии Хаксли². Таким образом, вместо общемировой стратегии спасения видов мы будем находиться под угрозой растущей жадности дохода и контроля. Все, что Винер утверждал в кибернетике, — это то, что некая спроектированная, целесообразная «норма» может поддерживаться лишь путем противодействия угрозам. Так почему же мы не воспринимаем нашу публичную память как одно из средств для достижения желаемых представлений о ситуации человека?³

¹ Сублиминальное, или подпороговое, воздействие — совокупность технических приемов, обеспечивающих воздействие на адресата помимо его внимания и сознания. — *Примеч. ред.*

² Aldous Huxley (1894—1963) — английский писатель, автор романа-антиутопии «О дивный новый мир». — *Примеч. ред.*

³ Ситуация человека (*human condition*), также «человеческая ситуация», «человеческое условие» — междисциплинарный термин, описывающий условия человеческого существования, взаимодействие человека с миром и самим собой. — *Примеч. ред.*

2.2. Обвинение в конспирологии как легкий способ дискредитировать себя

Единственная хорошая вещь в этом пугающем мире — это то, что он стал деидеологизированным в смысле разделения политического спектра на левый и правый. Как стало известно, этот «маятник» был частью гипноза в фальшивых демократических процессах. Постдемократическое общество оставляет столь малое пространство для политического выбора и переговоров, что левых и правых едва можно различить. Господствующие средства массовой информации стали изощренными приспешниками власть предержащих. При коммунизме человека можно было легко дискредитировать уже за капиталистическую терминологию, невладение неоязыком партии, не говоря уже о прямом осуждении бюрократической *верхушки*. Сегодня процесс организован почти столь же эффективно. Можно быть дискредитированным попросту по обвинению в продвижении теорий заговора. Некоторые высказывания осуждаются как ложные и неприемлемые. Против этого можно выдвинуть следующий аргумент: мы все согласны с тем, что по большому счету миром плохо управляют и поэтому он находится в плачевном состоянии.

Находясь под тиранией идеологии прибыли, мы можем небезосновательно задать вопрос: *a cui bono?*¹ «Кому это выгодно» — принцип, заключающийся в том, что предполагаемая ответственность за действие или событие возлагается на того, кто при этом что-то приобретает, утверждается в словаре Уэбстера. Принимая во внимание политиков, превратившихся в миллионеров, и их боссов, ставших мировой кастой, составляющей 1%, нам следует предположить, что «машина», как опасался Мамфорд² в 1970 году, может использовать средства массовой информации, чтобы заставить свидетелей замолчать. Завуалированный остракизм в обществе, находящемся под постоянным надзором, — это реальность.

¹ Лат. Кому на пользу? — Примеч. ред.

² Lewis Mumford (1895—1990) — американский социальный философ, историк, специалист в области теории и истории архитектуры и урбанистики. — Примеч. ред.

2.3. Теории заговора возникают из парадоксов

Итак, будучи цивилизацией, которая изобрела обязательное школьное образование, социальные и гуманитарные науки, мы опускаем руки. Учебные заведения великих демократий мира начали производить невежество подобно тому, как правовая система порождает подсудимых или фармацевтические учреждения и институты здравоохранения — пациентов. Когда среди руководителей доминирующее положение занимают менеджеры, все цели, как правило, сводятся к извлечению прибыли. В результате население становится невежественным, отчаявшимся и больным. Конечно, то же самое произошло со средствами массовой информации, которые, по всей видимости, являются основой этой грандиозной, зловещей арочной конструкции. За исключением нескольких редких достойных стран нами во всемирном масштабе управляют негодяи, жулики, преступники, бандиты, заведомые лжецы и хитрые спекулянты... Современное общество, должно быть, до такой степени манипулировало идеей демократии и лидерства, что мы получаем аномалии в результате применения формально верных демократических процедур. Однако, начиная осознавать ущербный патетический диапазон лицемерия, мы даже сейчас обнаруживаем, что большинство создателей великих наций едва ли были кем-то более, чем военными преступниками, если их оценивать по любым цивилизационным меркам. Сама заикленность на мастерстве управления в достижении максимальной возможной прибыли любой ценой (для общества или природы) из-за своей неизбежной опасности подвержена тому, чтобы рассматриваться как заговор, — вопреки основополагающей морали и простому здравому смыслу. В состоянии ли еще институты наследия предложить какую-либо надежду? Ложные элиты, спрятавшиеся за постановочной демократией, управляют путем создания хаоса, который, как они надеются, всегда смогут контролировать. Коллективные психозы, с помощью которых мир учится жить, неподвластны рациональным аргументам. Время от времени мы будем замечать ситуации, когда большие игроки просто отказываются от некой дополненной реальности, осознавая, что потери слишком велики, чтобы их нести. В аргументированном геополитическом анализе переплетающихся интересов нет никаких оккультных знаний.

Парадокс, который сам по себе выглядит конспирологическим, состоит, возможно, в том, что простую истину не должны видеть и тем более понимать.

2.4. Объяснение пользователям, где они находятся

Помните ощущение приятного облегчения, когда, потерявшись в огромном публичном пространстве, вы читаете на схеме с красной точкой и стрелкой: «Вы здесь»? То же самое, в более широком, ином масштабе нам обычно нужно от всех наших профессий и институций, которые были созданы, чтобы помочь управлять нашими жизнями во времени и пространстве. Практически любой рассказ в музее может или должен давать актуальное убедительное представление о мире, в котором мы живем. Музеи предприняли попытку вести учет утерянного или забытого прошлого, и точно так же объяснять нынешний мир. Только вспомните колониальные и подобные им выставки. Прагматичный мир открытого завоевания видел сущность традиционного музея в донесении информации о покорении, будь то природа или другие культуры, — материальными, убедительными и ясными способами, иногда доходящими до абсурда, — демонстрируя живых людей в реконструкции их среды.

Что приводит нас в замешательство, так это то, что узаконенный характер документирования покорения постепенно перешел в новый дискурс. Теперь объясняют прошлое, чтобы люди поняли настоящее. Мы всё сильнее теряемся в безумии набирающих скорость изменений. Они меняют не только места, где мы живем или работаем, но также наше восприятие реальности и наши системы ценностей. Мы живем во все более управляемом, сконструированном мире, где буквально все либо подвергнуто нашему вмешательству, либо полностью вымышлено. В обескураживающей, запутанной реальности иллюзий предполагается, что мы сохраним здравый смысл и основополагающую гуманистическую этику. Мир переживает практически такой же катастрофический стресс, как во время Великой чумы XIV века в Евразии, только на этот раз пандемия коронавируса угрожает ситуации человека и универсальному проекту достойного общества.

2.5. Понимание мира – выбор точки зрения

Коммунизм и социализм советского типа потерпели неудачу. Их исторический идеализм имел силу вдохновения, но никогда не представлял реальных планов. Вполне естественно, что идеалы были захвачены бюрократами. Перед абсолютной властью, прикрывающейся грандиозными идеями, было невозможно устоять. Чем значительнее идея, тем сильнее манипуляция. Таким же образом капитализм был украден из-под носа у тех, кто верил в творческий потенциал и предпринимательские способности людей, мошенниками и бандитами из числа олигархов и преступных политиков; им стоит дать имя — «ложные элиты». Чудовищная власть, захваченная за несколько десятилетий с 1980-х, была узурпирована под предлогом неограниченной индивидуальной свободы в экономике и главенства индивидуализма. Цель была скрыта. На сей раз за либертарианской идеологией и безграничной алчностью. В результате владельцы половины богатства планеты уместятся в одном автобусе.

Сейчас Планета как никогда близка к саморазрушению. Социальный гуманизм в государстве всеобщего благоденствия, когда-то успешно предложенный Европой, остается приемлемым, но отдаляющимся от нас решением. Теперь, когда неолиберализм прочно установился, свергнуть власти, держащиеся на феноменальной концентрации денег, с полным на то основанием кажется невозможным. Государство всеобщего благосостояния гарантировало своим гражданам свободный доступ к воздуху, воде, образованию, здравоохранению, культуре, науке... До 1980-х годов все это воспринималось как должное. В любом благополучном обществе равных возможностей и верховенства достоинства институты публичной памяти так же максимально доступны, если не полностью бесплатны, для всех граждан. Но идеал благородного общественного договора был жестоко отнят у современного общества. Он включал в себя постоянное стремление к гуманизации общества, находящегося под угрозой скрытых искушений противоположным. Теперь этот социальный проект отвергнут и дискредитирован под предлогом провалившихся революционных экспериментов. Общественный опыт, аккумулированный во всех знаниях, по определению должен быть общественной собственностью — особенно это

касается знаний в области социальных и гуманитарных наук. Справедливое требование всеобщего доступа ко всем знаниям — условие процветающего мира, достаточно безопасного для людей, а также для (других) животных и природы. Суть институтов публичной памяти — в просвещении. Следовательно, знание и понимание мира — единственная отправная точка для глубоко осмысленной позиции в этих вопросах. Другими словами, если вы не понимаете мир, вы не можете претендовать на то, чтобы интерпретировать его интерпретации.

2.6. Посткапитализм тоже против музеев

Если ввести запрос «движение прожиточного минимума», Интернет предложит впечатляющую карикатуру в стиле черного юмора, выполненную известным автором. Толстый капиталист, едущий на спине истощенного человека, выкрикивает: «Сначала они просили об отмене рабства... затем о минимальной заработной плате, теперь о прожиточном минимуме!.. Что дальше?!»¹ Я использовал ее, чтобы пробудить своих студентов и дать им понять, что музеи не существуют вне экономической и политической реальности. Каким бы ни было их мировоззрение, я хотел спровоцировать их.

Сегодняшний капитализм — это не обмен товарами и услугами. Его суть только в прибыли, и это не капитализм в полном смысле. Он свел профессиональную деятельность — профессионализм, компетенцию и опыт — к «необходимым навыкам», с которыми человек приходит на рынок труда без какого-либо права на обсуждение условий. Финансиализация общества сместила центр тяжести экономической системы в сторону банковского дела и финансов. Обесценена культура труда, а не только стоящая за ней мнимая идеология. Что становится жизненно важным, так это успех, измеряемый в заработанных деньгах и оказываемом общественном влиянии. Чувства гордости за хорошо выполненную и, как следствие, оплаченную работу больше не существует. Рабочий класс прекратил свое существо-

¹ См. изображение URL: www.mnemosophy.com/post/2019/06/04/post-capitalism-is-against-museums-too.

вание, и это ведет к исчезновению политической конфигурации, находящейся сейчас в решающем переходном состоянии. Обеспеченное деньгами общество утверждает идеалы прибыли при наименьших затратах и упивается своими нынешними достижениями. Оно с радостью принимает самую суть, лежащую в основе ценностей западного общества. Только треть сотрудников университетов США состоит из лекторов, занятых полный рабочий день. Низшая по статусу треть работает по договору, в то время как высшая — состоит в большей степени из управленческого персонала. Образование стало ликвидным товаром в ущерб себе (и обществу, которое от него зависит).

Нет ни потребности, ни аргументов, чтобы считать, что правосудие когда-либо управляло апорией прибыли и качества, но обесценивать профессиональную деятельность и при этом настаивать на успехе — ошибка, чреватая серьезными последствиями. Современное общество уже разобщено нестабильностью, хаосом, трудностями, фрустрацией и, как следствие, бегством от реальности. У нас есть симптомы коллективного невроза, некоторые разрываются между беспрецедентной заботой о гражданских правах и их ущемлением, между беспокойством об обездоленных и несовершеннолетних и безжалостным забвением их потребностей.

Мы обнаружили, что современная экономика — это не точная наука и что все модели, которые обходят базовые принципы гуманистической этики, обречены на дорогостоящий провал. Не принимая во внимание моральную сторону вопроса, следует сказать: складывается впечатление, что преступления оплачиваются. Мир глобальных корпораций и огромных доходов намеренно создает хаос — переходный период в экономике одних стран или война в других. Охота на крупную добычу для них означает полное подчинение мира своему контролю. Это осуществляется путем сеяния раздора и внесения путаницы. Конечно, система обречена на провал, но, между прочим, прибыль всегда частная, а потери, как правило, общественные. Гражданами манипулируют с целью внушить им, что они выступают свидетелями естественного процесса социального дарвинизма. Так называемая неолиберальная экономика — это циничный эвфемизм бесстыдного мошенничества. Любой свободно

мыслящий человек может заметить, что это стало возможным только тогда, когда тотальный капитализм отказался от идеологий, заменив их не традиционным развитым капитализмом, а его ущербной девиацией. Одержимо фокусируясь на непрерывном увеличении прибыли, они создали «эпоху Великой жадности». Эта эпоха отличается от предыдущих циничным снобизмом и безальтернативностью.

2.7. «Великая жадность»

«Великая жадность» — это словосочетание, которое я впервые использовал в лекциях в 2005 году и часто писал об этом, не зная, что кто-то другой называл так наше время. Значит, я был прав, сказав в комментарии к одному из слайдов, что «Великая жадность» превращает людей в неуверенных наркоманов иллюзий, которые бегут от свободы, от реальности и становятся жертвой коллективной истерии.

Как никогда ранее, технологии размыли для нас границы между реальностью и иллюзией. Мы всегда играли с этими границами. Рассказанная история или прочитанная книга могут перенести нас в другую реальность, но теперь при помощи проекта *Second Life*, 3D-моделирования, интерактивных игр мы погружаемся не только в изображенное, но и в происходящее. Сферорамная киносистема (*Omnimax*) стала последней ступенью известного развлечения, заигрывающего с нашим ощущением потерянности в других реальностях: изображение и звук были сфокусированы на нас и захватывали все наше внимание. Но это ничто в сравнении с тем, что с нами происходит сейчас, и тем, чего не без оснований мы можем ожидать. Если использовать это ради игры и удовольствия для того, чтобы заглянуть в миры, недоступные иным образом, то оно может даже пойти на пользу нашему проживанию жизни, однако нет никого, кто бы указал нам, в какой момент мы потерялись в другой реальности. Я считаю, что музеи техники подобны отцам и дедкам: они всегда на нашей стороне, но все же стремятся дать нам наставления, считаясь при этом с нашей некоторой естественной самоуверенностью. Нам нужны не только приключения, но и наставничество, и места, в которых мы могли бы

чувствовать себя в безопасности, так как земля под нашими ногами — одна-единственная, это наш надежный пункт отбытий и возвращений.

Если соединить эти обстоятельства с тем фактом, что мы, в отличие от любой другой существовавшей цивилизации, живем в век «Великой жадности», когда не осталось альтернативы, то вполне вероятно, что многие станут жертвами нарастающего чувства неуверенности. Люди будут пробовать разные виды ухода от реальности: одни станут зависимыми от иллюзий, другие — чрезвычайно эгоистичными, одинокими и безразличными, третьи падут жертвами разных видов коллективной истерии радикальных идеологий или экстремистских вероучений...

В этом смысле музеи, особенно посвященные технике, должны будут сыграть огромную роль, если они захотят и смогут объяснить окружающую нас действительность. Они способны увидеть, что мы не потеряны для гуманистической этики, и это является надежной опорой для любой колеблющейся, терзающейся сомнениями личности, не лишая ее свободы в обмен на уверенность.

2.8. «Великая жадность» как главная черта процесса глобализации

Учитывая господствующую на планете идеологию, а это идеология прибыли, мы можем оставить надежду на лучший мир. Эпоха «Великой жадности» означает, что страны, особенно (просвещенного?) Запада, пропитаны безумием покорения вместо идеологии мира и защиты естественной среды обитания. Музейный бум — признак прогресса или, скорее, наших проблем, а также ответ на меняющиеся потребности. Нас вынуждают восстанавливать, реконструировать или изобретать то, что в иных условиях могло бы стать частью актуальной, действующей, работоспособной системы ценностей или развивалось бы как естественный ответ на меняющиеся обстоятельства. Это означает, что мы утратили естественную мудрость, содержащуюся в любой культуре, интерпретированной должным образом. Глобализация — гигантский багаж проблем, который мы несем на своих плечах, чтобы продвигать доктрину постоянного

роста и легитимизировать процесс непрерывного покорения как естественную поведенческую концепцию людей и модель развития их социумов.

2.9. Грех корпоративной экономики

Первородным грехом была слепая заинтересованность корпорации в самой быстрой и максимально возможной прибыли. Корпоративный дух превращает людей в управляемую инстинктами первобытную орду или стаю гиен, преследующих свою жертву. Может быть, поэтому они называются акционерным обществом, группой или *gирро*, холдингом или другими способами, которые указывают на их безличный характер? Финансиализация мира показала, что корпорации могут перерасти в еще более безнравственные формы эксплуатации. Они поражают ткань общества, подчиняя законодательство, затем пересматривая экономическую систему, потом разрушая концепцию общественного договора в политической сфере. Размывая идеалы всеобщего благосостояния целостного общества, они окончательно расщепляют и обесценивают систему ценностей, на которой основывается культура. Их стратегически важная добыча — это способы запоминания и построения публичной памяти, которая, в свою очередь, отражает критерии всех главных действующих лиц общества.

2.10. Государство всеобщего благосостояния в современном мире

Общество всеобщего благосостояния, несмотря на то что его недооценили и им пренебрегли, как и «историческим коммунизмом», не может иметь альтернативы. Это претворенная в жизнь демократия. Это знание старо, и тем не менее оно опережает наше время. Принимая это знание, мы должны быть готовы к пренебрежительному отношению к нему. Ролан Барт¹ заявлял, что нам дана единственная вечность, и это вечность человеческого

¹ Roland Barthes (1915—1980) — французский философ, литературовед и семиотик. — Примеч. ред.

рода: мы люди на маленькой планете, затерянной в бесконечности. Следует отказаться мыслить вне этого солидарного представления. Мы всё больше живем в мире исчезающих качеств. Происходящее разрушение ценностей, лицемерное манипулирование идеями личной свободы наносят вред любому общественному проекту, кроме проекта неolibерального хаоса и его руководителей. Манипуляция производится под прикрытием западной демократии, которая незаметно обесценивается через средства массовой информации и с помощью управляемого гражданского общества, — всё во имя окончательной либерализации. Однако свобода никогда не была просто хаосом, а культура, являясь благородной по определению, формируется на основе критериев. Норма, согласно лучшему из возможных определений, предложенных кибернетической наукой, — это условная платформа для постоянных переговоров групп влияния в рамках общественного договора — того, который еще считается с определением нормы, как бы она ни менялась. Когда нас вынуждают избегать термина «норма», что, по сути, с нами и происходит, — это тоже тирания.

2.11. Тотальный капитализм, бедняки и музеи

Если вы введете в Гугл запрос «Институции трудового наследия в Финляндии» (*The institutions of labour heritage in Finland*), вы найдете только мой слайд, сделанный и переоформленный, вероятно, 20 лет назад на основе данных того же Интернета, который зарегистрировал существование восьми различных национальных институций, посвященных публичной памяти такого рода в Финляндии. Оригинального слайда уже нет, но Финляндия со своей мудрой памятью о труде есть, я надеюсь. Сохранились ли все эти институции или как они изменились — это уже другое дело. Мое первое послание на слайде было ориентировано на студентов моей страны. Моя бывшая страна — страна, провозглашенная в свое время социалистической, с населением в четыре раза больше Финляндии, имела лишь одну такую институцию, а страны, пришедшие ей на смену, имеют даже больший пробел в памяти в отношении трудового наследия — нет ни единого музея, посвященного труду, работе, рабочему классу или чему-либо подобному.

Тем временем мир изменился не в лучшую сторону (как представляется) и все еще придерживается того же направления. Тотальный капитализм (тот, который пронизывает всю структуру общества и его систему ценностей) избрал мифологического гения успешного человека, разновидность полубога — суперчеловека, всегда увенчанного короной успеха, обладающего всеми атрибутами его (реже ее) общественной суперсилы. Эти удачливые проходимцы (извините мне эту лекторскую разновидность научного лексикона), к сожалению, обычные люди, как, например, Дональд Трамп, или исключения, которые подтверждают правило, — как Билл Гейтс. Тотальный капитализм — безуспешная фаза развития, в которую обманом втягивают человеческую расу.

Порочная драма быстрого перехода из застойного административного социализма / коммунизма в стремительный поток тэтчеризма — это все еще демонстрационный зал для знакомства с поистине хищной натурой глобального, тотального капитализма. Так как бедным всегда сполна достается неприятностей, страны Европы с переходной экономикой и другие развивающиеся страны вкушают их наидичайшее разнообразие.

В то время как стремительно разбогатевшие олигархи в спешке пытаются замаскироваться под достойных граждан с легальным имуществом и законными методами коммерческой деятельности, Запад внимательно наблюдает за ними, так как большая часть прибыли так или иначе попадет именно к ним. Местные махараджи станут счастливыми вассалами международных коммерческих империй. Бесстыдство этой схемы сопровождается противоречием общего знаменателя их правил: популистских идей и идентитаристских¹ всплесков лакированного радикального национализма. На последней фазе — для международного использования — эти действия прикрываются фразами о единстве этнокультурного разнообразия, мультикультурализме и заботе о меньшинствах.

¹ Идентитаризм — международное движение, руководствующееся правой политической идеологией и провозглашающее цель спасения Европы от внешней угрозы. — *Примеч. ред.*

Как же все это связано с промышленной археологией? Что ж, это контекст для всех решений, в том числе технологических. Однако уже на протяжении длительного времени мы знаем, что технологии выражают процессы, происходящие в обществе, в той же мере, в какой формируют их. Именно господствующие системы ценностей материализуются в технике, технологиях, постройках, оборудовании, но и, как следствие, в деловых и общественных отношениях, торговле, гражданских и государственных организациях и т.д.

Представьте себе промышленного археолога, который раскапывает лед или грязь (в зависимости от сценария глобального потепления) и находит остатки крупных мировых корпораций. Головной офис — сдержанное, незамысловатое офисное здание — не на что посмотреть. Тело физически не существует, а щупальца находятся в другой части планеты (причем они уже многократно сменили свое расположение и технологии только за последние десятилетия). Эта корпоративная реальность индустриального настоящего имеет рассеянную идентичность, близкую к понятию неосязаемого наследия. Это вытекающая из контекста история, приобретающая все большее значение.

В этот современный общественный конструкт, состоящий из отношений больше, чем из материи, музеи должны вернуть опыт применения профессиональных знаний, репутацию творчества и индивидуального производства. В век тотального капитализма автоматизированные линии производства подавляют оставшуюся низкооплачиваемую рабочую силу. Качество товаров, сделанных с расчетом на короткий срок использования и утилизацию, постоянно снижается; они лишь призраки своих великолепных предшественников. Продукты питания — еще одна иллюзия свежих, натуральных продуктов. Едва ли можно ожидать радикального возвращения к утерянным ценностям, но, несмотря на то что мы вынуждены адаптироваться к меняющимся обстоятельствам, это не невозможно. Тотальный капитализм — бесполезная фаза развития путем захвата, в которую обманом втягивают человеческую расу. Музеи могут помочь в объяснении картины мира и внести свой вклад в изменение мировоззрения.

2.12. Инверсии в обществе без ценностных обязательств

Современное общество, согласно предсказанию Оруэлла¹, производит невежество. Как следствие, мы всё больше живем в обществе сниженных стандартов коммуникации. В любом человеческом начинании молчаливо или активно наличествует поощряемое отсутствие критериев мастерства. Это началось парадоксально, как постмодернистская карикатура с не внушающим доверие лозунгом «Сойдет». С самого начала это выглядело как неуважение к авторству, но было похоже, что новый богатый мир имеет право на меньшее количество правил, которые необходимо соблюдать. Ослабление существующих норм постепенно обернулось либертарианским мировоззрением. Призыв к творческой свободе спустя несколько десятилетий совершенно и неминуемо превратился в «Ничто не имеет значения».

К тому же хаос как проект, имеющий своей целью занять толпу, сделать ее бесчувственной и апатичной, предполагает любые критерии качества как угрозу для стабильных противостоящих структур. На протяжении десятилетий широким общественным массам скармливали сенсации и слухи о конфликтах, в то время как надо было демонстрировать простые человеческие истории и исцеляющее влияние искусства. Энергичные менеджеры и богатые, влиятельные бизнесмены индустрии развлечений использовали любые молодежные бунтарские модные тенденции, чтобы довести их до крайностей и превратить в растущий спрос. Эта логика касалась всех сфер деятельности людей. Сенсационные выставки-блокбастеры² начинают оправдывать то, что было угасающей культурной жизнью. Удовольствие в результате просвещения превратилось в ритуальное паломничество — посещение событий, которые определялись средствами массовой информации как обязательные. Предполагается, что поверхностное зрелище может замаскировать дефицит проживания искусства в повседневной жизни людей. Кто-то может утверждать, что успех в массовом посещении мероприятий

¹ George Orwell (1903—1950) — английский писатель и публицист, автор романа-антиутопии «1984». — *Примеч. ред.*

² Блокбастер — очень популярный и коммерчески успешный продукт. — *Примеч. ред.*

беспрецедентный, необычайный, и это правда. Однако большие цифры, возможно, иллюстрируют лишь потребность и разочарование — потребность переживать искусство как личный опыт и разочарование фактом все большего отдаления от применения искусства в повседневной реальности. Подобным образом крупные политические кампании и реальное столкновение кандидатов в демократическом процессе служат, чтобы прикрыть отсутствие свободной воли и выбора в процессе избирательных кампаний, которые управляются средствами массовой информации, дорогим пиаром и интригами власть имущих. Предельная политкорректность была введена, чтобы заменить свободу юмора и сатиры, с помощью которых, когда они существовали, граждане могли рационализировать свои страхи, превращая их в искусство или часто непринужденный юмор и неформальное общение. Хотя это парадоксально и, вероятно, связано с лицемерием современного общества, мы всё больше испытываем на себе грубое и агрессивное поведение протагонистов, особенно на высокомерных носителей власти.

2.13. Бюрократия и лоббизм — уход общества с правильного пути

Изначально в своей идеальной форме лоббирование было задумано как предложение идей или действий, которые в ином случае никто бы не оценил или даже не стал слушать. Вместо простой убедительности доводов, которые могут показаться весомыми при вынесении идеи на рассмотрение, моральная ценность лоббирования скомпрометирована его смещением в сторону вымогательства и взяточничества. Около 15 тысяч лоббистов в Брюсселе дурно говорят о состоянии демократии в Европейском союзе. У сытых по горло ложной, предвзятой информацией демократических институтов и граждан отсутствуют базовые условия для осуществления демократического процесса. Хотя механизм известен, формальности понимания и консенсуса присутствуют, так что управляющим силам общества предоставлено идеальное алиби для любого мутного проекта. Как следствие, налицо явный кризис доверия государственным организациям и особенно политизированным СМИ, которые напрямую зависят от коррумпированных корпораций.

В подобном обществе музеи, несмотря на свои недостатки, все еще выступают в качестве организаций, заслуживающих доверия. Вместе с тем культурные проекты ЕС в большинстве случаев превращаются в бесконечные конференции, лихорадочные поездки и такое же лихорадочное администрирование под эгидой трансграничного сотрудничества. С долей цинизма (но в целях конструктивной критики) можно сказать, что они идеально совпадают не с интересами общества, а с личной заинтересованностью лоббистов гостиничной и транспортной индустрий.

2.14. Общество мечты одиноких

Американская мечта превратилась в стремление всего мира к Обществу мечты — миру иллюзий, который бьет по самым слабым местам самолюбивого эго каждого человека так, что уничтожает возможность конструктивного и взвешенного рассуждения. Однажды разобщенные личными стремлениями к славе и богатству, обезоруженные испытанием на прочность фондовой биржей (где каждый может разбогатеть), озлобленные неистовым желанием вырваться вперед и неуклонным стремлением превзойти других, граждане превращаются в покинутых, злых, страдающих, потерянных и одиноких индивидов. В таком качестве они становятся легкой жертвой заблуждений, коллективных неврозов, фобий и навязчивых идей. В свою очередь, это объясняет современный неофашизм и другие подобные продукты отсутствия коллективной безопасности — популистские политические партии и идентитаристские движения. Если музеи являются лучшим воплощением находящихся под их защитой жизненно необходимых ценностей, о которых так заботились их основатели, тогда реагирование на угрозу и растущую уязвимость — это именно то, чем музеям следует заняться. Я имею в виду ту задачу, которую музеи унаследовали вместе с коллекциями и репрезентируемыми ценностями. Настоящий общественно активный музей всегда старается служить своему сообществу и делать мир лучше, хотя бы путем постижения природы реальности (реальностей).

2.15. Управляемые люди в управляемом мире

В мире должен царить полный беспредел, чтобы предлагать так называемые энергетические напитки как легальный способ избежать маниакального стремления поспевать за предлагаемыми скоростью и ритмом. Таблетки сомы, предсказанные О. Хаксли, тоже легальны и многочисленны. Имея противоположные цели, обе эти «добавки» к нашим жизням — достаточно тревожная реальность. Если бы не серьезные последствия от употребления энергетических напитков, выбранные для них названия — весьма занятное упражнение в психологии: «Монстр» / *Monster*, «Жало» / *Sting*, «Сжигание» / *Burn*, «Удар» / *Bang*, «Горилла» / *Gorilla*, «Ад» / *Hell*, «Неустанный» / *Relentless*, «Дракон» / *Dragon*, «Сильная лошадь» / *Power horse*, «Полная активация» / *Total activation*, «9 мм» / *9 mm*, «Бизон» / *Buffalo*, «Красный дьявол» / *Red devil*. Они бросают вызов нашим глубоким, основополагающим стремлениям и обещают превратить нас в каких-то диких, безрассудных и неуправляемых существ. Основная мысль состоит в том, что выжить, будучи просто человеком, не говоря уже о человеке, ориентированном на моральные принципы, невозможно.

Но какое отношение к этому имеют музеи? Самое прямое. Они и есть бизнес по управлению ценностями. Эти недопустимые отклонения напоминают о надвигающихся опасностях — генной инженерии и киборгизации. Роль, преднамеренно отведенная музеям (корпорациями и их политиками), со временем сведется лишь к роли парков развлечений или оправданиям для туристической индустрии. Если мы хотим служить обществу, самое первое, что нужно сделать, это понять мир и затем помочь обществу улучшить ситуацию человека.

2.16. Олигархи всего мира, соединяйтесь!

Сто лет назад политические проповедники продавали мечту об обществе равных возможностей и всеобщего благополучия. Лишь их энтузиазм пережил время. Сегодняшние «продавцы» перенимали от предшественников важную позу и широкие жесты. Неприлично богатая, растущая мировая олигархия

отчаянно ищет способы обезопасить свое быстро увеличивающееся благосостояние. Искусство — всегда хороший выбор для диверсификации инвестиций и превращения их в ценные вещи. Это придает мощный импульс торговле предметами искусства: все чаще проводятся выставки-продажи, для которых произведения искусства становятся подписанными переводными векселями. В большинстве случаев шедевры не покидают аэропортов. Склады в порто-франко, не облагаемые налогами и не контролируемые государственными органами, не только выступают в роли сказочных хранилищ, но также предлагают и другие услуги: частные шоурумы (выставки!), консультации в сфере искусства, оформление в рамы, реставрацию и банковское обслуживание. Когда наступит подходящий момент в стратегии ценообразования, произведения окажутся в частных галереях, частных музеях и, благодаря влиятельным органам управления и попустительствующим кураторам, в государственных музеях. Эта стратегическая комбинация позволяет манипулировать ценами по тому же принципу, как акции на фондовой бирже в одночасье меняют свою ценность.

Не существует связанной с наследием профессии, способной противодействовать этим процессам. Людей, занятых в сфере наследия (например, музейных кураторов), толкают к «фахидиотизму»¹, изолирующему их в области специальных знаний, что оборачивается чинопочитанием и соглашательством. Кто-нибудь помнит блокбастер «Искусство как товар»? Общественные институты, по крайней мере в Европе, финансируются за счет денег налогоплательщиков, чтобы объяснять мир и представлять общественные интересы. Дерегулированная экономика вдохновила и способствует рождению дерегулированного искусства; оба имеют правила, которые без объяснения применяются с момента их создания и до тех пор, пока они вдруг не утратят силу. Нормотворцы, которые руководят процессом, стараются доказать, что эти, лишь на первый взгляд непрерывные и стихийные, процессы и есть лицо демократии.

¹ От нем. *Fach* — предмет, специальность, профиль. — *Примеч. переводчика.*

2.17. Страны с переходной экономикой принимают на себя более серьезные последствия неолиберальной агрессии

Какими бы ни были последствия для общественного сектора в будущем, парадокс заключается в том, что наихудшая ситуация, как правило, сложилась в бывших социалистических странах. Они были плохо подготовлены к рыночным реформам и будут подвержены сильнейшей дерегуляции и разрушению системы ценностей как с экономической, так и с политической точки зрения. Объединение с Европой экономически и политически оказалось подобно колонизации. Новые элиты стран с переходной экономикой стремились приблизиться к уровню передовых стран, но, склонные зачастую к коррупции, они добровольно воспринимали роль вассалов более крупных стран Европы и променяли свое достоинство на вседозволенность, позволив распродавать ресурсы своих стран. Как и в демократии, в культуре изменения к лучшему не происходят в одночасье. В действительности неподготовленное и плененное призраками прошлого (будь то фашизм или клерикализм) освобождение может произвести обратный эффект. Парадоксальная ностальгия по коммунистическому / социалистическому режиму (хотя и обоснованная в некоторых случаях) подтверждает эту противоречивую ситуацию. Создается впечатление, что прошлое может замаскироваться под будущее. Если бы я как-то мог использовать эту ситуацию, я снова выступал бы за создание полноценной профессии, чтобы помочь справиться с существующей опасностью.

2.18. Страны с переходной экономикой перенесли сильнейшее потрясение, некоторые — даже войну

Если мы говорим о Хорватии и наших пострадавших соседях, то у меня сразу есть оправдание — война. Вопреки тому, что думают, война — это еще и разрушение тонкой ткани социальной организации и систем ценностей. Если к этому вы добавите такие черты рыночной реформы, как деиндустриализация, финансиализация, депопуляция, мародерская приватизация в контексте хищнического капитализма, то вы сможете оценить

масштаб бедствия. Мы получили социальную инволюцию и ложные, навязанные нам элиты, которые может привести к власти только война. Люди, принимающие решения, все отобранные лично политиками и разными заинтересованными группами, в том числе и директорами музеев. В условиях рухнувшей социальной дисциплины и нетолерантного окружения культуры и музеи, особенно новаторы, творчески мыслящие личности и свободные, критически мыслящие умы, имеют второстепенное значение и плохо финансируются. Это благоприятная среда для прорастающих семян всего консервативного. Одним из популистских феноменов является идентитаризм, который прочно стоит на пути определения нашей роли в обществе: обычные люди начинают считать нас все более бесполезными. Когда-либо будет трудно представить тему бывшей Югославии как релевантную потребностям Запада (особенно его), но это несправедливо. То, что там произошло — образ Запада, запечатленный в зеркале истории. Конечно, кто-то может предпочесть отмахнуться от этой темы, как темы кровопролития варварских балканских племен. Но это будет означать отказ от понимания геополитического значения районов бедствия, где сталкиваются тектонические плиты идентичности. Что если там началась Третья мировая война? И с тех пор она лишь меняет места.

2.19. Когда труд как социальная ценность становится отталкивающим, это признак тяжелых времен

Нам нужно вернуть в нашу жизнь некоторые из базовых ценностей, если мы хотим остаться человеческим обществом. Тех музеев, которые достаточно долго расценивались как музеи труда, много по всему миру, и еще больше тех, что в какой-то степени связаны с историей труда. Например, Норвежский музей промышленных работников (*Het Norsk Industri Arbeider Museum / Industriarbeidermuseum*), Музей труда (*Museum der Arbeit*) (Германия), Музей труда (*Arbetetsmuseum*) (Швеция), Музей рабочих (*Arbejdermuseet*) (Дания), Финский музей труда «Верстас» (*The Finnish Labour Museum Werstas*), Музей труда (*Museu do Trabalho*) (Бразилия) и многие другие, как правило комплексные, входят в различные ассоциации труда или

являются социально ориентированными музеями. Национальный музей истории труда в Великобритании сменил свое местоположение и название, чтобы в итоге стать Народным музеем в Манчестере, как говорится в его рекламе, музеем о демократии. Возможно, труд, но не его главная ценность, в настоящий момент представляется менее привлекательным. Однако посвятить ей труд было бы едва ли не политически предвзятым — знаком тяжелых времен.

2.20. Обкрадывая будущее

У музеев техники и технологий есть и обратная сторона, которую стоит пояснить, хотя она не столь фатальна, как у военных музеев. Они завораживают нас энергией, силой и способностью человека оказывать колоссальное влияние на окружающую среду и общество. Редко обсуждается или проблематизируется негативная сторона этого расширения возможностей, так как мы, естественно, руководствуемся положительными мотивами и намерениями.

Техника сама по себе нейтральна, а технологии, раз они вызывают так много последствий, нуждаются в объяснении, в том числе в своих негативных аспектах. Только в исключительных случаях они могут трактоваться как разрушительная сила.

Иногда музеи, занимающиеся технологиями, должны раскрывать варварскую сущность общественных и экономических систем, которые изобрели эти инструменты бесконечной жадности и разрушения.

Таких примеров, к сожалению, множество. Рыболовство — это неизбежная и высокодоходная индустрия, но неумеренное использование технологий, продиктованное безжалостной погоней за прибылью, может привести не просто к чрезмерной эксплуатации, а к настоящему уничтожению того самого моря, в котором ловят рыбу. Придонное траление — один из существующих в мире браконьерских вариантов эксплуатации природных ресурсов. Превращение морского дна в необратимую пустыню — это преступление против человеческой природы, которое должно называться именно так, а не «спорной технологией». Многие ли музеи организовали выставки на эту тему?

Многие ли останавливаются на ней, представляя тему морского рыболовства? Нужны ли нам такие музеи? Существуют ли музеи, чтобы объяснить нам процесс создания и механизм действия атомной бомбы, или даже больше — чтобы рассказать нам, что это губительное изобретение, которое не должно было быть придумано и тем более использовано. Какой музей исчерпывающе описывает само существование атомного оружия как преступную идею? Какой объяснит, что многие промышленные технологии, применяемые в мирных целях, представляют собой оружие в войне против благополучия человечества?

2.21. Технологические отходы

Однажды я был в качестве гостя на яхте. Пригласивший меня человек, директор регионального музея в ЕС, заменил батарейки на своем фотоаппарате, а старые выбросил в море. Я до сих пор слышу, как они плюхнулись в голубую, абсолютно прозрачную морскую воду (Мы больше вместе не выходили в море, если у вас возникнет этот вопрос.) Конечно, мы ежедневно становимся свидетелями подобного беспардонного поведения людей или агрессивных действий предприятий. И это порождает справедливый вопрос: часто ли мы видим музейные выставки на тему технологических отходов — выставки, которые обращают наше внимание на шокирующее повседневное поведение жителей городов? Имеем ли мы глубинное понимание катастрофических последствий корпоративных афер, будь то выхлопы дизельных машин, произведенных престижными автозаводами, или наземные мины, продвинутые в «эксплуатацию» военно-промышленным комплексом?

Было бы хорошо иметь профессию, позволяющую создавать международные, передвижные, сенсационные выставки, которые были бы посвящены веществам, загрязняющим окружающую среду, и предлагаемым нам решениям. Осмелимся ли мы сравнить список наиболее опасных корпораций, осуществляющих загрязнение, со списком тех, кто предлагает решения? Думаю, что нет, так как эти списки практически идентичны, и это может означать только одно. Склоняетесь к теориям заговора? Конечно, нет.

Деятельностная природа человека — не грех, но господство прибыли может сделать ее чудовищной. Возможно, так, но это чудовище редко можно заметить в каком-либо из музеев, который касается темы труда и техники или сосредоточен на ней. Было бы полезно увидеть свидетельства встревоженной эгоистичности. Где те идеалы, согласно которым мы обязаны оставить мир, по крайней мере, в таком же состоянии, в каком его получили, а еще лучше — поставить более высокую цель? Что же такое любовь к нашим детям или человечеству, если не это? Как следует создавать музей технологий? Ну, таким образом, чтобы, с одной стороны, давалось объяснение техники, а с другой — возможные последствия. Неважно, что мы используем для достижения наших целей — суть всегда в ответственности и нравственности, к которым мы в итоге должны прийти.

2.22. О дивный новый мир

Шестнадцать лет назад Бэнкси (*Banksy*) выложил в свободный доступ в Интернете свою версию водяных лилий Моне¹. Это вдохновило меня и моих студентов. В книге Хаксли была поэтичная иллюстрация. На картине Моне японский мостик пересекает маленькое озеро с водяными лилиями, куда сброшены продуктовые тележки и пластиковые конусы со скоростной трассы. Это послужило прекрасным напоминанием о том, чем могла стать идеалистичная живописная поэзия XIX века в сегодняшней реальности обычных людей. Бэнкси утверждал, что потребление, апофеоз материалистической жадности предметов, погубило мечты и наметило мрачное будущее. Даже пиратская «живопись» Бэнкси была коммерциализирована до такой степени, что потеряла смысл. Мы бы не были так чувствительны к индустриальному прошлому, если бы не скорость, которую техника набрала в служении доминирующим идеологиям. На Востоке некогда разделенного мира понадобились всемогущий образ тяжелой промышленности и, как следствие, некоторое прославление «рабочего класса», пролетариата. Запад восхвалял технику за ее

¹ *Banksy* — псевдоним анонимного английского художника стрит-арта и режиссера. Речь идет о работе «Покажи мне Моне» (2005). — *Примеч. ред.*

способность производить и создавать так называемое общество изобилия. Увлечение техникой превратилось в потребительскую воронку, которая негативно повлияла на качество наших жизней. Технологии, бывшие воплощением прогресса, который означал продвижение гуманизма и благополучия, оказались колоссальной ошибкой. Критика Запада с восточной стороны биполярного мира, в котором мы прожили большую часть своей жизни, показала собственную несостоятельность, так как технологии привели к гибели ряд мыслителей-идеалистов и реформаторов, усердно работавших ради государства всеобщего благосостояния и настоящей демократии. Все идет к тому, что мы потеряем все, если продолжим следовать по пути, по которому идем сейчас. Если индустриальное наследие не может играть поучительную, поистине кибернетическую роль в современном обществе, тогда у нас вполне может возникнуть вопрос о правомерности этой огромной научной работы и работы по сохранению наследия.

2.23. Культурная ассимиляция как расстройство личности

Мой родной Загреб — это небольшая европейская столица, красивый, но не выдающийся город. В то же время ему пятьсот лет, этого возраста достаточно для солидной идентичности. И у него она есть. Но ежедневные прогулки на протяжении десятилетий способствуют обнаружению в ней новых трещин: все надписи, как правило, на английском, и кажется, его жители во всех отношениях стараются притворяться кем-то другим. Идеальными, богатыми жителями Запада? Что ж, мы всегда были западными людьми, будучи частью Австро-Венгерской империи. Но, по-видимому, нет предела попыткам походить на некий западный идеал, связанный с культурой Интернета. Только ли это глобализация? Может быть, всего лишь интернационализация культур? Или это простой комплекс неполноценности, подстегиваемый и постоянно сталкивающийся с прибыльными индустриями, стоящими за франчайзинговыми стереотипами? Загреб думает, выглядит и говорит таким образом, который не зафиксирован ни одним из его музеев, не говоря уже о том, чтобы поставить под сомнение или объяснить это. Но музеи посвящены прошлому — или, как минимум, их предпочитают видеть таковыми.

«Существует два способа покорить и поработить нацию. Один — с помощью меча. Другой — с помощью долга». Это были пророческие слова Джона Адамса¹, второго президента Соединенных Штатов. Возможно, он бы согласился добавить третий способ — культурную ассимиляцию. Здесь я предлагаю самое серьезное из ее возможных значений — значение «культурной модификации», при которой перенос ценностей происходит как ассимиляция к другой, доминантной культуре, как процесс замены местной или национальной культуры чужой. Мир испытал это на примере дегенеративного процесса глобализации. Большинство таких страдающих культур попало под радикальное влияние Запада. Фактически у тех, кто страдает от этого, происходит замещение собственной культуры чужой. Это всегда смешение, но такое, которое отнимает душу этих мест и их жителей. В любой стране Восточной Европы — части мира, с которой я хорошо знаком, — повсюду двуязычные надписи, с добавлением английского: как правило, это не вызвано обязательствами или необходимостью. Некоторые места практически никогда не посещаются иностранцами, но их культура и ценности врастают в сознание населения. В таких случаях английский язык является признаком комплекса неполноценности и способом американизации, чаще всего добровольной. По большей части исполняемая музыка иностранная, язык наводнен англицизмами... Стремление быть кем-то другим — это шизофреническое и опасное социальное расстройство. Большинство кафе и ресторанов, не говоря уже об иностранных магазинах (которые и так в основном принадлежат иностранным компаниям), имеют английские названия. Конечно, это поистине мировой тренд. Я не припомню ни одной конкретной выставки или акции, организованной хоть одним местным институтом наследия с целью признать эту проблему и предложить какой-либо способ ее устранения. Стоит ли говорить о парадоксальности и безответственности того, что все эти организации заявляют своей миссией защиту наследия.

Экономическая, технологическая и политическая реальности всегда переплетались с тем, что мы едим, как говорим, одеваемся или ведем себя. Некоторая стандартизация мира

¹ John Adams (1735–1826). — *Примеч. ред.*

неизбежна по мере того, как мы объединяемся в человечество с общим будущим. Но гигантские монокультурные плантации имеют свои эквиваленты в социальной и политической жизни: мы упускаем из вида то, что обе сферы губительны в равной степени: одна экологически, другая социально. Мы зависим от самой сути разнообразия, ибо, даже меняясь, должны сохранить заключенные в нем качество и богатство. Создающаяся профессия потерпела провал в решении этой задачи, и общественные лидеры уступили спекулянтам. Набирающее популярность альтернативное правое движение успешно извлекло выгоду из этого краха. Успех этого движения — симптом ухудшения положения Запада. Возможно, то, что несколько десятилетий назад воспринималось как опасная глобализация, в конечном итоге было не более, чем некоторая американизация? Возможность существования многополярного мира представляется воплощением в жизнь самой природы любого разнообразия, рассматриваемого как богатство, — благословенная логика сущности наследия и публичной памяти как производящей его формы.

2.24. Фестивализация городов вместо сохранения идентичности

Чтобы жить и развиваться, города превращаются в разные формы «мягкой силы»¹, иногда (вот ирония!) потому, что они утратили свою промышленную и другие направленные на развитие силы, необходимые для борьбы с кризисом или противостояния своим конкурентам. Только те города, которые производят впечатление значимых и креативных, выживают, приобретая репутацию привлекательного направления для туристов и инвесторов. Существует множество интерпретаций того, как это достигается, и не все из них верны. Новая управленческая элита выросла с внушительной компетенцией в области монетизации, заявляя при этом гуманитарную и культурную важность своего

¹ «Мягкая сила» — форма политической власти, предполагающая способность добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности, в отличие от «жесткой силы», подразумевающей принуждение. Термин введен в 1990 г. американским политологом Дж. Наем (*Joseph S. Nye*). — *Примеч. ред.*

подхода. Книга «Богатые событиями города» дает хороший материал по продолжающейся истории инициативы «Культурная столица Европы». Показательный и важный для всего мира опыт. Однако лучшее из этого — иметь хорошее финансирование и находиться под общеевропейским контролем. Культурные события (выставки, фестивали, конкурсы, конгрессы, концерты...) удаются лучше всего, когда они исходят из точного, научно обоснованного знания об индивидуальности или духовном потенциале рассматриваемого города. Но большинство предпринимчивых организаторов мероприятий, особенно фестивалей, ограничиваются перспективой прибыли (независимо от содержания) и зачастую охотно принимают упрощения, предложенные им так называемыми брендами. Основой же должно служить лишь глубокое понимание отдельно взятой идентичности. Очевидно, что деятели сферы публичной памяти принимают недостаточное участие в этом бизнесе, уступая всевозможным менеджерам и экспертам по пиару. Но в любом событии, в котором они принимают участие и где они на высоте, им удастся продемонстрировать блестящий, едва раскрытый потенциал.

2.25. Сенсационность пагубна и противоречит наследию

Сенсационность, которую требует бизнес-среда, допускают политики и повсеместно признают теряющие свое значение СМИ, — фактор, разрушающий ценности за счет занижения их уровня. Необходимый профессионализм уступает дорогу находчивым любителям и дилетантам, формируя своего рода фальшивые профессиональные элиты, создаваемые, как правило, сектором частного образования. Большая часть коммерциализированной индустрии образования неэффективна и фальшива в своих притязаниях на инновационный управленческий опыт. Постмодернистская парадигма «все сойдет» (воспринимаемая как свобода) превратилась за счет меркантилизации и потери системы ценностей в «ничто не имеет значения» (что знаменует лишь хаос быстроменяющейся моды) и иллюзии. Общественность развивающихся стран вряд ли осознаёт драматизм этого, так как на них и страны, проходящие через рыночные реформы, приходится львиная доля неблагоприятных тенденций в мире.

Восток верит в то, что Запад более совершенен и силен, поэтому с недостаточным чувством собственного достоинства заимствует оттуда образ мышления. Запад же сам пошатнулся в своих стандартах качества. Некритичное принятие зарубежного опыта также компрометирует культурные учреждения и возможный позитивный вклад культурного туризма. Безрассудные, недавно приватизированные СМИ потворствуют эпигонству, поверхностному копированию и плохой имитации. По всей видимости, китч становится исчезающим феноменом, так как некоторые представители современного искусства присвоили его как способ выражения (например, Джефф Кунс¹ или известный своей скандальностью Дэмиен Хёрст²), и он потерял свою дисквалифицирующую силу. «Все сойдет» действительно превратилось в «ничто не имеет значения». Получается, китч больше не существует, потому что он не встречает ни профессиональной критики, ни оценки государственных СМИ. Разумеется, музеи как хранители преемственности хорошего вкуса и неустаревающего, убедительного жизненного опыта оказываются в проигрыше (как и общество, которое их содержит), если они погружаются в безопасный научный анализ прошлого.

2.26. Мнимые публичные интеллектуалы были образцом для некоторых современных музеев

Современные развитые музеи были созданы по образу и роли вымирающего вида — публичных интеллектуалов. Они все еще существуют, но современные люди были многократно преданы всеми, и эта вина витает в воздухе. Что касается истинных публичных интеллектуалов, не многим из них удастся выжить, однако у ложных это, безусловно, получается. Обладание выдающимися интеллектуальными способностями еще ничего не гарантирует, как и глубокие фактологические знания. Все зависит от того, каким образом и с какой целью их использовать.

¹ *Jeff Koons*; род. 1955 — американский художник, представитель направления нео-поп-арт. — *Примеч. ред.*

² *Damien Hirst*; род. 1965 — английский художник и коллекционер произведений искусства. — *Примеч. ред.*

Если незаурядные способности совпадают с гипертрофированным эго, тогда ни одно решение не будет удачным. Ненасытное эго — это алчный монстр, что могло бы объяснить по большей части наше удивление, вызванное некоторыми грамотными, достойными и талантливыми людьми. Они используют свои поразительные способности в первую очередь для того, чтобы насытиться тем, что мир, по-видимому, «признает» за ними: исключительное, индивидуализированное, если возможно, преклонение, закрепленное с помощью памятника или как минимум мемориальной доски публичной стороне их личности для обеспечения своего рода бессмертия. Чтобы воплотить это в жизнь, большинство таких людей, в остальном одаренных и творческих, готовы служить практически любому господину. Публичные интеллектуалы не просто потерпели неудачу, особенно столкнувшись с неолиберальными агрессивными носителями власти, но и окончательно подорвали идеал государства всеобщего благосостояния.

2.27. Мир, переданный дилетантам, и снижение качества

«Караоке», в переводе с японского первоначального значения, данного его изобретателем, — «пустой оркестр», неоднократно в современной истории признавалось самым раздражающим изобретением всех времен. В сущности, проигрыватель с фоновым звучанием музыки, дающий возможность петь под него любому, стал символическим началом бессодержательного мира, все больше лишаящегося реальных вещей.

В отсутствие как настоящей музыки, так и настоящего певца караоке делало правомерным то, что по сути представляет собой невинный вызов себе — попробовать сделать то, что делают некоторые профессиональные певцы. Но в действительности это изобретение еще шире распахнуло дверь, олицетворяя собой едва ли не новое лицо демократии. Это было явным приглашением к «действию бездействия», к притязанию или воображению, что все можно сделать самому, и отказу от участия профессионалов. Эти новшества, вероятно, совпадая с некоторым общим трендом, способствовали возрастанию ценности имитации и посредничества в такой мере, что, например,

соревнования по игре на воображаемой гитаре стали международным событием. Это означало, что мир восстает против профессионализма и, таким образом, в целом отрицает ценности, на которых он стоит: владение ремеслом, стремление к совершенству как болезненный, но стоящий процесс совершенствования и наличие (по крайней мере, до некоторой степени) определенной гуманистической миссии в качестве основы.

Похоже, мы уступили большую часть мирового производства, от судостроения до популярной музыки, от духовности до технологий, финансистам и менеджерам, которые сами являются любителями с точки зрения принимаемой на себя ответственности. Будучи неспособными взять на себя ответственность за конечный результат, они исключили из производственного процесса дорогостоящее требование профессионального совершенства. При этом правящие элиты, похоже, мысленно открыли дверь всеобщему дилетантству. Возможно, они вообще не планировали этого делать, но, безусловно, они извлекают из этого выгоду. Профессионалы подобны нечистой совести и могут стать препятствием на пути, поэтому ослабление их позиций или отстранение их от процесса принятия решений также способствует манипулированию массами.

Кто угодно может стать художником, официантом, телеведущим, певцом, шеф-поваром, предпринимателем, политиком, лектором... даже лауреатом Нобелевской премии — и, конечно же, музейным куратором. Кто угодно может создать университет и предъявить требования на статус высшего образования и право на государственные средства... Мир избавляется от критериев качества с помощью все более варварской свободы. Это не сетования пессимиста, но когда в 1970-х годах была изобретена «плохая живопись», пал еще один фундаментальный критерий качества. Культура всегда была набором критериев оценки качества или игрой с ними, но китч просто не может олицетворять собой культуру, так же как ругательство не может ни по какому соглашению стать благочестивым высказыванием. Постмодернистская парадигма 1980-х годов предполагала некую свободу выражения, которая, в своей полной энтузиазма эклектике, провозглашала убеждение «Все сойдет». Но эта узаконенность и легкость осознанного заимствования превратилась в кошмар под

названием «Ничто не имеет значения». Таким образом, качество перестало быть понятием, которое ценится, а мир начал погружаться в гротескную, утрированную имитацию самого себя, созданную на основе чрезмерных упрощений и поверхностного понимания. Как в политике, так и в экономике хаос представляется предпочтительным состоянием для тех, кто воображает, что может его контролировать. Подытоживая: поддержание «нормы» (качества, в смысле истинной кибернетики) — это именно то, в чем заключается смысл существования музеев.

2.28. Потребность в органах публичной власти

Мы заслуживаем равных возможностей, но мы не равны. Мы все свободны задумываться над тем, что нам выбрать, но большинство из нас испытывает потребность в том, чтобы для принятия решения полагаться на прочный авторитет. Вот почему Век музеев был посвящен науке и анализу. Сбор значимых данных — это достижение, но любое предложение о том, как их использовать или интерпретировать, всегда балансирующее на грани с предложением оценки или, скорее, наиболее правдоподобного, наиболее вероятного суждения, гораздо важнее. Институты наследия практически неизбежно связаны с политикой, необязательно будучи при этом политизированными. Политики уже в значительной степени потеряли доверие граждан, религиозные организации теряют его в настоящее время во многих странах и культурах. Несколько десятилетий назад корпоративный сектор экономики, возможно, имел уважение, но едва ли оно сохранилось после неолиберального помешательства на неограниченной одержимости постоянно растущей прибылью и его коррупционного поведения. Сравнение современных музеев с публичными интеллектуалами, насколько это возможно, доступно объяснит их суть. Они одинаково ведут себя в случае поражения или успеха. Некоторые блестящие умы, судя по их обширным знаниям и глубоким научным исследованиям, не в состоянии делать смелые и полезные заключения. То же самое и с музеями. Когда они осмеливаются согласно своей программе открыто защищать интересы общества, то подвергают себя риску быть отвергнутыми властью, что так или иначе

может повредить их статусу, нарушить их гражданский покой или личное спокойствие в одном случае или уменьшить финансовую поддержку в другом. Тем не менее большинству людей необходимо своего рода наставничество авторитетов, будь то отдельные личности, заслуживающие доверия (как большинство продвинутых умов среди нас), или общественные институты, такие как музеи и другие учреждения сектора институтов памяти. За громкими заявлениями о важности науки, прошлого, традиций, идентичности — страх полного забвения и манипулируемой памяти — вот причина, по которой мы создали свои институты памяти. Чтобы выполнять свою задачу и действительно иметь значение, они обязаны превратиться в профессию.

2.29. Меня представление о времени и будущем

В доисторическую эпоху время было непостижимо, за исключением цикличной смены времен года. Древний мир понимал время как мифическое и цикличное, тогда как средневековое, иудео-христианское время определялось как литургическое. Но вот мы, наконец, достигаем временного континуума, где нет больше отдельных слоев времени, разделенных на прошлое, настоящее и будущее. Полвека назад Маршалл Маклюэн рассказывал нам об «одновременных событиях» в «глобальной деревне». Тем временем мир привлекали другие пророки, но только никто не смог подобно ему высказать предположение о сокращающемся пространстве и внезапно появляющейся одновременности, которые так бурно ворвались в нашу жизнь благодаря информационным технологиям. Цифровые сотовые сети, изменяя теперь мощность до поколения 5G, включающие в том числе Интернет, наконец могут подтвердить и превзойти представление Маклюэна. Мировой мегамозг беспрецедентной эффективности в «поточковой связи машинного типа» готов принимать вызовы. Один из этих вызовов — понятия времени и реальности как угроза потери себя в этом кошмаре (*cauchemar*) или как продвижение человеческого сознания на более высокий уровень. И то и другое произойдет, но нам придется выбирать и принять величайший из вызовов всех времен. Борьба за культурное наследие будет одним из вызовов, и в этой борьбе у нас

есть шансы на победу. Идеальная память, которой мы можем добиться, потребует лишь ясной и ответственной интерпретации. Другой же вызов касается самой идентичности человеческой расы, и мы вряд ли ответим на него так, как сейчас нам представляется приемлемым. Наше потаенное, сокровенное, евгеническое стремление может быть реализовано путем создания киборга-суперчеловека. А наша человеческая природа станет исключительно источником вдохновения. Время приобретет то значение, которое мы ему придадим. Будущее становится опциональным. Прошлое определяется каждый раз заново.

2.30. Мир иллюзий, или Потерянная реальность

Все современные достижения нацелены на расширение нашей реальности за пределы осязаемости и актуальности. Хорошо иметь друга или родственника на другой части земного шара и все же вступать в псевдореальную беседу по видеосвязи практически бесплатно или виртуально прогуляться по всей планете, как будто вы там побывали. Хорошо навести свой мобильный телефон на изображение тигра и увидеть, как он выпрыгивает из вашего экрана в джунгли вашей реальности. (Кстати, почему мы до сих пор держим тигров в зоопарках, разве что мы искренне считаем, что они просто не выживут на воле?) Но вместе с возможностями приходят и сложности. Живя в мире трехмерных фильмов, виртуального звука и изображения, создающих эффект присутствия, окружающая действительность повергнет любую слабую, хрупкую личность в полное замешательство относительно базового понимания реальности. Жизнь в искусственно созданной, условной реальности, например в сюрреалистической голографической антиутопии, изменяет сознание и может уничтожить врожденную потребность в твердой земле под ногами в текущей, реальной действительности вокруг нас. Подобно пище с синтетическими красителями, консервантами, наполнителями, усилителями вкуса и пигментами реальность может просто превратиться в ничто, не имея вообще надежного наполнения. Тогда наши пищеварительный тракт и мозг получают сомнительное поступление, чреватое непредсказуемыми, неблагоприятными, даже угрожающими последствиями. Кто будет

отвечать за надежную реальность? Кто или что будет безопасным убежищем гарантированной реальности? Кому мы можем доверять? Разумно предположить, что институты публичной памяти сами по себе будут иметь возможность исполнить свое предназначение.

2.31. Содержание растущего мирового метаразума, которое мы упустили

Мир — это необъятное хранилище предметов. Мировые музеи хранят, содержат и лишь в малом количестве демонстрируют сотни миллионов предметов. Библиотеки наполнены миллиардами книг. Архивы до сих пор хранят в основном бумажные документы в столь же огромном количестве. Это материальное содержание параллельно существующего колоссального мозга человечества. Эта материализованная память, что очевидно и логично, является исключительным изобретением нашей цивилизации. Как только скорость изменений и самопознания создала потребность противостоять этим изменениям, как минимум документируя их, мы начали проживать накопление, оценивание и воспроизведение прошлого как своего рода постоянный процесс, параллельный самим силам изменений. Любопытное явление — наш мозг выполняет все время одну и ту же операцию: мы непрерывно сопоставляем любое новое ощущение со всем содержанием нашей памяти. Этот процесс мгновенного сравнения занимает лишь доли секунды. Только тогда мы формируем или сообщаем нашу реакцию. Это, я считаю, хороший намек на то, для чего нужны музеи и публичная память.

2.32. Коллективная и общественная память — для публичной

Я не против коллективной памяти, так как она формировалась из памяти отдельно взятых людей и собралась в колеблющееся и неустойчивое целое, которое постоянно аккумулируется и рассеивается, фиксируется и подвергается забвению, направляется, моделируется и также подвергается манипуляциям... Память, сложившаяся в науке, культуре и искусстве, креативных

индустриях,— это социальная память в высшем смысле. Любое общество перерабатывает огромные объемы информации о прошлом. Из этих двух видов памяти мы конструируем нашу общественную, публичную память—ту, согласно которой мы как общество должны жить, чтобы сформировать надежную ментальную картину мира, фактическую и духовную почву, которая появляется под нашими ногами. Любой процесс, происходящий в настоящем, берет начало в некоей памяти. Хотелось бы надеяться, что не *какой угодно*.

2.33. Изменение мира как оправданная задача для институтов наследия

Стремление изменить мир воспринимается как несерьезное намерение, как будто он вверен каким-то гениям за пределами обыденной реальности. Мы не можем позволить себе усомниться в том, можно ли изменить мир к лучшему, но если это действие не указывает на цели общественных институтов, то что указывает? Музеи, подобно политикам, в течение длительного времени изобретали лучшее прошлое. Это служило множеству практических целей (вспомните только фальсификации, мифы и мифологемы при создании национальных государств), но пришло время им стать частью противоположного фронта. Мы должны выровнять развитие и обеспечить его стабильность. Вероятно, единственный способ—использовать выводы из прошлого как крупницы столь необходимой нам мудрости. В противном случае мы можем стать свидетелями того, как прошлое, за которое мы несем ответственность, будет выставлено на продажу.

2.34. Европе следует быть благоразумнее

Европа переживает тяжелые времена вследствие противоборств, в которые она вступила, будучи втянутой в бесполезные и опасные геополитические стратегии. Расставшись с ее болезненно выработанным представлением об обществе всеобщего благосостояния, мы стали добычей организованного хаоса. Мы должны быть континентом преемственности, понимания

надежных критериев оценки, прочной отправной позицией во времени и пространстве для всего мира. Если мы не применим обязывающе богатый исторический опыт сначала к себе, мы можем потерять престиж и шансы на развитие. Европа превращается в музей, который сам по себе плох и к тому же плохо управляется. Греция страдает от деградации ценностей как последствия навязанной нищеты, как и Испания, Португалия, безусловно Италия, но какая страна не страдает? Новички с переходной экономикой — наглядный пример. Это невыносимое, постоянно растущее давление. Пришло время изменения политического курса: бюрократия ЕС не в состоянии указывать, поддерживать или даже следовать какой-либо идеологии. Слишком часто европейские культурные проекты становились посмешищем в серьезных кругах. Даже блестящие идеи, имеющие в основе благие намерения, превращаются в бесконечные конференции, бессмысленные поездки, постановочные трансграничные коллаборации и заведомо безрезультатные семинары.

Нам следует поделиться нашими взглядами и опасениями со всеми остальными странами мира и сохранить наши потенциал и хорошую репутацию как важнейшие для культур планеты. Как бывшему безжалостному властелину мира Европе, окончательно объединенной, виднее, как извлечь выгоду из этого опыта ради всего человечества.

-
-
-
-
-
-

(3. О МУЗЕЯХ

КАК ТИПИЧНЫХ ИНСТИТУТАХ ПУБЛИЧНОЙ ПАМЯТИ)

3.1. Намеренное упрощение природы музеев

Когда речь идет об истинной природе музеев, то ее часто усложняют. Это как в сциентизме с его излишним требованием академического понимания мира. Любопытно, что такой подход нередко искажает общую картину. Так, возможно, несложные проекты могут быть полезны, несмотря на то, что они закономерно прибегают к некоторым упрощениям и обобщениям, которые любят практики и любители, но к которым плохо относятся представители научных кругов. Это как использование мата — неприемлемое поведение в приличном обществе, но, что интересно, зачастую мы предельно четко и ясно выражаем свои мысли именно с его помощью. То же самое происходит с политической и прочей корректностью, когда на ней слишком настаивают. К счастью, у нас есть искусство и его деятели для того, чтобы взять на себя эту роль. Однако мы можем попробовать использовать упрощение, чтобы доказать свою правоту в рассматриваемом вопросе. Зачем нам музеи? Музеи существуют, чтобы позволить нам не испытывать или не переживать что-либо в первый раз. Они, как любое просветительство, дают возможность отлично сэкономить время и усилия: ранее другие люди пережили все это бесчисленное количество раз, и, хотя их уже не стало, согласно общему желанию, они все еще здесь, чтобы поделиться своим опытом. Мы, современные люди, лишь временные посредники между нашими предками и теми, кому еще предстоит прийти. «Эстафетная палочка», которую нужно будет передать, остается на некоторое время у нас — и в этом заключаются мириады смыслов и интерпретаций. На основании некоторых из них мы можем объединяться и процветать, в то время как другие перерастут в конфликты и разрушения.

3.2. Однажды... или О независимости обычных музеев

Однажды двое мужчин отправились в путешествие на воздушном шаре, но внезапная гроза воздушным потоком сбила их с курса, и, когда она стихла, мужчины осознали, что совершенно заблудились. Они испытали облегчение, увидев человека, прогуливающегося внизу, и закричали ему: «Привет! Где мы находимся?» Маленькая фигурка на земле посмотрела наверх и крикнула в ответ: «Вы на воздушном шаре». Двое наверху переглянулись, и один вымолвил: «Должно быть, это музейный куратор». «Почему ты так думаешь?» — ответил другой довольно растерянно. «Потому что информация, которую он нам предоставил, абсолютно верна, но совершенно бесполезна!»

Старые шутки, совершенно справедливо, дорогого стоят. Впервые я представил эту шутку в выступлении на открытии ежегодного заседания Международного комитета образования и культурной деятельности Международного совета музеев (ICOMCECA) в Париже в 1987 году. В то время это прозвучало немного жестко, но достаточно уместно, и доклад, в который она была включена, впоследствии опубликовали в журнале «Новости ICOM» (*ICOM News*). Намного позже я обнаружил, что был оптимистом в душе, вопреки тому, что я о себе думал. Примечательно, что даже сейчас в этой шутке есть смысл — к счастью, его не так много, как раньше.

3.3. Чучело тигра в музее

Один из лучших умов, когда-либо действовавших в сфере наследия, Кеннет Хадсон¹, писал и часто говорил: «Чучело тигра в музее — это не тигр, а чучело тигра в музее». Циничное замечание обладает потенциалом для целой лекции по суррогатам и ложному характеру реальности, как она представлена в музеях. Музеи сами по себе — любопытный парадокс, и все же суть не в том, чтобы их сжечь, а скорее просветить, чтобы превратить в более доступные накопители памяти. Пользуясь случаем,

¹ *Kenneth Hudson* (1916—1999) — британский журналист и музеолог, основатель Европейского музейного форума. — *Примеч. ред.*

подчеркну этот парадокс: у французов есть забавный термин, обозначающий чучела животных, — *animaux naturalisés* (дословно — «натурализованная живность»). Для иностранцев звучит весьма парадоксально. Как такая натурализация мертвого животного может содержать какое-либо указание на жизнь? Она скорее служит напоминанием о его смерти. Таким образом, если вкратце, мы убиваем животных и изготавливаем их чучела, только чтобы показать, как они выглядели, когда были живы.

То, что раньше было понятным для отдельных людей, стало очевидным для всех: демонстрация чучел животных, как и самих животных в зоопарках, — спорная практика. При наличии современных технологий нам больше не нужно притворяться, что наши знания зависят от таких хрупких, примитивных напоминаний. Больше не существует уважительной причины ни убивать, ни хранить набальзамированную тушу. Животное, превращенное в музейный экспонат посредством таксидермии, — довольно нелепый способ продемонстрировать уважение к живому миру природы или даже утолить жажду экзотики и удовлетворить любопытство. Кроме того, стоит иметь в виду, что музеи могут служить прикрытием для миллионов людей, изготавливающих или приобретающих таксидермические изделия.

Любое правило, однако, может иметь исключения. «Новая большая кошка для Амгеддфа Кимру» (*A New Big Cat for Amgueddfa Cymru*; 2017) — выставка в Уэльском музее, посвященная суматранским тиграм, — драматичная и интерактивная история, основанная на натурализованных образцах — умерших от старости в Уэльском горном зоопарке животных. Использование чучела тигра дало нетривиальную возможность и повод представить трагедию этого вида, связанную с потерей места обитания, незаконной торговлей и дефицитом корма. Явно подразумевалось, что мы все внесли свою лепту в снижение численности популяции этого вида.

Поэтому, даже выступая против таксидермической практики, мы обязаны сохранять способность с должной ответственностью судить о специфичных и хорошо продуманных методах работы. В аналогичных ситуациях проницательность и «вкус» к креативным решениям сами по себе служат доказательством профессионализма.

3.4. Проклятие материальности в курировании наследия

Музеи печально известны фетишизмом в отношении подлинных, реально существующих предметов. Большинство культур обладает мировосприятием, для которого необходимы материальные свидетельства такого типа. Но ожидание того, что музеи выполняют свои моральные обязательства с помощью материальных свидетельств, неверно. Истинный язык мудрости не должен быть непременно связан с предметами. Хотя люди нуждаются в богах (настолько, насколько они нуждаются), они без труда прощают богам отсутствие вещественных подтверждений их пребывания на Земле. Часто звучащее суждение о преимуществе последних достаточно примитивно. Они логичны и необходимы для того, чтобы раскрывать/качать преступные деяния, однако заикленность на них в делах духовности или нематериальных ценностей и нравственности спорна. Научная риторика свойственна исследовательской работе специалистов, но в музее она должна перерасти из простого информирования в живое общение. Разрешение сомнений заключается в балансе материального и духовного с учетом того, что предметы глухи и немые, они никогда ничего не расскажут и не докажут ничего, кроме самих себя. Ни одно материальное свидетельство не оправдывает или не осудит ни одну из тысяч войн, в которых мы сражались. В конечном счете это мы с нашей честностью, приверженностью моральным принципам и нравственностью определяем, как к чему относиться. Или, откровенно говоря, может быть, нам следует снова и снова повторять наши намерения и воспринимать человеческое общество как развращенное собственными интересами и внутренним отказом от устойчивых моральных принципов? В таком случае следует ли музеям просто отражать наши недостатки? Формирование нашего наследия связано с постоянными переговорами, которые, увы, скорее напоминают бесконечную череду критики и оценочных суждений. По-настоящему будут важны наши поступки, а не слова, которые мы произносим.

3.5. Музеи часто отражают дезориентацию общества

Практика обесценивания других стала изощреннее, а кампании двуличных политиков и голоса активистов гражданского

общества продолжают ее замалчивать. Мир находится в замешательстве. Когда дела идут не по плану, найти козла отпущения — наиболее недостойный и вместе с тем наиболее эффективный способ избежать ответственности. Грехи музеев менее значительны, чем когда-либо (так как сами они лучше, нежели были прежде), но музеи по-прежнему не справляются с исполнением своей роли и за это достойны порицания; их грех — это скорее бездействие. Если они существуют с целью сохранения разнообразия как богатства, то должны соотноситься с проблемами настоящего, а значит, демонстрировать желание внести свой вклад в их решение. Музеи до сих пор представляют собой памятники покорения других, природы, классов... Недавние проекты по репатриации воодушевляли так же, как и программы по интеграции во многих городах Западной Европы. Художественные выставки на тему беженцев и столь же страдающего «остального» мира являются часто намеренным замалчиванием — своего рода игнорированием через извлечение из первичного контекста.

Более того, любой знаток наверняка понимает, что некоторые «художники» взялись за эту тему, только чтобы извлечь выгоду из несчастья беженцев — в определенной степени это явление служения тайным политическим целям под прикрытием сочувствия. Существующая глобальная борьба ведется также с помощью «мягкой силы» искусства, профессиональными диссидентами в удивительном сочетании частных интересов и геополитики. Безусловно, искусство, подобно любой другой сфере, полно амбиций, манипулятивного потенциала и возможностей получения прибыли, хотя, надо признать, сегодняшний неправдаемый «один процент» клиентуры, как ни одна из предыдущих элит, способствовал снижению качества искусства.

3.6. Музеи как вид, находящийся под угрозой исчезновения

Существующие перспективы мира, как и музеев или культуры, неутешительны. Определенное пренебрежение серьезными критериями оценки качества стало почти нормой. Парадокс заключается в том, что с количественным ростом исследований в сфере маркетинга и культурного менеджмента мы имеем

медленно надвигающуюся, но при этом открытую коммерциализацию традиционно общественной сферы. Это мировой процесс монетизации с его последствиями. Все что угодно служит товаром при хищническом капитализме.

Я виню культурный сектор и в первую очередь музеи за то, что они упустили возможность лучше поддерживать свою миссию. Растущее разнообразие вариантов использования наследия, их превращение в товар и даже производство наследия, удобного для извлечения прибыли, снижает уровень доверия к нему. Это также способствует недооцениванию и приуменьшению важности общественных институтов. Музеи, которые мы задумывали как идеальные, вполне могут сами стать видом, находящимся под угрозой исчезновения. На международном уровне мы провалили попытку создать профессию, связанную с курированием наследия, профессию публичной памяти. (Заглавие выше — это аллюзия на главу в книге «Музеи 2000», где моя статья называлась «Кураторы — вид, находящийся под угрозой исчезновения». Станет ли это намеренное утрирование еще одним парадоксом?)

3.7. Обесценивание других

Музеи, некогда бывшие откровенно расистскими, меняются к лучшему и исцеляются. Немало времени прошло с тех пор, когда они работали как зоопарки, в которых выставлялись «первобытные люди». В 1876 году Карл Хагенбек¹, отец-основатель зоопарков и торговли животными, организовал передвижную выставку по Европе, демонстрировавшую живых животных и «диких» людей, в данном случае нубийцев. Это начинание вдохновило одного из его компаньонов вернуться в египетский Судан в поисках еще большего количества диких зверей и нубийцев. В своем зоопарке в Гамбурге, еще на одной успешной выставке, он показал «эскимосов» (инуитов) с полуострова Лабрадор. Выставка человеческих существ Хагенбека, считавшихся «дикарями» в «естественном состоянии», вероятно, послужила источником вдохновения для организации «человеческого

¹ Также Гагенбек; *Carl Hagenbeck* (1844—1913). — *Примеч. ред.*

зоопарка»Жоффруа де Сент-Илера¹ в зоологическом саду Парижа. В 1877 году Сент-Илер организовал две «этнологические выставки», представив публике нубийцев и инуитов и таким образом успешно удвоив количество посетителей «зоопарка».

Подобное отношение было вполне в духе времени, от чего с тех пор отказались, за исключением отдельных случаев проявления нетерпимости и расизма. Даже когда в музее оказываются предметы, относящиеся к другим культурам и цивилизациям, как правило, их пытаются понять с западной точки зрения. Они демонстрируются абсолютно вне контекста и представляют культуры, до некоторой степени известные лишь специалистам; эти объекты — едва ли что-то большее, чем эстетически значимый странный и загадочный материал. Кроме того, рассматриваемые вне реальности, из которой они были изъяты, эти предметы (хотя они и были собраны из научного интереса) представляют собой свидетельства колониальных побед, трофеи военных походов и завоеваний, а также последствия разграбления далеких культур, находящихся в уязвимом положении. Пренебрежение первоначальным значением предметов или уместными способами их представления (вопреки духу культуры, которой они принадлежат) — признак невежества и шовинизма, против чего должна выступать любая общественная культурная институция, не говоря уже о музеях, наделенных гуманистической миссией. Экспонирование королевского барабана, принадлежавшего племени анколе (Юго-Восточная Африка), — кощунство: целое поколение может вырасти, не имея возможности даже взглянуть на столь важный для них объект, но зато он выставлен на обозрение толпам иностранцев в музее, который приобрел этот предмет при драматичных обстоятельствах.

Жорж Анри Ривьер² утверждал, что экомuzeи должны быть зеркалом общества, и это совершенно справедливо. Однако зеркало зачастую показывает то, что мы не осознаем или что хотели

¹ Étienne Geoffroy de Saint-Hilaire (1772—1844) — французский зоолог, сторонник эволюционистских идей. — *Примеч. ред.*

² Georges Henri Rivière (1897—1985) — французский музеолог, основоположник концепции экомuzeя и создатель первого музея данного типа в Ле Крё-зо (Франция). — *Примеч. ред.*

бы в ином случае спрятать или проигнорировать. Запад до сих пор является (хотя заявляет противоположное) расистским и нетолерантным. Ему следует вернуть то, что он забрал у других. Проектирование креативных решений — это не задача музеологии (потому что музеология посвящена технической стороне институции), но задача науки публичной памяти. Последняя могла бы найти способы, как сделать это символическим стержнем обратного процесса для нашей планеты — процесса возвращения вместо завоевания. Описанное относится к другим культурам настолько же, насколько к природе. Ни один богатый западный музей не должен вредить этому процессу или блокировать его, следует просто поделиться. Благородная память может стать сердцем стратегии, направленной на глобальный мир и справедливость. Общее процветание и безопасная Земля находятся лишь в шаге от нас. Требуется ли это финансовых затрат? Что-то — да, но посмотрите скорее сквозь призму военной индустрии: топовая подводная лодка стоит около трех миллиардов долларов, авианосец — около девяти... Самый лучший в мире боевой самолет в настоящий момент продается по хорошей цене: три штуки за цену галереи Тейт Модерн, но программа по его разработке стоила еще больше — почти пятьсот миллиардов долларов. В целом мир испытывает дефицит не денег, а интеллекта и морали (прошу прощения за недостаток научной изощренности). И как нам с учетом этого предусмотреть роль образования и публичной памяти? Если бы мы могли найти решение, это привело бы к государству всеобщего благосостояния.

***3.8. Музей — демократический инструмент,
но именно идеология, а не коллекция
определяет характер его деятельности***

Большинство музеев имеет мощный потенциал для масштабного общественного нарратива в своих коллекциях. Но процесс работы определяют не предметы, а понимание цели и миссии. Музеи и прочие институты наследия сами по себе вовлечены в политику и как память (коллективная, культурная и общественная) представляют собой естественный компонент или, скорее, инструмент демократии. Будущее превзойдет и про-

игнорирует примитивные идеологические ориентации, которые выживают скорее посредством манипуляций, нежели с помощью аргументации. Понимание общественных процессов и хорошая, объективная информированность станут основой общества справедливости и равных возможностей. Не существует демократии без свободного участия в процессах запоминания: в сборе информации, сохранении (хранении, восстановлении, исследовании) и коммуникации.

3.9. Карл III Благородный

© Ivica Kiš, 1997

История часто опирается на факты—впрочем, не всегда. Если бы история была основана на фактах, она могла бы изменить мир, точнее, его разоблачить. Победители и люди, стоящие у власти, не только пишут историю, но и окрашивают ее по-своему—с помощью наемников. Картина, которую вы видите на мольберте, как раз перед тем, как она была закончена, оказалась примерно пять сотен лет спустя в музее. Прекрасный и благородный король Карл, милостью Божьей Король Э, Лорд Ю и Герцог Я и Ш, граф..., который правил согласно закону (он указывает на КНИГУ!) и принес стране мир и благопристойность (в силу

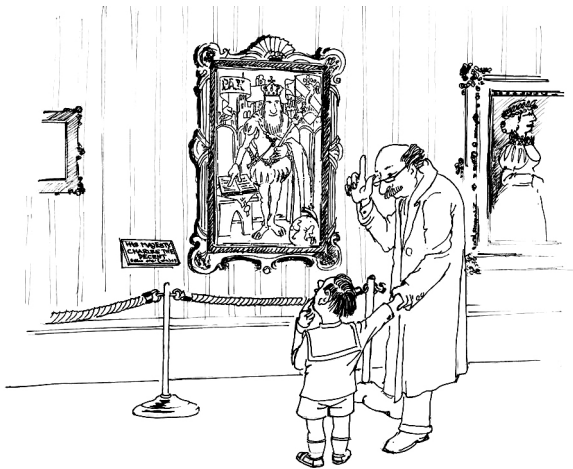
чего его пиар заставил подданных называть его «благородный»), не имел понятия о музеях. Но великие негодяи, не желая быть преданными забвению, мастерски продумывают, как себя обесмертить. В отличие от фараонов, они «забальзамированы» в коллективной памяти не с помощью смеси ингредиентов, но посредством совокупности мнемонических действий и процедур, навязанных общественному разуму.

Итак, король Карл решил продолжить свою жизнь в общественной памяти, прочно и благополучно в ней укоренившись. В то время, как это все чаще происходит сегодня, государство не особо оказывало поддержку ученым, художникам, писателям, актерам, профессорам, поэтому они... зависели от спонсорства всемогущих. Если у господ внезапно портилось настроение, их вполне могли выгнать из теплого замка в холодную темноту ночи. Неудивительно, что они стремились умилизовать спонсора (и даже сегодня это, как правило, именно «он»). Таким образом, король приобретал множество своих портретов, то же самое делали его подхалимы, и, как следствие, портреты распространялись во все стороны его королевства и в другие страны. Его статуи украшали наиболее представительные площади городов, которым был предоставлен статус свободных, или, выражаясь менее исторично, которым было позволено, выплачивая откуп королю, защищаться от баронов-разбойников. Его благотворительная помощь была упомянута на первых страницах многих книг в виде изощреннейших восхвалений в стихах и изображениях. Слова были написаны благодарными получателями его помощи, которые, так случилось, оказались величайшими умами его времени. Подобно художникам и скульпторам, они использовали свое имя, чтобы стать вечными гарантами надежности и истинности гуманистической репутации короля. Что ж, обмен, дарующий славу, до сегодняшнего дня остается наиболее живой коммерческой деятельностью.

Одним словом, если вы отведете внука в музей, попробуйте рассматривать картины известных художников не только как произведения искусства, но также как многоуровневый исторический объект — как свидетельство времени и контекста. К сожалению, сопроводительные тексты мало что говорят, при этом экскурсоводы упоминают лишь гениальное мастерство художника. Музеи едва ли помогут нам в этой опасной затее,

поскольку лишь немногие осознали, что их истинная миссия заключается в исполнении роли публичных интеллектуалов, иногда даже роли трибунов, плохих торговцев, которые сознательно идут на то, что их шансы на признание будут очень малы.

Карикатура на веб-сайте www.mnemosophy.com — это часть заброшенного проекта; рисунки выполнил два десятилетия назад мой друг Ивица Киш (*Ivica Kiš*) после того, как я попросил сделать визуальное переложение истории, описанной выше; музыканты были изображены с черным юмором, так как они сильно напомнили мне некоторых кураторов... Я нарисовал разъясняющую вторую картинку.

3.10. Музеи приумножаются

За любым успехом всегда стоит какой-то кризис, это касается и музеев. Если музеи приумножаются, вполне вероятно, что их все еще не хватает. Китай — практически наглядный пример описанного, учитывая сегодняшние темпы роста: один музей каждые полтора дня, однако объяснение этого феномена гораздо сложнее. Как бы то ни было, широко распространяющийся интерес к музеям — это факт, он демонстрирует как минимум две вещи: первая — это растущее значение музеев (и оснований для их существования), что само по себе интересное явление,

и другая — это то, что им не удалось позиционировать себя так, чтобы все почувствовали как минимум желание, если не компетентность, для работы с ними.

Есть еще одна перспектива, которая меня очень интересует, — дезинтеграция или, вернее, определенное распространение этого концепта. Лично я не имею ничего против него. Для меня это всего лишь очередной вариант темы моей докторской диссертации «К проблеме тотального музея»¹, представленной тридцать пять лет назад. (Кстати, спустя 27 лет после защиты эта работа была переведена на сербский язык и полностью опубликована.)

3.11. Большой не значит хороший

«Большая коллекция и пустое хранилище? Это вполне может быть признаком хорошего музея». В такой провокационной форме я попытался высказать мнение, что музеи должны использоваться в полной мере. Они могут передавать свои коллекции, предоставлять их в пользование «бедным» музеям или, если это оправданно, возвращать их туда, откуда их забрали. После века или двух кропотливого, иногда маниакального коллекционирования большинство музеев показывает и использует едва ли четверть своей коллекции. Все остальные предметы обречены на темноту музейных хранилищ, и пока они там находятся, их не существует. Упоминание «булимии» в данном контексте — еще одна провокация: большинство музеев продолжает следовать этой разновидности количественного перфекционизма — чем больше, тем лучше. (Булимия, согласно медицинскому определению, представляет собой чрезмерный аппетит, характеризующийся постоянным голодом.)

Принимая во внимание многогранность этой темы, вывод о том, что большая коллекция предполагает хороший музей, обычно бывает ошибочным. Творческое и ответственное использование хорошо подобранной коллекции (с помощью вспомогательных материалов и средств интерпретации) определенно приведет к качеству.

¹ Диссертация защищена в университете Любляны в 1985 г. — *Примеч. ред.*

Существовал арт-проект под названием «Это не должно было закончиться таким образом» (*It Wasn't Meant To End Like This*) (Морской фестиваль, Орхус, Дания / Sea Festival, Aarhus, Denmark) — временная скульптура, представляющая огромный настоящий экскаватор, который сам себя закопал, однако она может весьма точно проиллюстрировать участь музеев. «Век музеев» (Ж. Базен¹) характеризовался коллекционированием. Реагируя на быстро меняющийся мир и испытывая потребность задокументировать исчезающее прошлое, коллекционеры создавали обоснованную, научно и фактически подкрепленную публичной памяти. Тем не менее, как и любое стратегическое решение, оно может быть искажено, став еще одной проблемой. Занимаясь обеспечением преемственности по отношению к находящемуся на грани исчезновения, музеи часто прибегали к своего рода ложному перфекционизму во всем, коллекционируя все, что относилось к их теме. Так коллекционирование часто становилось чистым накопительством. Находясь перед лицом трудностей, связанных с небольшим финансированием и очевидной миссией служить своим сообществам, музеи должны адаптироваться: их огромные коллекции, вероятно, станут не просто вызовом, но еще и опасностью. Речь идет не только о растущих затратах на коллекционирование. Политики уже начали изучать слабые места музеев как предлог либо для их закрытия, либо для предъявления им требования снизить затраты независимо от катастрофических последствий, которые это может повлечь. Ответы на то, как собирать, хранить и использовать коллекции, скрыты в успешной практике и профессиональном опыте музеев. Некоторые из них заключены в рассуждениях, которые были аккумулированы в теории роли музея в обществе. Однако сегодняшнее возрождение консерватизма замедляет окончательное формирование профессии в сфере наследия, что лишь отсрочивает это решение. Именно наличие этой профессии создаст определенную правомерность и полномочия для ответа. Существует авторитетная миссия, защищать которую — право и обязанность музеев.

¹ Germain Bazin (1901—1990) — французский искусствовед, куратор коллекции живописи Лувра с 1951 по 1965 г. — *Примеч. ред.*

3.12. Область влияния музеев невелика

Мы можем утешать себя иллюзией, что музеи играют важную роль, но в соотношении с другими силами то, что предлагают и делают музеи,—в значительной степени маргинально. Предоставление возможности высказаться гражданам, обществу, определенным группам населения—это то, чем мы занимаемся. Но если мы взглянем на контекст, созданный в угоду интересам компаний с помощью политиков и медиа, мы увидим, насколько ошибочны все наши неосуществимые проекты. Наша область влияния все еще мала и ограничена в сравнении с тем, чего мы можем достигнуть. Если выразиться иначе, музеи посещаются лучше, чем когда-либо. Но несмотря на это, интерес представляют два аспекта: ненадлежащее качество этих посещений (особенно там, где предполагаются большие цифры) и слабое общественно-политическое влияние музеев (прежде всего в странах, где их мудрость наиболее востребована).

3.13. Музеи — символ элитарности качества

Многие страны живут в постдемократическом мире показной демократии, где население часто рассматривается как *масса* и *толпа*. Поэтому представляется, что избиратели необходимы лишь для того, чтобы снабдить процесс формальным, управляемым одобрением. Музеи должны избегать какого-либо снижения их роли до этого популистского уровня. Ложные элиты уничтожили положительную роль музеев и нивелировали их элитарность. Большинство заслуживает того, чтобы быть целью и задачей постоянных позитивных общественных преобразований, но не в смысле обольщения и заискивания. Растущая коммерциализация средств массовой информации уменьшает это стремление и постоянно снижает критерии качества.

3.14. Западную модель музея следует дополнить специфичными решениями

Музей—это процесс, не обязательно учреждение, даже не обязательно обладатель коллекции в традиционном смысле. Передача коллективного опыта происходит повсюду: от иглу

эскимосов до небоскребов и африканских хижин из грязи, — она может быть осуществлена где угодно. Это основа того, чем является музей. Процессом. Безусловно, эта передача может происходить и как ухудшение образа жизни в традиционном обществе, пораженном кризисом. Она может привести к манипуляции и безрассудству, если будет подчинена коммерческим и политическим амбициям. К счастью, унаследованный опыт может передаваться в форме благородных ценностей и мудрости. Запад изобрел музеи и, что прискорбно, торжествуя и противореча здравому смыслу, он прямо или косвенно навязывает эту модель. Интернационализация культуры и влияние Запада практически никогда не давали другим возможности найти свои конкретные способы работы с этим процессом, то есть с некоторыми «музеями», берущими начало в собственных культурах. Трудно поверить, что такое множество различий в понимании того, что есть прошлое, культура, идентичность, наследие, должно непременно приводить к одной и той же институциональной модели западного музея. Великие культуры и цивилизации, помимо западной, могут по-своему оценивать человеческие достижения. Следует прекратить измерять свой успех, основываясь на сравнении данных статистики или степени сходства с Западом. Я считаю, что различные условия и различные потребности непременно приводят в результате к специфичным решениям. В этом смысле концепция экомuzeя была революционной, так как она использовала организационную форму, которая исходит из самой сути идеи, — ее природы и ее главных действующих лиц.

3.15. Концепция музея расширяет свое значение

Словосочетание «музей сегодня» связано с длительной борьбой и фрустрацией. Оно подразумевает, что должны были существовать музей утраченного прошлого и музей будущего. С тех самых пор, как я проводил интенсивные исследования для диссертации (и имел счастливую возможность учиться у великих наставников), мне казалось, что я знаю ответ. В 1982 году я предложил термин «наследиеведение» вместо «музеология», и для меня это стало началом затянувшейся битвы, в которой я, сражаясь в одиночку, не претендую на какую-либо исключительность:

я предлагал нечто настолько логичное, что понемногу остальные исследователи приходят к тому же. Однако зона влияния малых языков и единичных личностей (кем, увы, являюсь я) очень ограничена. Я относился к этому с пренебрежением, в результате чего пострадала моя карьера. Изменения должны происходить в мейнстриме. Музею сегодня следует быть общественно обоснованной культурной акцией, кибернетическим импульсом к гармоничному развитию и кардиостимулятором для погибающих идентичностей. Возможно, вы и сами замечали, что музеи, как правило, создаются там, где присутствует умирающее сердце индивидуальности.

3.16. Увлеченность материальными свидетельствами

Наша увлеченность материальными свидетельствами одновременно и логична, и парадоксальна. Теряя твердую почву под ногами вследствие жизни во все более дематериализованных иллюзиях, мы, вероятно, приобретаем новое увлечение реальными предметами. Однако это парадоксально, так как мы аккумулируем такое огромное количество знаний о прошлом и так много предметов, что еще тридцать лет назад я считал это пугающим, предсказывая музеям «пределы роста». Но чего я не знал тогда — это факта, что большинство культур все еще равнодушны к «драгоценному» и «старинному» и весьма индифферентны к актуальному и современному, которое они, по всей видимости, считают эфемерным. Я думаю, во многом это связано с фетишистской природой людей, что открывает весьма интересные перспективы. Музеи могут превратиться в хранилища параметров реальности. В завершение я хотел бы сказать, что одержимость предметами продолжится, однако они будут умело вписаны во впечатляющую мультимедийную среду. Проблема пределов роста в техническом смысле давно решена путем создания перемещенных хранилищ. В некоторых случаях это могло означать откладывание надвигающихся проблем. Основной мыслью является идея тотального музея¹: музей

¹ Моя докторская диссертация (PhD) называлась «К проблеме тотального музея» (*Towards the Total Museum*; 1985).

остается там, внутри самой жизни, как эталон высокой чувствительности, вкуса и культивируемой потребности в качественном понимании прошлого.

3.17. Многие темы заслуживают интерпретации, но им не хватает предметов

Одна из проблем музеев в мире — отсутствие реальных предметов, богатой, хорошо сохранившейся коллекции. Очень жаль, поскольку такие предметы совсем недавно были утрачены без какой-либо обоснованной причины, но мне до сих пор кажется, что еще не все потеряно. Уже в течение длительного времени я заявляю, что все наследие нематериально и лишь какая-то его часть материализована.

Различные места и пространства памяти могут существовать независимо от того, на каком носителе и каким образом память аккумулировалась, ее сохраняли, извлекали и передавали. Изучение истории искусств всегда питало мою надежду: художник может помочь нам сформировать слияние, которое в некоторых текстах я называю восьмым искусством — искусством передачи публичной памяти.

3.18. Музеи как заводы, перерабатывающие прошлое

Мы воспроизводим прошлое в таких объемах, что при условии его полного запоминания оно вскоре поглотило бы нас. Таким образом, в отличие от того, как это начиналось, наши музеи все больше и больше становятся заводами возрастающего накопления памяти. Интернет-провайдеры превратились в гигантских коллекционеров памяти, и только в своем коммуникационном поле они в какой-то мере и все более самостоятельно выбирают коммерческие критерии оценки качества.

3.19. Количественная эффективность как критерий качества

Одна из причин растущего увлечения эффективностью — конкурентная среда. Другая — мобилизация всех общественных сил для достижения благосостояния. Экономика наконец

воспринимает культуру как имеющую значение для развития, что, безусловно, хорошо, так как способствует преодолению традиционных препятствий на пути к доказательству ее важности. С другой стороны, это обнажает культуру для бизнес-логики и управленческих решений, которые, как правило, деструктивны для ее сути.

Товаризация культуры — это постепенный и для многих, увы, довольно незаметный процесс. Медиа всегда будут предлагать оценку общих показателей в отношении культуры или музеев, основываясь на численности организаций, их размере или количестве находящихся в них предметов. Еще чаще они будут объявлять успешным любое событие, которое демонстрирует высокие показатели посещаемости.

Эти медленно развивающиеся критерии индустриальной логики (дешевый, потребляемый массами продукт) и рентабельность инвестиций (максимальный эффект при минимальных вложениях) приносят в культуру истинную маркетизацию. Безусловно, ни музейные кураторы, ни тем более широкая публика не подозревают, что суть маркетинга заключается не в пиаре, а в создании качественного продукта и его продвижении. Прямым следствием подобного неверного применения маркетинга стало снижение качества всего, на что он оказал влияние.

3.20. Увлечение технологиями и управлением

Сегодня музеи используют любые методы и техники, характерные для бизнеса, чтобы добиться лучших результатов, однако наиболее важным остается понимание сути и истинной роли наследия. Именно для этого нам необходима теория и в конечном итоге наука, которую мы сможем использовать.

Бизнес-администрирование и бизнес-технологии привлекательны безграничным потенциалом, перед которым невозможно устоять. Но правильные технологии и безупречное управление являются ключевыми для успешного ведения войны, а не для культуры, для убийства, а не для жизни. Чтобы избежать войн и того, что они приносят людям, нам необходимы такие ценности, как гуманность и мудрость.

3.21. Парадокс растущих технологических возможностей

До тех пор, пока киборги не изобретут свой собственный мир, все останется по-прежнему: мы будем выражать свои мысли, делая это с помощью перьевой ручки или надиктовывая прямо на компьютер. Более того, люди будут писать новые и новые книги, причем их количество, вероятно, снизит качество и предложений, и отклика на них. Парадоксально, но это даже может отдалить нас от мудрости и решений, которые мы пытаемся найти. К сожалению, мир становится уродливее, тривиальнее, банальнее — ежедневно он теряет богатство своего разнообразия... Впервые мы оставляем молодому поколению мир в худшем состоянии, чем сами его получили. Безусловно, столь неудачная практика должна быть в корне изменена. Большинство замечательных технологий, несмотря на их экстраординарный, беспрецедентный потенциал в улучшении мира, стало частью проблемы, а не решения. Изобретение телевидения остается лучшим примером! Миру был дан шанс бороться за правильные ценностные ориентации и обеспечить эффективный общественный договор на уровне всей планеты. При появлении каждого из революционных достижений судьба мира находилась в наших руках. Складывается впечатление, что нам не удалось преобразовать эти изменения, будь они политическими, социальными или технологическими, в качественный и долговременный эффективный результат. Несмотря на то что некоторая часть коллективного опыта сохраняется, она еще не вывела нас из состояния нарастающей парадоксальной угрозы самому выживанию человеческого рода.

3.22. Технологии как потенциальное мировоззрение

Ни одно изменение не может произойти без изменения мировоззрения. Высшее образование превращается в козыряние модными терминами, в основе которого поверхностные знания. Наши музеи не начнут успешнее популяризировать унаследованную мудрость лишь потому, что у нас появились информационно-коммуникативные технологии (ICT), виртуальная реальность (VR), версии 2.0, 3D маппинг, дополненная реальность (AR), 5G; они как сектор культуры, а также наследия

обратились к потенциалу, заложенному в четвертой революции... Сами по себе технологии не сделают нас распространителями блестящих, самых лучших, наиболее ценных и дорогих достижений наших предков — именно тех, которыми они гордились и которые были признаны обществом ценным достижением. Это могут сделать лишь наши усилия, наше понимание духовной природы человеческого существования и научно обоснованный взгляд на мир, который признает недостижимое и позволяет стремиться к нему. Светлые периоды истории состоят из попыток человека приблизиться к своим идеалам или добродетельным богам и создать соответствующие им земные условия. Последние, увы, обещаны лишь тем из нас, кто страдает и покорен, либо в виде демократического идеала, либо как вознаграждение в раю — и то и другое, разумеется, после смерти.

Настоящие профессии отказываются быть частью этой иллюзорной реальности. Технологическая эйфория, которую испытывала большая часть мира в начале 1980-х годов, наводила на мысль о том, что все наши каталоги, вся документация — скоро все будет компьютеризировано и доступно по нажатию кнопки. Технологии могут помогать, улучшать, совершенствовать, продвигать... но едва ли они в состоянии делать это самостоятельно. Когда компьютеры казались волшебным решением всех наших проблем, первые предостережения были высказаны более разумными людьми, которые распознали их опасность. Их жесткое, отрезвляющее заявление было простым: «Мусор на входе — мусор на выходе!» И это осталось философским камнем информационной революции.

3.23. Технологии — наш слуга, друг или руководитель?

Испытание технологиями напомним нам о том, что следовало бы сначала ответить на вопросы бесконечности, заключенной в нас самих, — бесконечности человеческого разума и духа. Простой вопрос, который игнорировали и с помощью которого манипулировали, всегда был одним и тем же: что есть добро и что есть зло? Естественные науки втянули нас в неустанный изучение двух бесконечностей: макро- и микромира, но при этом мы совсем забыли о необходимости исследовать ту

единственную бесконечность, которая в конечном счете действительно имеет значение,—бесконечность человеческого разума, духовное измерение нашего существования.

То, чем были компьютеры и телематика в 1970-е годы, это сегодня 5G и ИИ. И снова мы в ожидании тесного союза технологий, однако на этот раз не того, что лишь удивил бы нас, но того, который уже сейчас представляется опасным рискованным и пагубным. Его потенциал практически самовоспроизводящийся, и он определит инструменты и результаты четвертой (или пятой?) революции. Но опасность не только в этом. Мы испытываем закономерное ощущение, что находимся на постоянно сдвигающейся стартовой линии будущего, так как происходящее превосходит человеческую способность понимания собственной реальности. Волна изменений захлестнула нас и задает ритм, под который мы не можем подстроиться. Столкнувшись с недостижимым, люди непроизвольно погружаются в невежество, мистицизм и сильнейшее идентитаристское беспокойство за будущее.

3.24. Неоднозначная сила информационных технологий

Информационные технологии сначала искушали нас, затем озадачивали и мешали работать, и только потом лучшие из нас использовали их, чтобы стать еще лучше. Немыслимые суммы денег (которых в развивающемся мире никогда не было в достатке) были потрачены на все более новые поколения компьютеров, а миллионы рабочих часов (которых у нас, на первый взгляд, еще достаточно) были израсходованы на банальную смену оборудования, бесполезную организационную работу и временные знания. Даже после тридцати лет расходов и затраченных усилий документация половины всех музейных холдингов Хорватии не оцифрована. И это этап, который не может преодолеть ни один компьютер, самостоятельно сканируя документацию с некоего умного чудо-дрона. Все забыли о том, что технологии эффективны только для тех, кто стремится усовершенствовать то, что уже успешно осуществляется. Пример. Интернет был проведен во все крупные организации—миллионы метров кабеля за огромные деньги, однако не была введена культура сотрудничества

и командной работы, чтобы оправдать вложения. Кроме того, 4G заменило все провода. Сознательное использование технологий при наличии понимания их смысла так не работает. То же самое с переходом на цифровые технологии. И то же самое произойдет с 5G или еще неизвестными видами технологий. Мы имеем дело с индустрией, которая преследует свои собственные интересы, а не интересы пользователей предлагаемых ею технологий.

Изучение и понимание профессии, что подразумевает истинную профессионализацию, нравственную и ответственную в социальном проекте, — это единственное, что обеспечит правильные технологические решения: каково разумное соотношение затрат и получаемой выгоды, каковы риски, каковы приоритеты в работе... Если у куратора отсутствует убежденность и целеустремленность гражданского служащего, он никогда не компенсирует этого исключительно знаниями технологий. При самом зарождении информационных технологий в начале 1980-х годов первые грамотные руководства пытались четко объяснить: мусор на входе — мусор на выходе. Компьютеры никогда не задумывались как более легкий способ для достижения чего-либо. Приобретение информационных технологий сначала привело нас к бедности, затем их объемы памяти и возможности извлечения информации увлекли нас, потом для некоторых это размывало фундаментальные аспекты нашей работы, выступая целью, а не средством для превращения в то, что это представляет собой сейчас: вызов нашим творческим способностям и напоминание о нашей силе. Чем больше возможности, тем выше ответственность.

3.25. Корректное использование технологий — мера профессионализма

Сущность письменного изложения и создания теории кураторской работы направлена не на то, чтобы превознести профессию или ее представителей, но совсем наоборот — предупредить так же назойливо и раздражающе, как родители дают напутствие перед дальней дорогой. Увлечение технологиями может сделать нас жертвами продавцов (программ, ненужного оборудования) и превратить нас в беспомощных покупателей ненужных новинок или, как они очень любят, постоянного дорогосто-

ящего массового переноса памяти — все это не стоит вложенных денег и времени. Но, к сожалению, только наши каталожные карточки кажутся постоянными. Искусство состоит в том, чтобы взять то, что действительно необходимо. Рационально работая с приоритетами (кто может позволить себе иной способ во времена дефицита?), нам следует предположить, что каталог маленького музея может оставаться неоцифрованным в течение длительного времени, так как некоторые коллекции еще поддаются управлению с помощью традиционной системы или еще находятся в памяти кураторов для какой-либо рефлексии на тему этих предметов. Изменение подобно инновации — может превратиться в кошмар, в то время как первоначальное значение обоих понятий этого не подразумевает.

Только сильная профессия может создавать собственные реальные пути решения. Нам следует любить новые технологии. Они стоят многого, когда служат творческим и равнодушным людям или команде, и почти ничего не стоят, когда служат средством получения прибыли и когда опошляют творчество и профессионализм. Проще говоря: кураторское мастерство не должно зависеть от технологий, но технологии должны служить лишь для расширения зоны его влияния.

3.26. Ценность публики

Постоянные посетители музеев называются публикой. Они бывают разными. Посетитель — это любой, кто заходит в музей, в то время как пользователь — тот, кто живет тем, что предлагает музей. Непрофессиональная общественность избалована правящими элитами: всегда — политиками, в последние десятилетия — церковью и всегда ориентированными на сенсацию медиа, которые демонстрируют пренебрежение всем, что не является показным, банальным развлечением. Более того, бедные страны, страны с переходной экономикой и «маленькие» культуры получают сполна проблем. Насколько мне известно, я единственный, кто жаловался на музейную публику в книге («Вечность здесь больше не живет»): я осведомлен о ее латентном консерватизме и пассивности. Однако у нас нет иного выбора, кроме как сражаться за нее. Если мы изучим ее потребности

и будем их удовлетворять, публика нас поддержит. Одно следует принять за правило: музей никогда не бывает пустым по вине публики или сообщества — это всегда результат плохо выполненной работы.

3.27. Нематериальная природа ценностей

Любое наследие нематериально, материализована лишь какая-то его часть. Поле значений, которым обладает всякий музейный предмет, неизменно напоминает нам о его «нематериальности». Без сопровождающего пояснения каждый предмет — безмолвная загадка. Наследие, сведенное к предметам, даже драгоценным, не является ни полным, ни правдивым. Закрытое в учреждениях, в витринах и на полках, оно всего лишь служит напоминанием, что исключительно то наследие, которое живет или которым живем мы, имеет истинное значение. Чтобы стать полноценным, наследию в экспозиции музея не хватает целостности, неиссякаемых, постоянно меняющихся элементов, которые по своей природе являются соединительной тканью. Институты публичной памяти (музеи, архивы, библиотеки) — это не роскошь обеспеченного общества, они также не могут служить для времяпрепровождения ученых, которым нечем заняться. В мире смешанных ценностей, продолжающейся потери качества, в мире, который становится все более уродливым и мрачным, осмысление наследия, особенно его неосознаваемой части, — это вопрос правильного восприятия развития, а следовательно, жизни.

3.28. Высокое качество — всегда результат соответствия профессионализма простому течению жизни

Профессиональный анализ местной ситуации должен предшествовать принятию любых решений. В результате подобного анализа предлагается структура или даже иерархический список локальных ценностей, которые необходимо представить, довести до сведения жителей и сохранить. Список следует сократить и подготовить для программы успешных изменений, которую необходимо реализовывать среди местного населения,

четко следуя его потребностям: в обязательном порядке требуется его согласие и одобрение. Если же это условие не будет соблюдено, то программе незачем существовать. Безусловно, может потребоваться время на то, чтобы инновации были приняты, однако в любых условиях для успешной реализации программы необходимы смелость и сила убеждения. Хорошие аргументы важны. Нередко политики, как и достаточно консервативные представители общественности, выступают блюстителями статус-кво. Музеи же приобрели свои собственные традиции, которые накладывают определенные обязательства. Проявляя чувство меры в сочетании с образцовой чувствительностью к актуальным, истинным потребностям сообществ, музеи могут дать старт программе успешных изменений. Конечная цель — это всегда то, что Кеннет Хадсон называл «честным музеем». Конечно, эти ориентированные на идентичность музеи, рассказывающие историю конкретного места и конкретных людей, — готовые посредники в отличие от профильных, научно ориентированных музеев.

3.29. Небольшой музей в небольшом регионе: превращение негативных факторов в преимущества

Вне наших объединений и за пределами наших институций существуют те, кто принимает решения в отношении развития — это все решения, задающие концептуальные и финансовые рамки. У политических партий отсутствует стратегия развития, которая бы основывалась на наследии или опиралась на него. Политики обычно воспринимают культуру как проявление тщеславия или как обман, или как средство национальной мифологии, или как способ зарабатывания денег. Каждое из этих заблуждений — роковая ошибка, так как они ведут не только к разрушению культуры и идентичности, они выступают ярлыком бедности и упадка. Что может сделать небольшой музей в небольшом регионе? При наличии хороших кураторов и местных руководящих лиц — многое. Можно обратить все ложные представления в пользу общества: что культура — это способ жизни, необходимость, постоянный источник самоанализа, самоуважения, уважения разнообразия; одновременно она

порождает дополнительные аргументы в пользу экономического развития. Культура может противостоять ослаблению и износу идентичности, выполняя общеизвестную миссию мудрых старцев из традиционной культуры: распознавать ценности, исследовать и документировать их, возвращать к жизни те нравственные устои, о которых следует помнить и по которым жить.

3.30. Музеи современного искусства – наиболее доступная структура памяти

Я хотел бы перефразировать слова знаменитого галериста Джона Зайлера из Вены¹, который много лет назад на лекции сказал следующее: если торговцы произведениями искусства продают его, издатели книг по искусству печатают его, средства массовой информации поддерживают его, руководители музеев экспонируют его, а люди его покупают, то это, вероятно, совсем и не искусство. Если олигарх-миллионер приобретает искусство оптом (*en gros*), то это не достижение, а просто очередная игра вложения и возврата средств — очень вероятно, это тоже не искусство. Однако то, что было произведено с целью продать как искусство, с учетом рекомендаций и при значительном вмешательстве заинтересованных сторон, имеет хорошие шансы на то, чтобы обеспечить себе место не только на рынке, но и в музейных коллекциях. Первый случай принесет наибольшую прибыль, если «искусство» создано «продавцами», тогда как музеи с их общественной ролью скрепления ценностей навечно служат гарантами и «поставщиками» правомерности сделки. Таким образом, цепочка начинается с гонорара консультантов и дилеров и заканчивается установлением одобренной, подтвержденной общественной ценности, что имеет следствием необоснованное увеличение рыночной стоимости. Художников, которые по какой-либо причине полностью отказываются сотрудничать, записывают в изгои, даже если их талант или работа демонстрируют исключительно высокое качество. Вся система использует

¹ *Hans Sailer*; род. 1937 — австрийский арт-дилер и галерист; в послевоенные годы своими проектами продвигал художников австрийского авангарда. — *Примеч. ред.*

еще одну возможность посмертной карьеры, которую в некотором роде можно организовать, грамотно выбрав наследников, даже если выручка от реализации не столь сказочна. Именно так они привыкли работать. Большинство художественных биографий — чаще всего близкие к реальности мифы, созданные в тесном сотрудничестве всех заинтересованных сторон. Обще-принятая практика искусствоведения, исключая выдающихся личностей и литературу о них, — по большей части конструкт, основанный на нескольких фактах и множестве подходящих изображений, практически ответвление художественной литературы — искусство как таковое.

**3.31. Естественная суть музеев
обеспечивает их закономерное лидерство
в межотраслевом сотрудничестве**

Вкратце: музеи представляют собой трудовую деятельность в рамках (зарождающейся) профессии, связанной с сохранением и передачей публичной памяти, так же как библиотеки и архивы, но значимость музеев распространяется дальше: на (некоторые) частные, гражданские, гибридные и виртуальные (рожденные в цифровом пространстве) институции или деятельность в сфере наследия. Междисциплинарное и межинституциональное сотрудничество в настоящее время носит рекомендательный характер, однако оно станет частью пути решения проблем в будущем: для общества (которое нуждается в активной, хорошо отобранной и ответственной памяти) и для самого выживания сектора наследия как в целом автономной общественной силы, необходимой для социального контракта, к осуществлению которого ведется непрерывная подготовка. Демократия — это не то, к чему нас ежедневно приучают на Западе: бархатная диктатура коммерческого сектора, политиков и средств массовой информации. Свободные выборы организованы как гротескные народные гулянья для все более невежественной, смиренной и потерявшей надежду толпы. Нужно, чтобы весь сектор общественно значимой памяти объединился и подпитал стратегии принятия наиболее удачных решений, так как населению необходимо полагаться на непредвзятую публичную память.

3.32. Роль музеев современного искусства под угрозой исчезновения

Музеи посвящены прошлому, что бы на это ни возражали. Это может быть недавнее прошлое, которое все помнят, или прошлое, которое мы создаем, или действительно древнее, уже осевшее прошлое. Поэтому музеи современного искусства — это парадоксальное словосочетание, оксюморон, внутренне противоречивое понятие. Музеи различают, что важно в прошлом или уходящем человеческом опыте, они распознают важность содержащихся в нем ценностей и определяют, что находится под угрозой исчезновения и заслуживает исследования, сохранения, заботы и передачи другим. Последнее исходит из внутренней природы этой институции и ее общественной миссии: суть всего этого — в сохранении памяти, чтобы в результате достичь прогресса.

Это естественный процесс, но музеи существуют, чтобы вдохнуть в него энергию, и они делают это с помощью своих ревностных сторонников — людей, испытывающих потребность в служении, в основном и предпочтительно среди образованной публики. Средний класс (с его амбициозным нижним слоем и его элитарными отпрысками в верхнем слое) принимает и поддерживает социальный переход, один из путей которого, безусловно, заключается в покупке произведений искусства и наслаждении выставками. Увы, этот путь заходит в тупик вследствие обнищания среднего класса и потери музеями влияния на оценку публикой художественных изделий и установление их ценности. Заинтересованные участники рынка с помощью различных форм бархатной тирании «одного процента», как правило, делают общественные организации соучастниками манипуляции. Общественный вкус превращается в конструкцию, созданную в маркетинговых лабораториях богатых коллекционеров, галеристов и медиа.

Парадоксально, что музеи по своей природе способствуют продвижению равных возможностей, что является основой настоящей демократии. Путем предоставления доступа к исключительному коллективному опыту, исторически закрепленному за богатыми и влиятельными, музеи в состоянии помочь простым людям поднять их (зачастую несчастные) жизни на более высокий уровень. Однако музеи современного искусства,

по всей видимости, слишком близки к внезапно высвободившемуся либеральному «зверю», чтобы позволить себе самостоятельно действовать как представителям ответственной профессии. Вместо того чтобы быть посредниками в облагораживании визуальной реальности, они оказываются слишком далеки от настоящей демократии.

3.33. Цифровая реальность и музеи

Однажды их взаимодействие, как и взаимосвязанность и взаимозависимость, будут иметь огромный потенциал для концентрации общественных сил. Ими могут манипулировать, но они также способны приобрести собственную энергию и качество, превратившись в цунами общественного протеста — скажем, против политиков, которые сейчас служат корпорациям, а не избравшим их людям. Когда это произойдет, станет возможным что-то иное. Этот процесс может продемонстрировать, что любое средство идеально подходит для распространения гуманистической этики, чтобы мы как человеческие существа наконец сделали шаг вперед. Рожденные в цифровом пространстве музеи и сама деятельность в сфере наследия уже достаточно развиты. Однако существует потребность в их усовершенствовании на уровне системы в целом. В конечном счете они будут служить надежной опорой для тех, кто потерялся в кошмаре другой реальности. Время от времени этим людям будет необходим человеческий контакт с реальными предметами, реальными местами, реальным общением и реальной базовой моралью, пусть даже в действительности это будет означать уверенность в том, что данными не манипулируют, что информация правдива, а предложенные заключения этически обоснованы.

3.34. Плохой музей вместо грамотной, качественной деятельности

Языки — это центры идентичности, как минимум символически; они разделяют одну судьбу. Глобализация или, более того, интернационализация культур подобна Левиафану, поглощающему ежегодно сотни языков и даже национальных идентичностей. Очевидным лекарством могло бы стать создание музея,

но это породит новые беспокойства аналогично тому, как любое лекарство может иметь побочные действия. Если каждая деревня захочет иметь музей, то у нас должна быть готовая профессия, чтобы помочь в этом. Эта профессия появится, едва сектор институтов публичной памяти будет сформирован как система, которая самовоспроизводится согласно определенным общественным стандартам и критериям оценки. Однако все более приватизированный мир становится местом, с каждым днем все менее подходящим для служения потребностям общества. Мир может служить, скорее, его желаниям, даже придумывая их, когда сочтет это уместным. Нет ни одной ценности, которую не могло бы обесценить и уничтожить дилетантское отсутствие понимания и вкуса. До сегодняшнего дня в музейной традиции у нас существовали «плохие» музеи, которые, как правило, были наказаны отсутствием посетителей. Теперь «плохие» музеи могут быть полны людей, поскольку в своем пренебрежении обществом эти институции потворствуют исключительно его примитивным инстинктам.

3.35. Язык музеев как язык самой жизни

Многие кураторы все еще считают, что цель существования музеев, в которых они работают, — представление того, что хранится в них как коллекция. В идеале это могло бы сработать. Но, скажем, региональный музей с коллекцией, сложившейся в результате любопытных и иногда невероятных исторических событий, не говоря уже о мародерстве, катастрофах и политических преобразованиях, с высокой степенью вероятности потерпел бы неудачу в представлении своего региона, экспонируя лишь то, что было «выброшено на берег» этими бурными событиями. Однако такой музей существует, чтобы поведать нам именно эту историю. Что можно сделать: проводить соответствующую политику формирования коллекции, привлекать предметы во временное пользование из других музеев, использовать вспомогательные материалы, сотрудничать с другими институциями наследия в регионе, продумать выставочную политику, пересмотреть концепцию (возможно, расположиться в центре территории, следуя концепции экомuzeя...). Несомненно, язык музеев должен быть языком самой жизни.

3.36. Маркетинг необходим при его глубоком понимании и опасен при его неправильном истолковании

Суть маркетинга — в создании хорошего, честного продукта и в последующем его продвижении. Маркетинг — это идеальный чек-лист для управления вашей организацией, направленный на успешное осуществление ее миссии. Он расскажет вам скорее о результатах, чем о содержании ее работы — подобно своего рода стратегии. Как это ни странно, я считаю себя первым человеком, представителем непосредственно музейной профессии, кто написал книгу о маркетинге: все остальные книги до этого момента (2001) были написаны экономистами, менеджерами и прочими, кто, вероятно, имел некоторый сторонний опыт в музейных вопросах¹. Вот почему мне удалось включить в нее три главы, отсутствовавшие на тот момент в других книгах: «Мир, в котором мы живем» (иначе, что можем мы создать на Земле, если отгородили разум от окружающего мира?), «Миссия музеев» (потому что если мы не знаем нашей священной миссии, то кто-нибудь непременно придет и направит нас в выгодную ему сторону) и, конечно, «О друзьях и спонсорах» (потому что мы будем успешны, если будем любимы, и будем любимы, если любим сами). К слову, первая мудрость принадлежит Гёте, а вторая, старше примерно на два тысячелетия, — латинская поговорка². К сожалению, моя книга «Маркетинг в музеях», пожалуй, уже устарела и все еще существует только на хорватском языке (опубликована также в Сербии), но подзаголовок раскрывает ее основную тему: «...или о морали и как сделать ее популярной». Попытка выпустить ее перевод в подходящий для этого момент не увенчалась успехом: финансы, плохой перевод и т.д. В книге я жалею о том, что маленькие страны и «маленькие» культуры получают мало внимания. Богатые и могущественные культуры и страны в состоянии вести мир за собой, однако мир как общая, глобальная судьба вынужден будет искать менее очевидные источники знания

¹ Šola T. Marketing u muzejima ili o vrlini i kako je obznaniti. Beograd : Clio, 2002. — *Примеч. ред.*

² «Хочешь быть любимым — люби» (лат. *Si vis amari, ama*). — *Примеч. ред.*

и инноваций. Бесцеремонная утечка мозгов, например, должна превратиться в совместное пользование общими возможностями. Не исключено, что именно ошибочно использованный или превратно истолкованный маркетинг, как он представлен предвзятыми медиа, исказил образ «менее очевидных» стран и культур в интересах господствующих, что снова и снова травмирует мир.

3.37. Маркетинг — напоминание о двух базовых вопросах

Будучи автором книги «Маркетинг в музеях», я и косвенным образом, и напрямую встречал имеющие оттенок осуждения ложные представления о музее и самом маркетинге. Последний был одной из тех подобных компьютеру инноваций, от которых ждали как магического решения. Но маркетинг был лишь изобретенным менеджерами напоминанием обо всех основных вопросах, на которые необходимо правильно ответить, если рассчитываешь на публичный успех: вопросах о продаже своего продукта. Первый вопрос маркетинга: «Что является вашим продуктом?» Поэтому я попытался не только высказаться об истинной природе музейного продукта, но также осветить некоторые из его качественных параметров. Второй важнейший вопрос: «Какой деятельностью вы занимаетесь?» Фундаментальный маркетинг всегда требует четких и убедительных ответов на эти два вопроса. Без их принятия и возможности предложить четкие ответы маркетинг в музеях (на самом деле, где угодно) — это самое настоящее притворство и обман. Итак, двадцать лет назад музеи рассматривали себя (открыто или между собой) как преимущественно научные институты. Однако даже тогда (а еще в большей мере теперь) деятельность музея или любого учреждения сектора институтов наследия в основном коммуникативная. Безусловно, то, что сообщается, должно быть научно обосновано и общественно мотивировано. Существует поразительное разнообразие институтов наследия, но они приобретают наибольшее значение только тогда, когда ориентированы на общество. Если государственные стандарты прозрачности и ответственности адекватны государственному финансированию — тогда это выглядит так, как порекомендовал

бы сделать любой адекватный маркетинг. Эта простая мудрость, если ее принять и пропустить через себя, может дать грандиозные результаты.

3.38. Институты наследия и идентичность

Если бы мы решили описать процесс работы музеев / наследия, это было бы возвращение-укрепление-продолжение. Его суть заключается в укреплении культурной иммунной системы (за счет уверенности в себе, чувства собственного достоинства, информированности). Его суть — в поощрении культурного и, собственно, любого творчества (оказание содействия живому культурному производству путем организационной и логистической поддержки, с помощью институтов наследия, деятельности в сфере наследия / активизации, укрепления, признания). Частью процесса является также утверждение и поддержание качества в культуре и жизни (путем публичного продвижения статуса и ценности качества, образования и подготовки потребителя / пользователя). Общественное мировоззрение должно быть сформировано внутри того же процесса так, будто наследие лежит в основе стратегий его развития (контролируемый рост, идеология качества, гармонизация и баланс в качестве поддерживаемых типов мышления). Этот процесс должен быть достаточно авторитетным, чтобы содействовать обеспечению устойчивости в противоположность чрезмерной ориентированности на прибыль. Безусловно, это звучит утопично, но какая ценностная ориентация так не звучит? Для начала было бы достаточно, если бы мы смогли утверждать, что находимся на этом пути, работая в данном направлении.

Общепринятая парадигма музеев была основана на том, чтобы брать, одновременно отдавая то, что рассматривалось как обоснованное и необходимое. Но тип мышления отдающего — совсем другая позиция. Многое было сказано об истинной природе музеев, и я считаю, каждое серьезное видение было заведомо идеалистическим. Как иначе мы узнаем направление нашего развития и совершенствования? Музеи приходили на помощь, чтобы укрепить то, что слабело и умирало, всегда, когда наука и гуманистическая философия считали, что у нас есть все

причины для спасения некой исчезающей ценности. Укрепить — значит обеспечить новую способность к выживанию даже в измененных формах. Такие ценности сохраняются наилучшим образом, если используются практически, даже если они адаптированы к новым обстоятельствам. Исследованные и задокументированные, они остаются мощным потенциалом, богатством, которое может продолжать жить, функционировать ради создания все более богатой реальности. Лучшие способы защиты ценностей — обучение тому, насколько они важны, и вплетение их в стратегии развития, как правило, на благо устойчивого развития, которое не было изобретено недавно, как может показаться, но оно всегда было правомерным поводом для беспокойства, только расточительные и беспечные корпоративные практики современного мира придали этому оттенок драматичности.

3.39. Музей может не только быть небольшим, но и не иметь коллекции

Факт существования музеев без коллекции, чье положение признано традиционными музейными институциями, предполагает именно этот подход, который лишь необходимо распространить, а его последствия проработать. Эта перемена — способ обращения к микроситуациям мест разрозненного и часто заброшенного индустриального наследия, которые никогда не смогут рассчитывать на существенные инвестиции или «удовлетворительное» число посетителей / пользователей. С скромные креативные решения как раз способны излечить «нечистую совесть» общества или конкретных сообществ, вызванную тем, что они не смогли оценить по достоинству свое полуразрушенное наследие. Получить культурные инвестиции сложно, поскольку это предполагает непрерывные расходы на содержание и определенные гарантии привлечения большого числа посетителей. Зачастую мы просто не можем рассчитать такую прибыльность инвестиций, не говоря уже о прибыльности, связанной с культурным или посвященным изучению наследия туризмом. Эту переменную необходимо реализовать и сделать ее приемлемой путем инвестирования и актуализации, путем технологической, экономической и организационной вовлеченности...

3.40. Музей – это (постоянное) стремление и амбиции, не обязательно постоянная институция

Микромузеи могут сегодня появляться, а завтра исчезать: временный музей как намеренная девиация. Он подчиняется базовым музейным правилам и в то же время является своего рода подделкой под них — парадоксально переворачивая их только ради осуществления передачи опыта, но в реальном времени.

Разносторонность, актуальность и привлекательность такой модели, которая могла бы подойти все еще процветающим или погибающим деревушкам, обнищавшим центрам городов, заброшенным индустриальным локациям или опустошенным культурным ландшафтам, легко получили бы широкое признание и способствовали росту осведомленности о наследии. Строительство успешного традиционного музея — это хорошо, но в будущем большие расходы могут стать невероятными. Существует множество значимых памятных мест, где отсутствует какая-либо инфраструктура, не хватает местной публики или нет благ цивилизации для приезжающих посетителей. Зачастую важные места заброшены, кажутся непривлекательными, далеко расположены или труднодоступны. Так, «черный ящик» — это своего рода реальный ящик, содержащий напоминания о хрупкой, нередко находящейся под угрозой уничтожения или даже исчезающей идентичности, — своего рода капсула концентрированного знания местной самобытности / национальной идентичности? (Метафора бортового самописца предполагает любой вид сжатой, тщательно и ответственно записанной памяти, а также напоминает об объективности музеев и твердой основе их миссии — быть беспристрастными летописцами сообщества или общества, которому они служат).

3.41. Музеи – сознание человечества

Увы, они традиционно «нейтральны», часто услужливы и почти аутичны, когда дело касается реальности, в которой живет их сообщество. Однажды объединенные в комплексный сервис институтов публичной памяти, они находятся в выгодном положении для того, чтобы стать частью новой, самостоятельной профессии. Как таковые они склонны не только к тому,

чтобы обеспечивать прозрачность и понимание окружающих процессов, но и действительно «лоббировать» идею хорошо информированного общества. Они буквально могут дать высказаться тем, кто в ином случае был бы проигнорирован как посредник или соучастник; выставки и различные акции могут разоблачить зло узаконенной лжи и пролить свет, хотя бы в какой-то мере, на механизмы игры интересов. Безусловно, мы заметили, что музеи принудительно заталкивают в шаблоны специального, отвлеченного знания. Но в любой картине или драгоценном предмете присутствует социальный, психологический, экономический, технологический или человеческий фактор. Нам нужен гармоничный многогранный рассказ. Если мы принимаем сказку о том, что некая история включает только гениальных художников, нам не следует игнорировать тот факт, что история не может состоять исключительно из массовых убийц, безотносительно к их служебному положению или званию. Музеи обеспечивают преемственность ценностей, поддерживая память о победах над злом, преодолении трудностей и неудач в постоянном стремлении к улучшению ситуации человека. Музеи могут увековечивать память о войнах, однако не в такой форме, которая бы способствовала продолжению конфликта иными средствами. Музеи могут высказываться на тему военных времен, исключительно выступая в защиту мира. Следовательно, военные музеи в роли исторических — это своего рода искаженное представление об институте наследия.

Изменения происходят лучше и быстрее всего в мейнстриме и в большом мире. Но, опять же, скорость изменений растет с появлением новых технологий и усилением власти, сосредоточенной в руках отдельного человека, независимо от того, откуда он получил на это шанс. Музей сегодня должен вести исходящую из интересов сообщества культурную деятельность, быть подвижной институцией, производящей кибернетические импульсы против опасностей для идентичности. Задуманные как основные защитники гармонии, музеи, как правило, создаются там, где находится умирающее сердце идентичности. Они не заменяют эти сердца, но выполняют функцию надежного кардиостимулятора для них. Идентичность, «сохраненная» только в музее, воплощается в чучелах вымерших видов.

-
-
-
-
-
-

(4. КУРАТОРЫ — МЕЖДУ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ И ПРОФЕССИЕЙ)

4.1. «Исторический путь» — признание поражения и отсутствия профессионализма

Фома Аквинский утверждал, что настоящее — это всего лишь движущаяся грань между прошлым и будущим. Таким образом, музеи посвящены далекому и очень близкому прошлому, настолько близкому, что оно превращается в настоящее.

Мой первый конфликт в профессии случился более 40 лет назад на важнейшем национальном музейном симпозиуме (1979). На пленарной сессии один из старших коллег обратил мое внимание на тот факт, что мы можем хранить в музее лишь то, что прошло «исторический путь». На мой вопрос, насколько длительным должен быть этот путь, он категорически заявил, что как минимум 30 лет.

С тех пор это утверждение утратило смысл, и многие музеи собирают буквально вчерашние предметы и информацию, если считают их важными. Однако мое постоянное соприкосновение с практикой по переосмыслению новых музеев показало, что еще многие коллеги всерьез учитывают некий исторический путь, выражая свою ответственность перед рискованной задачей по оценке недавнего прошлого или, не дай бог, настоящего.

Я могу добавить к этому два пояснения. Во-первых, неудивительно, что некий этнолог или историк, работающий в музее и не имеющий профильного образования для исполнения кураторской миссии, демонстрирует такую пораженческую некомпетентность по отношению к действительности, в которой живет музейная публика, оплачивающая ему или ей предоставление общественных услуг. Во-вторых, истинный профессионал признал бы сложность, связанную с процессуальной природой

действительности, будь то прошлое или настоящее: у нас есть право предполагать и переоценивать, обращаться к чему-либо и отказываться от этого, формировать коллекцию и перераспределять ее, но этот процесс, естественно, очень деликатный и рискованный.

4.2. Знание контекста – первое условие профессионализма

Профессионализм предполагает общественную ответственность и соответствующую этическую позицию. Большинство профессионалов тем не менее имеют слабое понимание мира, своего общества и конкретного сообщества. Многие из них погружены в свою специализированную область профессиональных знаний. Это повсеместно признается и одобряется, о чем мы узнаем из стереотипов ученых и рассеянных профессоров. Чтение лекций, например, должно всегда предполагать контекстуальный подход, теоретическую концепцию и приближительную общую картину как старт для глубокого понимания. Профессорам следует предлагать в целом нечто большее, чем практические вопросы, разъясняемые учебниками. Скорее, с учетом этой практики — концептуальное знание. Ни один учебник не заставит кураторов осознать, что, только относясь к пользователям с любовью, они смогут выполнить свою миссию. Конечно, учебник не объясняет саму миссию, так как представляет ее сущность как череду технических, технологических и управленческих решений. Но исключительно тогда, когда мы освоим общее представление и обеспечим хорошее понимание гуманистического видения в работе с публичной памятью, техническая сторона дела приобретет значение.

4.3. Новый консерватизм в профессии

В 2012 году я опубликовал книгу «Вечность здесь больше не живет»¹ — единственную, насколько мне известно, книгу, полностью посвященную критике музеев. К тому времени

¹ В переводе на русский язык «Вечность здесь больше не живет. Толковый словарь музейных грехов». Тула : Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», 2012. — *Примеч. ред.*

я больше не беспокоился о реакции моих коллег. Я уже принял свое положение сидящего на приставном стуле в профессиональном амфитеатре. Но что поразило меня — критика была все еще актуальна. Вопреки нашему мнению, время может как бы повернуться вспять, поэтому сейчас происходит социальная инволюция, своего рода консервативная революция: многие черты современного общества являются, в сущности, средневековыми. Логика неоконсерватизма прокралась и в музейный мир, и старые требования неприкосновенного статуса музейных предметов снова стали правомерными. Предметы важны, особенно если недавно возникший дефицит вызывает пренебрежение, однако они также сделали возможным сдерживание всех новых идей, быть может, за исключением технологий. Вы могли обратиться на это внимание. Каждый некомпетентный директор, недавно вступивший в должность, сразу приступает к модернизации музея и приобретению новых технологий, тогда как любой квалифицированный директор стремится к переосмыслению и адаптации концепции музея к (изменившемуся) обществу.

4.4. Консерватизм как зона комфорта

Если определить институт наследия как общественный, служащий потребностям общества, то бескорыстное служение тотчас становится его обязанностью. И наоборот — определенный как научный по своему характеру, он имеет обязательства только перед научным сообществом и поставленными им целями. Что парадоксально, музеи не являются научными учреждениями, хотя они в обязательном порядке опираются на науку. Но, несмотря на то что музеи представляют наиболее открытый вид институтов публичной памяти, они редко осознают необходимость действовать вне зоны официально допустимого комфорта, ожидаемого и одобряемого профессионального поведения. Случайным образом это совпадает с ожиданиями центров общественной власти, которые благосклонно смотрят на подобную деятельность и готовы ее финансово поддерживать. Все риски находятся за пределами этой зоны, но там же находятся и преимущества. Всеобщее благо редко соответствует целям власть имущих.

4.5. Отсутствие обязательного профессионального образования как причина сильнейшей фрустрации

Увы, никогда не существовало некоего приблизительного стандарта или, скажем так, рекомендаций всемирной музейной организации по обязательному профессиональному образованию. От других же аналогичных, сопоставимых видов деятельности в сфере публичной памяти (архивисты или библиотекари), как правило, требуется официальное образование (специальное и/или дополнительное). Места изучения «музеологии» или, как недавно было предложено, «критического наследиеведения». Итак, все больше будущих кураторов проходят своего рода профессиональную подготовку, однако она должна стать обязательной (я предлагаю мнемософию с 1987 года; но мои аргументы не оказались убедительными). В целом изменения весьма значительны и благоприятны, поскольку музеи нашли множество других путей передачи профессионального опыта. Наша конференция в Дубровнике — это часть коллективных усилий по обучению (как минимум) на лучших примерах¹. Но этот в некоторой степени спонтанный процесс — не то, что могло бы рассматриваться как стратегия для будущего любой профессии. Катастрофичен тот факт, что предположительно около 80 % кураторов, работающих в музеях, не получили специализированного образования для службы обществу.

4.6. Бархатный тоталитаризм и публичные интеллектуалы

Бархатный тоталитаризм — претенциозное современное демократическое общество предлагает ряд убедительных иллюзий о его природе, которые делают служение ему не таким уж отвратительным. Как правило, некоему «ему», так как мужчины более агрессивны, властны и целеустремленны, однако характер не знает гендерных границ. Вы можете легко распознать претенциозных общественных интеллектуалов: они всегда присутствуют на всех важных светских мероприятиях;

¹ URL: www.thebestinheritage.com. Конференция «Лучшие в наследии» (The Best in Heritage), основанная автором. Проходит в Дубровнике (Хорватия) с 2003 г. — *Примеч. ред.*

они обычно вхожи к власти имущим; они также хорошо ладят с представителями противоположной стороны (если она существует); временами они очень критичны, но лишь в начале своих частых выступлений и в первой половине своих книг (заключение всегда приносит их боссам успокоение); они всегда получают проекты и деньги на них; их лекции баснословно оплачиваются, но никогда не происходят по инициативе снизу, а проводятся в престижных университетах; их замечают на яхтах бизнес-олигархов, вызывающих презрение; их можно найти, заметить, проинтервьюировать в местах, «обязательных для посещения»; они состоят в приятельских отношениях со всеми реальными знаменитостями. Да, в какой-то момент жизни их, как правило, приглашают вступить в национальную академию художеств и наук.

Но, зная свои эгоистические слабости, общественные интеллектуалы агрессивно борются с их благородными, бескорыстными визави или с любым, кто демонстрирует достоинство и независимость. Эти качества стали их отрицанием, печальным напоминанием о потере ими невинности. Всякий раз, когда это возможно, они препятствуют осуществлению истинно творческими и бескорыстными людьми своей миссии. Вот почему мы опускаемся все ниже по коррумпированной спирали современного общества. Открыто или едва заметно они будут саботировать стандарты и процедуры, выявляющие их роль.

Как кто-либо может раскрыть их обман? Для этого у нас раньше существовало образование в сфере гуманитарных и социальных наук, однако ни официальное, ни неформальное образование не будет иметь поддержки: боссам нужен мир без тех, кто придирается. Развитое представление о миссии музея заключалось в том, чтобы выполнять корректирующую и противодействующую роль.

4.7. Определение музейных предметов

модифицирует деятельность в сфере публичной памяти

Профессия в сфере публичной памяти тоже изменилась. Она признала, что большая часть наследия буквально нематериальна и неосвязаема. После шестидесяти лет попыток дать дефиницию

музейной деятельности она работает согласно определению, которое в течение уже долгого времени удовлетворяет большинство музейщиков, но которое в 2005 году приобрело новое качество: музеи стали обязаны заботиться и о нематериальном наследии. Это, несомненно, меняет само понятие коллекционирования и, как следствие, [понятие] музейных форм. Для многих из нас это было подобно заявлению о том, что в идеале секс должен быть следствием привязанности и любви, а не простым соитием. Было несправедливым на протяжении двух веков музейной работы заявлять, что «предметы говорят сами за себя» или что только предметы могут содержать в себе фактические данные. Человечество часто живет согласно нелепым формулам. В то же время, безусловно, знания хранились, ими делились как человеческим опытом бесчисленным количеством способов и в самых различных институциях. Поэтому сегодня музей многогранен и в будущем значительно разовьет это качество.

4.8. Активисты и дилетанты

Все активисты — прекрасные люди, которые заслуживают нашего расположения, но на этом следует закончить какие-либо отношения с ними, если, конечно, они не захотят положиться на наш опыт, получив взамен наше безраздельное внимание и желание учиться у них. Нет ничего столь святого и ни одной ценности, которые бы дилетанты со своим энтузиазмом не могли бы уничтожить и опорочить отсутствием профессионализма, знаний и вкуса, превращая их в китч или чистую компиляцию. Дело не в нетерпимости по отношению к ним, а в том, что только экстраординарный, редкий талант может быть приравнен к настоящему профессионализму. Конечно, нам всегда необходимы энергичные люди, которые думают об общественном благе. Это могут быть волонтеры и/или люди, присоединившиеся к продвинутым музеям, практикующим режим открытого доступа, который позволяет вовлечь их во все аспекты профессиональной деятельности, но не более. Ничто не должно быть от них закрыто или запрещено, как, например, представление или знание, однако дилетантизм, если его представителям дана власть принимать решения, легко уничтожает все критерии качества,

и ни одна система практически не может выдержать этого испытания. Несмотря на мое неприятие откровенного непрофессионализма, я полагаю, что подлинный энтузиазм следует ценить высоко. Все кураторы встречались с дилетантами, которым присущи впечатляющие знания и самоотверженное увлечение делом: любовь может стать началом наивысшего профессионализма. Таким образом, формула успеха, очевидно, состоит в свободной синергии или открытии возможностей, когда энтузиазм позволяет получить знания и опыт.

4.9. Профессия в сфере наследия как самозащита общества

Социальный проект, любой общественный договор становится возможным благодаря действующим профессиям. Нам понадобились столетия, чтобы построить эту систему самозащиты общества. Если наше здоровье (и здоровье общества) находится под угрозой, у нас есть медики; если нас беспокоит правосудие, у нас есть профессия в сфере юриспруденции; если нас беспокоит страх неизвестного, есть священники, чтобы нас утешить; если необходимо утолить нашу жажду знаний, на помощь приходят профессора; если нам нужно обеспечить передачу сформированного обществом знания, нам помогут учителя... В случае с публичной памятью мы наконец должны создать профессию, чтобы противостоять забвению, манипуляции и искажению памяти: имея в основе науку и социальную ответственность, миссию в обществе, представители этой профессии просто не могут потерпеть неудачу или превратиться в полицию мыслей.

4.10. То, что действительно необходимо, должно быть предоставлено

Зачастую невозможно получить оценку потребностей населения, пригодную для использования. Население не имеет представления об обстоятельствах, потенциалах, технологиях, заинтересованных лицах... Как сообщество может знать, каковы возможности музеев и какой должна быть их деятельность? Только в некоторых более устоявшихся сферах, таких как

здравоохранение или юриспруденция, люди в состоянии сформулировать свои запросы. Но именно для этого мы создали профессии: чтобы изучать и удовлетворять потребности людей. Профессия публичной памяти до сих пор не была оформлена и, воздерживаясь от теории заговора, я по-прежнему с удивлением задаюсь вопросом — почему? В настоящий момент мы оставляем нашу коллективную, социальную и публичную память на усмотрение каждого, чтобы они могли выстраивать и управлять ею в соответствии со своими желаниями и интересами. Музеи должны быть, подобно больницам, собственностью общества, отвечающей его потребностям.

4.11. Гендерное равенство

как эффективная публичная память для лучшего мира

Мир становится весьма драматичным, неудобным и опасным местом. Мне всегда казалось, что женщины, будучи более ответственным полом, сделали бы его лучше, чем мы. Если это действительно так, это бы объяснило, почему настоящим женщинам (а не клонам, мыслящим как мужчины) отказывают в равенстве. Возможно, в некоторых развитых обществах это утверждение не имеет особого смысла. Там ситуация обстоит гораздо лучше, чем в среднем в мире, однако часто это связано с тем, что женщин вводят в заблуждение посредством элитного статуса и политического языка. С усилением декаданса в обществе растет и потребность в новой моральной установке в отношении того, чем является наша общая история или лучше — человеческий опыт. Эта шизофреническая апория разрывает реальность на части. Те, кто гонятся за властью, хотели бы, чтобы новое правосудие оставалось лишь одной из иллюзий, созданных ими для манипуляций реальностью, но уже слишком поздно. Мир будет стремиться к балансу. Для большей части мира нам лучше бы его добиться начиная с наших гендерных отношений. Благодаря благородству и уникальности женского разума и духа у нас все еще есть шанс на успех. Может ли у нас быть место лучше, чем место наблюдателя за тем, как эта женская чуткость принимает руководство системой организации огромного человеческого опыта, хранящегося в наших институтах

публичной памяти? Обращаясь к скептикам: можете ли вы представить, что наши коллеги женского пола в обществе создали бы такое количество военных музеев, как мы имеем сейчас? Они представляют собой извращенное, псевдопубличное запоминание.

4.12. Чтобы иметь право обсуждать нашу миссию, необходима профессия

Итак, нам следует приложить больше усилий для поиска вдохновения и опыта в нашем наследии, чтобы быть готовыми встретить нарастающие вызовы. Мы должны быть способны договариваться о безопасной мере изменений, иногда путем лучшего приспособления к ним или более эффективного противостояния им. Мы должны быть в состоянии держать в поле зрения ту твердую почву, которая у нас еще осталась или к которой мы можем вернуться различными путями, когда теряемся в этом многообразном и быстро меняющемся мире. Хорошие музеи обеспечивают это. Мы ничего не определяем, но, будучи катализаторами и энзимами общественных процессов, мы можем подготовить основание для глубокого понимания и дискуссии; наши кураторы должны сражаться за эту миссию.

4.13. Публичные профессии против невидимой руки рынка

Образование должно быть бесплатным. Американизация всех общественных систем предполагает долговое рабство для студентов и частные тюрьмы, если мы не придумаем некий инструмент, чтобы точно определить, когда надо остановить товаризацию государственного имущества. Это длинная история, которая будет иметь драматичное продолжение. Мы начинаем понимать, что «невидимая рука» рынка явственно обыскивает наши карманы и лезет к нам в головы. Это отвечает на вопрос, кто заинтересован в управлении нашими нарративами. Мне бы хотелось, чтобы это осуществляла независимая профессия, ответственная за публичную память, исходя из научно обоснованного, непрерывного общественного диалога, включающего всех заинтересованных лиц общества и самих граждан.

4.14. Разработка специфичного ответа – задача профессионалов

Я выступаю за то, что в результате изучения конкретных обстоятельств мы можем прийти к созданию комплексной, соответствующей специфике каждого отдельно взятого случая институции, которая названием и содержанием будет наилучшим образом отвечать местным потребностям. Скажем, у нас может быть память места, постоянная экспозиция, документационный центр, подразделение для активистов, которые сотрудничают с музеем, временные выставки, представительства и интерпретации разрозненного культурного ландшафта... В действительности я описываю организации, у которых есть опыт, включающий в себя некоторые или большинство из этих компонентов. Даже обыкновенная, постоянная или временная деятельность в сфере наследия включает в себя социальное пространство, источник информации и ориентацию на прошлые и настоящие ценности, она может исполнять активную роль в продвижении и (скрупулезном) возрождении идентичностей, которые они представляют; такой музей — своего рода агент по развитию. У вас есть традиция, название, истории, места, предметы, люди, разделяющие ваши взгляды, как минимум, до некоторой степени... Однако эксперт или команда специалистов может изучить потенциал новой институции и спроектировать стратегию ее развития, которая, возможно, выйдет за очевидные рамки. Вот почему я превозношу творческий профессионализм. Теоретически дилетант может создать значительный продукт, однако это произойдет как частность или случайность — исключение, которое лучше всего подтверждает правило: нам нужен надежный ожидаемый результат.

4.15. Человеческое существование и значение профессии в сфере наследия

Вполне вероятно, что большая часть наших жизней — это часть огромного, сложного параллелограмма каузальных отношений в неподдающейся расшифровке взаимосвязи с генетическими предрасположенностями. Хотя я заявляю, что это

утверждение (звучит так претенциозно, за что приношу свои извинения) обоснованное, я также согласен, чтобы оно было переведено в некоторого рода фатализм. Однако пока это не повод сдаваться: некое обсуждаемое пространство наших жизней зависит от нас и нашего общественного контекста. Итак, чем бы это ни было, мы на обоих уровнях обязаны действовать как ответственные человеческие существа. Наши институты как инструменты защищающих нас профессий отвечают за то, чтобы делать наши жизни достойными. Говоря это, я подразумеваю, что профессии в любом обществе образуют заслон — определенную систему защиты, которая отслеживает и контролирует угрозы обществу и его членам. Именно таким образом, в своем лучшем проявлении музеи служат своего рода «привратниками», с чем, вероятно, согласился бы Курт Левин¹. Они сопротивляются опасному забвению, как и вредоносной, разрушительной, подверженной манипуляции или обманчивой памяти.

4.16. Парадоксальные ложные представления о концепции экомuzeя

Концепцию экомuzeя ограничивает, как это ни парадоксально, его пространность: суть каждого экомuzeя заключена в полном, всеобъемлющем наследии на территории, культурном, технологическом, естественном ландшафте, то есть не в специфичном наследии или феномене. Таким образом, все музеи, находящиеся в поиске контекста и стремящиеся к значимости для сообщества, безусловно, могут извлечь пользу из сущности экомuzeев. Естественно, многие восприняли экомuzeи как очередное проходящее увлечение и поспешили назвать свои активные музеи этим термином. Однако ни один музей не постиг тот единственный феномен, который может называться экомuzeем, поскольку его смысл — в комплексной, полной территориальной идентичности.

¹ Kurt Zadek Lewin (1890—1947) — немецкий и американский психолог. Разработал концепцию привратника (гейткипинг), описывающую систему фильтрации сообщений в массовой коммуникации. «Привратником» называется тот, кто контролирует поток новостей, может изменять, изымать и т.п. информацию, по-своему расставлять акценты. — *Примеч. ред.*

4.17. Куратор-борец

Не знаю, кого мне надо благодарить за эту удивительную карикатуру, изображающую лягушку, которая сжимает горло цапли в то время, как последняя пытается ее проглотить. Больше всего мне понравился текст: «Никогда не сдавайся!». Я нашел карикатуру в Интернете где-то лет двадцать назад и все еще вижу, как многие заново ее интерпретируют и используют¹.

Эта карикатура — забавная иллюстрация оправданного и упорного сопротивления даже в самой безнадежной ситуации. Любой творчески мыслящий человек, независимо от степени его выносливости, может почерпнуть из нее вдохновение или же вспомнить о подобных ситуациях.

Моя карьера куратора не была драматичной. Как обычно, в музейную «профессию» приходят, не имея ни малейшего представления о работе. Кандидаты без подготовки предпочтительны для кураторского истеблишмента. Никто из них не получил какой-либо формальной подготовки для такой специфично научной и все же коммуникационной институции, как музей. Их неуверенность затем перейдет к молодым коллегам, которые будут способствовать сохранению этого сопротивления изменениям к лучшему через обязательное профессиональное образование. Таким образом, большинство кураторов обучилось своей «очень важной» работе на практике, путем проб и ошибок, а также благодаря удачному присутствию кого-то опытного, достаточно взрослого, достаточно щедрого и талантливому.

Как следствие, в качестве реакции в этой сфере почти спонтанно произошли две вещи. Первая — это беспрецедентное увеличение количества случаев неформального образования и обмена опытом. Вторая осуществлена на уровне вербализации: «Мы знаем всё, что нам нужно знать», и они научились это прекрасно выражать. Почему произошло последнее? Пустая риторика, использующая модные словечки, — инстинктивное прикрытие. Это естественный результат кричащей потребности, не удовлетворенной соответствующим профессиональным действием, так что неполноценность замаскирована подходящей

¹ URL: www.mnemosophy.com/post/2019/03/18/combatant-curator.

вербализацией. Исключительно крепкое дополнительное профессиональное образование непосредственно для работы может обеспечить глубокое понимание миссии профессии.

Это все необходимо было объяснить, чтобы предоставить контекст тем редким, профессионально образованным или просто усердно работающим и талантливым кураторам, которые руководствуются инновациями и приверженностью делу. Они достаточно смелы и креативны, чтобы использовать свой профессионализм, совершая отважные поступки. Порой это происходит путем усовершенствования функциональности рабочего процесса организации или их общественной деятельности. При этом они часто оказываются зажатыми между внутренним сопротивлением и внешним недовольством, как правило, медлительных коллег или политического и корпоративного истеблишмента. Эта история нашей возникающей профессии лишь частично записана, однако демонстрирует ее значение даже тогда, когда лишена возможности применяться на практике. Во многих странах, особенно развивающихся и проходящих через рыночные реформы, директора, как ни парадоксально, — сторожевые псы, которых ставят с целью саботажа изменений, негласно выкованных внутри системы. Лучшая книга о мятежных кураторах предложена американским автором Стивеном С. Дубином «Демонстрация силы: память и амнезия в американском музее» (1999)¹.

4.18. Профессионалам не удается предотвратить монетизацию наследия

Сектор наследия вытесняется и, кажется, согласился со своим новым местом. А именно: лица, принимающие решения в городах, позволяют событийному бизнесу действовать согласно стратегиям, не основанным на критериях качества; медиа, становясь желтыми, и широкая общественность, превращаясь в толпу, не помогают. Они теряют поддержку профессионалов и профессий, которые стояли на страже чувства меры, критериев качества и гражданского понимания того, что уместно, достойно и устойчиво.

¹ *Dubin S. C. Displays of Power: Memory and Amnesia in the American Museum. New York and London : NYU Press, 1999. — Примеч. ред.*

4.19. Любовь к работе и сообществу – путь к высокой эффективности

Мудрость всегда одна и та же. Если кто-то хочет стать танцором, его / ее карьера будет зависеть от любви и самоотдачи, не от техники самой по себе. Только при глубоком понимании танца природная предрасположенность, талант и тренировка получают шанс. Лишь тогда танцор имеет возможность отождествить себя с танцем и стать самим танцем. То же самое действительно и для любой другой творческой работы. Наверняка каждый знаком с выступлением виртуоза как с завораживающей демонстрацией слияния музыканта и инструмента. Я считаю, что куратор может отождествлять себя с музеем, как библиотекарь — с библиотекой, а архивист — с архивом. Мы все знали некоторых из них и все еще помним их за удивительную способность давать нам именно то, что нужно, направлять нас к источнику, о котором мы бы никогда не подумали, или благосклонно нам улыбаться, когда мы объясняем, что хотели бы получить или найти. Некоторые из них имели счастье получить хорошую подготовку, которая соответствовала их природной предрасположенности, в то время как остальные компенсировали недостаток образования исключительно любовью к работе. Но, если трезво оценить ситуацию: а как же все мы, обычные люди без талантов? Что ж, и общество, и лично каждый из нас должны позаботиться о том, чтобы в итоге выполнять работу согласно своим предпочтениям, близкую нашим личным склонностям, а оставшаяся часть дела предназначена нашим профессорами и коллегам.

4.20. Ни одна администрация, тем более бюрократия, не может оценивать профессиональное качество

Безусловно, это заявление, сделанное в странах ЕС, подразумевает, что решения принимаются профессионалами. До определенной степени это так, однако эти профессионалы выбирают исходя из критериев администрации и предполагаемых стратегий. Подчиненная позиция профессионалов становится все более очевидной при движении на восток или юг ЕС, частично это связано с присущей им вассальной психологией.

Бюрократия ЕС — причина его неизбежной неудачи. Сосредоточившись на экономике и присоединившись к вредоносной геополитической стратегии, ЕС упустил возможность расти и укреплять свою значимость на основе общей культурной идентичности, как было заявлено несколько десятилетий назад слоганом «Все различны, все равны». Теперь он концентрируется на своем внутреннем колониализме и отсутствии собственной внешней политики, — последнее, скорее, разновидность дефекта определения идентичности, нежели политическая повестка.

Любая серьезная, тщательная проверка со стороны показала бы, что большинство этих проектов представляет собой изрядную потерю энергии и денег. Лучшая система распределения государственного финансирования осуществляется совместно профессионалами и квалифицированными представителями общественности. Ни одна администрация, тем более бюрократия, не может оценивать профессиональное качество. Она, как правило, создает метрические и искусственные критерии, составленные некими нейтральными и стерильными формалистами, у которых отсутствует понимание гуманизма, политики и общества. Таким образом, как только их свод критериев качества будет сломан, декодирован (модные словечки, политические и прочие корректности, мультикультурализм, актуальные вопросы, например мигранты или гендерные проблемы), едва ли какой-либо настоящий, действительно значимый проект сможет пережить страшное совершенство профессиональных проектов-чемпионов ЕС. Большинство их проектов формально идеальны, но пусти с точки зрения эмпатии и созидательного смысла.

4.21. Некая универсальная теория наследия должна быть общей учебной дисциплиной

Читать лекции профессионалам в сфере музеев и наследия весьма просто. Если вы будете тешить их ощущение собственной значимости — прекрасно. Если вы будете их критиковать — тоже хорошо, поскольку они, как минимум, прислушаются к вам. Однако читать лекции студентам со смешанной подготовкой, знаниями и интересами (особенно не имеющим отношения к социальным и гуманитарным наукам) непросто — в моем случае даже

когда аудитория включала студентов, обучающихся экономике, маркетингу, менеджменту в сфере культуры, туризму и т.д. Им недостает общей картины, они имеют другую систему взглядов и могут не иметь базового понимания природы наследия или достижений и проблем музейной деятельности. Даже хуже — они могут идеализировать эту сферу, как это часто делают обыватели, порой способствуя ее стагнации или неэффективности. Это произошло с уникальной деятельностью экомузеев.

В тех лекциях я использовал в целом отчасти критический тон для того, чтобы удерживать внимание аудитории и сеять некоторую необходимую ересь о наследии и обществе. Я также пытался внедрить какие-то основополагающие знания о природе музеев. Если мы рассматриваем их как традиционные институты, мы можем только восхвалять их репутацию, однако, если мы подумаем о них как о публичной памяти или деятельности по управлению системой ценностей — все резко изменится. Было бы хорошо предложить некоторую общую теорию наследия будущим специалистам различных профессий, ведь ни один вид человеческой деятельности не протекает без знакомства с основными принципами работы института публичной памяти: как можем мы фильтровать значимый опыт прошлого для того, чтобы сохранить свою целостность и успешно адаптироваться к меняющимся обстоятельствам?

Прежде чем мы потеряем веру в государство всеобщего благосостояния, которое одновременно и порождает, и извлекает пользу из долгосрочного общественного договора, мы все еще можем представить новую зарождающуюся профессию, которая стала бы партнером при принятии решений относительно демократического, политического и экономического развития. Объяснить эту взаимозависимость будет сложной задачей, если придерживаться преподаваемых теорий любой из институциональных практик, и весьма сомнительно, что новые появляющиеся учения смогут справиться с этой проблемой, если они не будут открыты для междисциплинарного знания и общего представления о феномене общественной памяти.

Лекторам необходимо объяснять, что успех любого общества зависит от его способности распознавать, исследовать, документировать, сохранять, представлять, сообщать и, наконец,

продолжать ценности, которые оно рассматривает как полезные для своего успешного настоящего и будущего. Прошлое не имеет другого способа использования, кроме как служить настоящему — не как простое, но как гуманистически и этически ответственное накопление знаний. Туристическая индустрия, индустрия впечатлений, алчные устроители представлений и бесконечная товаризация — паршивая компания для гармоничного развития. Молодые специалисты, которых не познакомили с основами социологии и философии, не ухватят суть. Спроектированный, управляемый мир постановочной демократии, основанный на одном лишь стяжательстве и неолиберальной самонадеянности (по отношению к благородной сдержанности и уважению к природной среде), может оказаться последним веком человечества.

4.22. Общие правила профессии в сфере наследия

Некая профессия в сфере наследия могла бы, вероятно, научить всех сотрудников музеев тому, что институты публичной памяти — это посредники, занимающиеся отбором, сохранением и распространением систем ценностей: их смысл заключается не в прошлом, а в настоящем. Истинная профессия по управлению системами ценностей — в процессе становления. Она могла бы их также научить, что за исключением соображений престижа, когда архитектура выступает в качестве туристического объекта, профессионализм музейных институций заключается в эффективности их служения истинным интересам своего сообщества. Как только весь урок экомузеев будет усвоен, ни один музей не будет создан обычным способом. Каждый станет наглядно демонстрировать, что он служит потребностям, а не желаниям или планам, репутации или любому другому надуманному мотиву.

Профессия, которая бы знала самую суть миссии публичной памяти и роль ее института, создала бы огромную сеть микромузеев во всех странах. Общедоступные, с дружелюбным дизайном и комфортные, они бы отдавали должное духу места и удовлетворяли локальные потребности в признании и развитии. Практически любая группа или сообщество находится под

угрозой с точки зрения своей системы ценностей и нуждается в поддержке и помощи в самоизменении в рамках своей идентичности. Некоторые из музеев станут аттракционами, но богатство состоит в наследии, которое продолжит существовать и которое будут с удовольствием использовать. Мир энтропии ищет легитимность для необратимых процессов упадка, разложения, дезинтеграции — к тому, чтобы превратиться во все более уродливое и враждебное место. Хотя это может показаться неизбежным, но таковым не является. Силы благородной памяти существуют, чтобы объединиться и выполнить свою роль в усовершенствовании природы человека.

4.23. Описывая идеального куратора

Идеальный (музейный) профессионал может быть человеком, всецело преданным своей (музейной) специализации, но обладающим чувством принадлежности более значительному целому. Дерматолог, гинеколог и пульмонолог — это разные профессии? Нет, это виды деятельности, специализации в рамках медицинской профессии, и их функции поддерживаются аргументами медицинской науки.

Итак, если сравнение верно, я бы сказал, что талантливые, идейные и ответственные кураторы могут существовать в результате счастливого совпадения, однако ни одна работа, не говоря уже о профессии, не может быть основана на подобной случайности. Как бы то ни было, талант и преданность делу, подкрепленные семинарами, симпозиумами и практикой, создают большое количество хороших профессионалов. Они много знают о базовых учебных дисциплинах и глубоко заинтересованы в понимании окружающего мира. Только исходя из этого они могут предоставить посетителям своих музеев необходимый, правильный, честный продукт.

-
-
-
-
-
-

(5. МИССИЯ КАК СОЦИАЛЬНАЯ КИБЕРНЕТИКА)

5.1. Кибернетика как мудрость

Это очередная теория? Конечно. Однако теория, выдвинутая практиком. В книгах я довольно много писал о необходимости введения нормы в обществе подобно тому, как это приветствуется для любой регулируемой, управляемой системы. Смысл заключается не в предписывании правил, а в принятии ответственности. Демократия сама по себе является нормой, в идеале постоянно обсуждаемой и совершенствуемой. Ответственные процессы происходят во многом как результат мнений и предложений, которые накопили наши предки, сталкиваясь с одними и теми же проблемами. Норберт Винер поэтично сказал об этом: «Нервная система и автоматическая машина в основном подобны друг другу в том отношении, что они являются устройствами, принимающими решения на основе ранее принятых решений»¹. Он и не подозревал, что его принципы буквально применимы к теории общественного наследия и его роли в обеспечении работы сообщества или общества. Таким образом, будь то паровая машина, торпеда, управляемая ракета, автомобиль или велосипед, существует система управления, чтобы поддерживать желаемую траекторию, норму, развитие... В одном случае это летающий клапан, в другом — гироскоп или рулевое колесо, в то время как в случае с обществом — это, среди прочих изобретений, музеи в качестве интерпретаций коллективного опыта как исправление и напоминание о гармоничном

¹ Винер Н. Ч. Человеческое использование человеческих существ. Кибернетика и общество / пер. Е. Панфилова // Винер Н. Человек управляющий. СПб.: Питер, 2001. С. 3–196.

развитии. С их помощью возможно противодействие угрозам, которые представляют опасность для проектируемой нормы (назначений, целей, задач, таких как усовершенствование ситуации человека в естественной среде...). Эту норму мы обязаны рассматривать как руководство и систему управления социальной структурой. Так как мы, в сущности, имеем в виду интеллектуальную систему, которая должна просчитывать и оценивать бесконечное множество параметров, в том числе относящиеся к чувствам и духовности, то я предложил назвать ее мудростью. Понимание институтов публичной памяти (неважно какого происхождения, но научно и социально значимых) как наилучшего из мыслимых применений искусственного интеллекта и величайшей, благородной задачи четвертой революции достойно множества поясняющих книг и, хочется надеяться, руководств, рассказывающих о применяемых практиках.

Льюис Мамфорд как автор был практически проигнорирован, так как Оруэлл предложил политически более привлекательные интерпретации, доступные для манипуляций. В отличие от последнего, Мамфорд знал о двух десятилетиях катастрофического испытания человечества Холодной войной, которые вскоре наступили, еще до того, как он написал «Миф машины». Люди, стоявшие у руля технологического развития, воспринимали его, как до него Винера, скорее как помеху их элегантному прогрессу, чем полезный пример для их пустого триумфализма. И все же его предупреждение было своевременным и точным, и оно все еще актуально. Полвека назад он предостерегал, что тоталитарная технократия может породить мир, «пригодный только для жизни машин».

5.2. Торжественное явление социальной кибернетики еще произойдет

Высшая мудрость заключается в представлении наилучшим образом отобранного, наиболее чистого и применимого знания для настоящего и будущего общества. Вот где вступает в действие мое увлечение социальной кибернетикой. Общественные договоры совсем не обязательно представляют собой идеологические варианты. Обобществившееся человечество

(или человеческое общество, как утверждает Маркс в «Тезисах о Фейербахе»¹) я считаю прекрасным названием для нашего цивилизационного начинания. Увы, будучи практиком как минимум на протяжении половины моей длительной карьеры, я считаю общепринятое философствование зачастую малопонятным для разрешения моего реального беспокойства. Однако кибернетика, сейчас практически забытая и сокрушенная, погребенная под бессмысленным изобретением чего угодно с приставкой «кибер», должна будет найти способ вернуться.

5.3. Взять на себя риск предложить решения – способ заявить о важности теории

Мои письменные работы и даже лекции часто не принимаются всерьез практиками как слишком теоретические, а теоретиками — как слишком приземленные и ненаучные. Тем не менее мне никогда не хотелось измениться, так как я воспринимаю любого куратора как *homo duplex* (человек двойственный) и даже больше. Часто объясняясь, я утверждал, что музеолог (кем бы в конечном счете он ни был) — это куратор, мыслящий как посетитель. Если мы не можем эффективно служить общественным интересам, мы практически бесполезны. Я даже написал книгу (на хорватском языке) «Публичная память — сохранение культурного разнообразия и возможные проекты», намеренно добавив к тому, что формально было грамотным научным текстом: около 50 страниц конкретных предложений по проектам. В демонстрации того, что высказанное в теории может быть трансформировано в соответствующую практику, заключался обдуманый риск. Думаю, это оказалось провалом, но я делал то, что считал честным.

Так, снова после ряда заметок, в значительной степени теоретических, я хочу рискнуть проиллюстрировать мои утверждения на примере Калининграда. Вероятно, это не идеальный

¹ Рукописная работа Маркса (*Thesen über Feuerbach*). «Точка зрения старого материализма есть “гражданское” общество; точка зрения нового материализма есть человеческое общество, или обобществившееся человечество» (Тезис десятый). — Прим. ред.

пример, поскольку я знаю город лишь поверхностно и поскольку другие места гораздо больше нуждаются в консультации. Я даже заявил в книге, что существует перечень общих идей, который все города могут считать как минимум памяткой. Основополагающая методология проста: сначала познакомиться с местом, полагаясь на факты и на его дух, и увидеть опасности и недостатки.

Калининград уникален и находится под угрозой исчезновения, как все прочие города. Предложение действий предусматривает редкую привилегию иметь либо профессиональных, либо иных посредников. Это отличный способ испытать собственную теорию и получить ясное представление о существующих профессиональных и политических условиях.

Словом, я предположил в письменной форме, что город сопротивляется некоторым элементам собственной идентичности. Как продукт войны он мог бы позаимствовать проект «Глобальный музей любви» (*Global Love Museum*; см. также одноименный сайт¹) и демонстрировать универсальность человеческой натуры через позитивный общий знаменатель — любовь. Место может быть очень маленьким по размеру и объему инвестиций — фактически доступный эксперимент.

Калининград — это город знаменитых семи мостов и истекающей из этого математической поэзии. В нем также находится два уникальных индустриальных моста. Фактически я предложил там новый отдел музея², постоянную выставку с рабочим названием «Международный музей мостов». В нем мосты могли бы быть использованы в качестве концепции и мультидисциплинарного вдохновения. Реальные мосты станут лишь его центральными объектами. Я в общих чертах объяснил свою идею и подкрепил ее текстами и сайтом, созданным на основании этой концепции (сейчас он находится в архиве на сайте www.mnemosophy.com). Проект заслуживает того, чтобы быть реализованным, так как Россия и, в частности, Калининград таким образом приобрели бы инновационный и престижный потенциал.

¹ URL: www.globallovemuseum.net.

² Музея Мирового океана. — *Прим. ред.*

5.4. Манифест реформатора

Я часто использовал в своих лекциях слайд «Манифест реформатора» со следующим комментарием: «Музеи всегда анализировали мир, тогда как смысл в том, как его изменить, то есть как служить миру ради гармоничного продолжения и спасения»¹. Любопытный факт: последнее эффектное выражение — цитата из речи Сидни Диллона Рипли, легендарного руководителя Смитсоновского института, который использовал ее в 1960-х годах для описания спасительной роли музеев². Это практически провокация в неолиберальном мире, где музеи являются частью культуры, им ставят в заслугу добрые и громкие слова, однако от них ожидают прислуживания власти предрежающим или, еще банальнее, тем, у кого есть деньги. Однако любое сходство с историческим оригиналом является, безусловно, намеренным. Высказывание принадлежит Карлу Марксу, которого, к сожалению, отвергают и обходят вниманием в наши дни. Остается сожалеть о подобном отношении. Несмотря на то что автор принадлежит своему времени и политическому контексту и на провал коммунизма, оказавшегося совсем неподходящим для бездеятельной человеческой природы, его идеи все еще актуальны.

Оригинальные слова его сочинения были следующими: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить его*»³ (Перевод на английский был впервые опубликован вместе с «Немецкой идеологией», выпущенной издательством Лоуренс и Вишарт в 1938 году⁴. Наиболее широко известна версия «Тезисов» в редакции Фридриха Энгельса, опубликованная как приложение к его труду «Людвиг Фейербах» в 1888 году, где он дал им название «Тезисы о Фейербахе».) Ссылка на источник имеет значение, так как тезис, предшествующий процитированному,

¹ URL: www.mnemosophy.com/post/2016/11/07/the-reformist-manifesto.

² *Sidney Dillon Ripley* (1913—2001). — *Примеч. ред.*

³ Маркс К. Тезисы о Фейербахе. В цитате воспроизводится последний, одиннадцатый, тезис. — *Примеч. ред.*

⁴ Marx K., Engels F. *The German Ideology*. London : Lawrence and Wishart, 1938. — *Примеч. ред.*

практически столь же вдохновляющий, хотя и не столь знаменитый. Я использовал оба в качестве лейтмотива и вдохновения при описании природы музеев.

Когда мы заменяем «философов» на «кураторов», то получаем посыл, который попадает прямо в точку в отношении основных недостатков музеев на протяжении двух столетий. Это история исполнения роли простых наблюдателей памяти и ее использования, а также пассивных писцов, служащих правителям своего общества. Чтобы сделать утверждение более ясным, я сократил тезисы до одного, предложенного в слайде. Добавленная строчка с пояснением указывает на принципиальное изменение парадигмы: от анализа и научной интерпретации до понимания института(ов) как фактора, влияющего на изменение и способствующего созданию лучшего, гармоничного мира. Эта парадигма, в отличие от того времени, когда она была предложена на моих лекциях и в текстах (1989), теперь незримо определяет большое количество передовых музейных практик. Однако это всего лишь вступительное утверждение к гораздо более длинной истории прикладной кибернетики, которая бы объяснила все последствия Манифеста. Наконец, подобное отношение и мировоззрение (*Weltanschauung*) могут повлечь за собой теоретические выводы, как, например, объяснение воздействия, оказанного «Мнемософией» (1987). Хотя этот неологизм звучит как провокация и всего лишь очередное безответственное предъявление умных профессоров, это что угодно, но не простой призыв: в конечном счете обществу необходимо иметь науку публичной памяти, как бы вы ни назвали ее. (Кстати, моя последняя книга носит название «Мнемософия. Эссе о науке публичной памяти»¹).

5.5. Понимание потребностей

Утверждение заключается в том, что, только понимая запросы общества в реальном времени, мы можем создать в наших институтах публичной памяти предложение. Все остальное либо ошибочно, либо бесполезно. К сожалению моих коллег

¹ Английское издание — 2015-й, российское — 2017-й. — *Примеч. ред.*

по профессии, наследие очень политизировано: если выразить-ся благопристойно, без основательного, глубинного понимания памяти о наследии не может быть никакой демократии. Лишь в этом постоянном диалоге мы формируем наши прагматичные нарративы и сталкиваемся с непосредственной реальностью. Так как все вместе мы с течением времени меняемся (что было выражено столь красиво в латинской пословице 2000 лет назад), я должен признать, что сейчас я бы написал эти развернутые заметки иначе.

5.6. Экомuzeи стали причиной реального изменения парадигмы, но их так никогда и не использовали в полной мере

В той или иной мере вы правы: экомuzeи могут повлиять на любой музей. Создание экомuzeя впервые позволило очень ясно осознать необходимость создания музеев, основанных на идентичности, а не на ее остатках (коллекциях) или ее проекциях (политической воле). Экомuzeи поддерживали истинную заинтересованность музеев в их гражданах, сообществе, в каждом участнике их сообщества, в совместной работе с членами этого сообщества, и все это — в контексте реального времени и с целью оказания содействия в росте качества. Они были ясной моделью музеев идентичности, всегда принося пользу конкретной, понятной, территориально доступной идентичности. Все сообщество само по себе являлось музейным предметом и в то же время неделимой конгломерацией предметов, большинство из которых невозможно затолкать в стеклянную витрину. На протяжении практически пяти десятилетий этот феномен (фактически движение) экомuzeев оставался излюбленной профессиональной темой. Хотя это, возможно, не было очевидно в 1970 году, экомuzeи положили начало веку публичной памяти. Они изменили центр гравитации музеев как института навсегда и научили нас мыслить иначе. Не технологии или наука (которые остались инструментами для оценки), а именно служение сообществу получило заслуженную популярность. Однажды изученные в своей сущности, они никогда не перестанут вдохновлять институты публичной памяти и связанные с ними виды деятельности.

5.7. Вдохновляющая сила местности

Посещение различных регионов, наблюдение за сетевыми связями, воспоминание об экомузеях, размышление о буме китайских музеев были вдохновляющими занятиями. Показатель появления новых музеев в Китае в 2018 году составлял один музей каждые полтора дня, и это побудило меня продолжить размышления. Официально заявлялось, что музеев слишком мало при любом статистическом сравнении с Западом. Я довольно много писал на эту тему. Но цель состояла в том, чтобы снабдить их страну максимально возможным числом крупных, престижных музеев. Это было понятно для пробуждающейся мировой державы, однако слишком амбициозно и направляемо жадной признания. Что если Китаю следует руководствоваться какой-то иной логикой? Что если большинство предложенных решений не будет своеобразным стремлением произвести впечатление, сопровождаемым очевидным желанием торжественно заявить о триумфе их культурного и цивилизационного опыта, который насчитывает пять тысячелетий и которым пренебрегали в течение длительного времени? Это намерение было слишком западным в некотором смысле. Но и у Запада есть опыт «белых пятен» — неизвестных, требующих интерпретации, обделенных вниманием и испытывающих кризис идентичности. Таким образом, размышляя об этих взаимосвязях точек интерпретации наследия как части системы интерпретации, я считал правильным воспринимать это стремление как проявление потребности собрать разбросанные компоненты «черного ящика памяти».

Я написал длинный, подробный проект. В Китае придут к осознанию, что такая огромная страна, как у них, нуждается в гораздо большем количестве музеев, нежели 6 тысяч, как запланировано государством на 2022 год. Чтобы достигнуть стандартов некоторых развитых стран, к которым Китай так стремительно приближается в экономике, страна должна будет располагать структурой, желательна сетью из 50 тысяч музеев. Микромузеи представляются в данном случае возможным решением. Деликатность по отношению к небольшим сообществам и региональной самобытности со стороны экомuzeя стала бы реальным шансом для сохранения идентичности в масштабе всей страны. В конечном счете это произойдет — тем или иным образом.

5.8. Ценность инициативы снизу

Несомненные элиты — все те, кто дорожат идеалами свободы и равенства и вносят творческий вклад в развитие общества, — являются прирожденными лидерами. Но, с другой стороны, прагматично было бы поддержать простые, целеустремленные, позитивно настроенные гражданские элиты, которые дорожат ценностями населения и образуют мощную основу культурного, социально активного общества. Многие из них часто осуждаются перфекционистами как мелкие буржуа, однако в сущности это исчезающий средний класс. Они испытывают потребность в том, чтобы музеи помогли им задать ритм, предложили поддержку и приняли участие в совместных проектах с творческими элитами. Социально значимые, позитивные и качественные элиты находятся под угрозой исчезновения из-за все более агрессивных рынков. Элитарность качества — то, на что ориентирована миссия музеев.

5.9. Больное общество нуждается в позитивном содействии

Да, оно также нуждается в том, чтобы производство политического и порождаемого реалити-шоу мусора оставалось дорогостоящим за счет налогообложения и расположенным вдали от чьей-либо прямой досягаемости! Счастливые люди не рисуют граффити и не убивают своих одноклассников или прохожих. Это делают разочарованные люди. Современное общество может с готовностью тратить миллиарды на дорогостоящий государственный аппарат и привлечение сторонних ресурсов, камеры видеонаблюдения, репрессивные институты, но не спешит обеспечивать людей безопасными, благоприятными, вдохновляющими, примечательными и полезными учреждениями, такими как музеи и библиотеки? Там, как, например, при бесплатном государственном образовании, они могли бы найти себя, вдохновение для жизни и работы, решение проблем и душевное спокойствие.

Однако, за исключением своих лучших проявлений, музеи в большинстве стран будут подходить к проблеме с определенной интеллектуальной сдержанностью, потому что они не воспринимают себя в качестве общественных институтов, которыми, несомненно, являются. Справедливости ради стоит отметить, что, предлагая выставки или акции, которые затрагивают

интересы групп влияния, они ставят себя в затруднительное, даже опасное положение. Но придется выбирать: быть индустрией служения обществу или легкой, общественно поддерживаемой, творческой индустрией. Если бы они притворились профессиональным сообществом, было бы трудно представить, как они смогут избежать восприятия себя в отрыве от исконной задачи любой памяти — служения прогрессу. Секторов, представляющих знания, образование и развлечения, много, и они не имеют равных в своем постоянном совершенствовании. Сектор наследия имеет хорошие шансы, только если возьмет на себя некую исцеляющую функцию по отношению к сегодняшнему больному обществу.

5.10. Содействие выживанию глубинки

Времена нищеты и беспрецедентной депопуляции в сельской местности за счет стремительного роста переполненных городов требуют новых стратегий. Все более важной становится разработка способов устранения чувства отчаяния и безысходности, а также получение максимального эффекта при минимальных вложениях. Как правило, грамотный диагноз местной идентичности как несчастья (*malheur*) и творческое использование технологий — это хороший путь к выходу из сложившегося положения. Так, Би-Би-Си заменяет нашу потребность в открытии неизвестных или неинтерпретированных идентичностей, которые в ином случае, будучи небольшими, хрупкими, оставленными без внимания и воспринимаемыми как незначительные в мире, управляемом ориентированной на сенсацию логикой, никогда бы не имели шанса. В данном случае быть известным своим носителям и быть открытым другим людям равнозначно режиму выживания. Речь идет о кодах идентичности, сохраняемых и символически оберегаемых.

5.11. Парадокс туристического предложения

Одну любопытную вещь я буду повторять часто: музей, подходящий местному населению, — с незначительными поправками, отличное предложение и для иностранных посетителей.

К слову, большинство ужасных последствий туристической индустрии вызвано пренебрежением к местному населению. Вместе с тем мы знаем, что устойчивый туризм предпочтет оставить локальные условия благоприятными и пригодными для жизни местных жителей, потому что только тогда это туристическое направление останется долгосрочным.

5.12. Местное сообщество должно быть убеждено в том, что «черный ящик идентичности» является выходом из сложившейся ситуации

Когда публичная память приходит в упадок, создание музея — хороший способ предотвратить этот процесс или обернуть себе на пользу эту перемену. Однако музеи представляют собой дорогостоящее решение и, безусловно, их создание будет невозможным в большинстве подобных ситуаций. Поэтому небольшие, бедные, отдаленные и наиболее уязвимые места страдают сильнее всего. Но что если поставить местное население в известность о том, каким процессам они подвержены? Наиболее эффективно это можно осуществить через учебные заведения, а затем через социально ориентированные некоммерческие организации. Однако наследие находится вне поля их основной деятельности. В некоторых случаях странным и щекотливым решением служит появление музеев. Это стало почти правилом за пределами западного мира. Нельзя призывать местное сообщество к чуждым ему и его пониманию решениям или лишать его вообще какого-либо решения, исходя из того, что музеи дорого стоят. Их необходимо убедить в том, что во времена нищеты и эффективность, и чувство собственного достоинства могут быть сохранены в разумных пределах с помощью креативных решений. Готовая, легковозводимая «коробка», относительно дешевая и небольшая, хорошо оборудованная, сочетающая простую демонстрацию и современные технологии, могла бы стать решением проблемы. СМИ могут сыграть важную роль. Так, любой «черный ящик памяти» должен быть объяснен как способ лучше высказать необходимость предложения неинтерпретированным местам прочного положения в реальном времени и реальном пространстве для

интерпретации их идентичности. В пустых ожиданиях идеального, традиционного удовлетворения их потребностей простой проект может сделать их идентичность известной, дать возможность этой идентичности раскрыться и утвердиться, даже чтобы избежать угрозы исчезновения в результате простого игнорирования и пренебрежения.

5.13. Экомузеи как напоминание о демократической природе музеев

Экомузей — это форма активной общественной сознательности, механизм самопознания и саморегуляции. Все остальное служит этим задачам. Опыт экомузеев мог бы помочь деятельности в сфере наследия, под которой я подразумеваю всю нормальную профессиональную работу институтов наследия (государственных учреждений, институтов гражданского общества и частных организаций, в случае если они ставят свои интересы выше интересов владельцев), стать автономной правящей силой.

Ересь, которую экомузеи до сих пор представляют в традиционной практике и подкрепляющей ее теории (спустя полвека после их изобретения), — это постоянное восстановление веры в миссию институтов публичной памяти. В своем первичном понимании экомузеи означали, как минимум для «музеев общества», интерпретацию всей территории *in situ* — музеи, служащие лишь в качестве центрального узла интерпретации и ориентации в целом. Мир, находящийся в опасности, нуждается в них, вероятно, больше, чем когда-либо. Экомузеи не только о людях и для людей — они также должны быть от людей в том смысле, что кураторы в идеале выступают лишь модераторами процесса, который репрезентируют экомузеи. Музей синтеза во время синтеза — это логическое следствие общей потребности. Учитывая длительный и динамичный опыт вовлечения сообщества в свою деятельность за полвека до подхода, предполагающего совместные полномочия, экомузеи остаются практически нереальным откровением о возможности существования музея, «сделанного о людях, людьми и для людей».

5.14. Самый маленький музей в мире

В 1997 году я создавал в Капеле (Словения) первый экомузей в этой части Европы. Мне это представлялось очень важным, так как я был прямым последователем Жоржа Анри Ривьера и жаждал создать экомузей. Команда была превосходной, и мы реализовали большую часть проекта, в том числе смонтировав богатую выставку, заявляющую о новом музее. Однако в последний момент здание должно было быть передано церкви, открытие музея отложили, и мы упустили ценный момент. Не считая части только что сформированной коллекции, осталась лишь одна вещь. Поскольку денег сильно не хватало, я делал чертежи для центрального информационного киоска в деревне и руководил мастерами (приглашенный архитектор запоздал с работой). Забавное маленькое строение, шутил я, было самым маленьким музеем в мире. Один квадратный метр пола, три квадратных метра узких стеклянных витрин для плоских экспонатов (по трем сторонам строения) и около двух квадратных метров стеклянной витрины внутри колонны (с четвертой стороны) подобно стойке с прогнозом погоды прямо в центре деревни. Этот «музей» все еще находится там, деревня является его коллекцией, а занимается им местная начальная школа. В самом начале мы незаметно подсоединили его к городскому освещению так, что он загорается каждый вечер и остается «открытым» всю ночь «хорошо освещенным местом» (как понял бы его Хемингуэй¹) региональной идентичности.

5.15. Музеи должны противодействовать обесцениванию труда

Около десяти лет назад я представил несколько лекций на тему промышленного наследия в городах Риека и Загреб, некогда мощных промышленных центрах, а затем участвовал в работе над презентацией шахтерского поселка Лабин...

¹ «Там, где чисто, светло» (англ. *A Clean, Well-Lighted Place*) — рассказ Эрнеста Хемингуэя (*Ernest Miller Hemingway*; 1899—1961), вышедший в 1926 году. — *Примеч. ред.*

Деиндустриализация — часть процесса, практически навязанного странам с переходной экономикой. Однако беда не приходит одна: также утрачиваются местные профессиональные компетенции и мастерство, которые были присущи их традиционным сферам промышленности на протяжении поколений. Вместе с забвением следует деконструкция и отказ от прежней системы ценностей. У детей уже совершенно иное восприятие труда. Богаты и счастливы те, кто никогда не работал, одни лишь спекулянты и политики. Не желая производить впечатление очередного профессора, занятого непродуманным теоретизированием, я всегда предлагал очень конкретные действия или даже учреждения, чтобы хотя бы одно из этих мест смогло осознать свои возможности. Наша ущербная система ценностей отчаянно нуждается в «Музее труда», некоем «Музее работы и рабочих» — организации, которая может стать национальным центром истории труда. Это стало бы настоящим смелым вызовом, заделом на будущее, почти патриотическим актом, если иметь в виду связанную с переходным периодом разруху, которая не только уничтожила промышленность, но истребила саму культуру труда.

5.16. Похвала руке, или Как вернуть humanitas

Идеальный проект мог бы заключить в себе идеологическую историю труда и его политическую значимость. В итоге он восхвалял бы природу человеческого творчества. Труд всегда уникален, хотя он может различаться по сложности и быть объектом иерархической оценки. Именно руки и их постоянный диалог с разумом стали причиной всех изменений в человеческой судьбе. Я представляю слияние науки и искусства как синергию, которая могла бы придать подобному проекту уникальность. Поэтому я снова осмелился бы (спустя десятилетие) предложить название для этого проекта — «Похвала руке» (позаимствованное у французского историка искусства Анри Фосийона¹). В отличие от того времени, теперь я вижу, насколько

¹ *Henri Focillon* (1881—1943) — основоположник новой формальной методологии в искусствознании. В переводе на русский язык: Фосийон А. Жизнь форм. Похвальное слово руке. М. : Московская коллекция, 1995.— *Примеч. ред.*

это далеко от любой допустимой реальности. Или, возможно, это не так, поэтому я вполне могу продолжить мечтать. Выход из тупика реалий роботизации и дополненной реальности вполне может быть осуществлен с помощью этой гуманистической интроспекции. Музеи, основанные на ценностях, помогут нам вернуть нашу *humanitas*¹.

5.17. Ценности, связанные с трудом, рассматриваются как новая волна коммунизма

Некоторым базовым ценностям повсюду был нанесен значительный ущерб. Однако бедные и нуждающиеся всегда получают сполна бед. Страны с переходной экономикой страдают от ужасного удара по системе ценностей, связанной с работой, и отдельно по чувству собственного достоинства в процессе труда. Поскольку музеи должны, используя аргументы прошлого, рассказывать о настоящем, о его изменении и управлении им и поскольку очевидные ценности находятся под угрозой исчезновения, было бы абсолютно естественно создать механизм для их сохранения.

Меня часто приглашают читать лекции. Каждый раз я стараюсь обратить на это особое внимание, предлагая некоторые практические советы. Теоретизирование — это хорошо, но в большинстве своем это простая болтовня, поэтому хотелось бы представить это иначе.

Но даже сторонники мейнстрима, не говоря уже о губительных политических подхалимах среди тех, кто принимает решения, боятся оказать содействие такой «коммунистической» идее. Жаль! Поскольку труд имеет сильные корни в христианских ценностях, они, казалось бы, должны служить поддержкой этим идеям. Я заинтересован конкретно в том, чтобы создать место, которое будет утверждать культуру труда, человеческое творчество и его историческую судьбу. Социальная идентичность находится в большой опасности и в уединении, будучи обесцененной и очерняемой опасным бескультурным, ежедневно порождаемым неолибералами лицемерием

¹ Лат. *humanitas* — гуманность, человечность, человеколюбие. — *Примеч. ред.*

и неутолимой жадностью. Суть труда заключается во всех нас и нашем правильном процветании, а не в идеологизированном социализме.

5.18. Изменение — это не только угроза борьбы

Изменения — это также обозначение прогресса и развития. В этом заключается вся их трагедия. Музеи существуют не для того, чтобы бороться с изменениями, но чтобы адаптировать нас к некоторым из них, другие — корректировать и противодействовать тем, что разрушают, выразимся кратко, достижения человечества. Мы должны продолжать наше путешествие как индивиды, группы или сообщества, но суть заключается в том, чтобы сохранить связь и многообразие. Нам не принесет ни пользы, ни счастья спроектированный и единообразно сконструированный мир. Необходимо вернуть в обращение некоторые ценности, но не как ностальгическую достопримечательность для туристов, а как красные нити нашей собственной динамической идентичности. Идентичность сохраняется наилучшим образом, если ее использовать, позволяя при этом происходить изменениям, однако не путем аннигиляции предшествовавшего опыта, а путем выбора ценностей, которые заслуживают преимущества.

5.19. Миссия музеев для стремительно растущих городов

К 2050 году, если мы доживем, чтобы увидеть это (мир играет со своей судьбой), половина мирового населения (около 5 миллиардов) будет жить в городах. Может ли у музеев в этих бурно развивающихся конгломерациях-гигантах быть иная функция, помимо той, чтобы выступать стражами идентичности и гаранты уникальности городов? Увы, наблюдается другая тенденция: города выглядят абсолютно одинаково, превращаясь в уродливые, нелепые, агрессивные мегаполисы. Новой практикой от Москвы до ЕС и Китая стало то, что города строят, (вос)создавая некоторую часть своего действительного или возможного прошлого. К сожалению, большая часть этих проектов осуществляется из своего рода культурных соображений,

но обоснование происходит из туристической индустрии. Имеющая глубокие корни культура городов, действительно урбанистическая, развитая и благородная ментальность стираются посредством социальной инволюции и вследствие корпоративной жадности. Безликие, претенциозные стеклянные гиганты со своими пьедесталами и коронами, облицованные в хаотично сверкающий неон, превращают идентичность города в ничто. Музеи в городе — это источники самопознания, самоосознания, ободрения и вдохновения для его жителей. Помимо материальной культуры, они — лучшее средство для поддержания того, что еще сохранило уникальность, — особой ментальности и самоуважения его жителей. Это напоминает сражение в уже проигранной битве, так как города всегда подвергались изменениям, и периоды их процветания были также временем их величайших потерь в отношении предшествующей идентичности. С другой стороны, никогда ранее процессы не были столь катастрофически быстрыми и необратимыми.

5.20. Быть полезным — значит делать деньги

В триумфальном западном цивилизационном проекте крайнего либерализма система ценностей столь упрощена, что понятие «хорошо для развития» приобретает значение «приемлемо для извлечения прибыли». Мы можем считать, что обсуждаемое на наших симпозиумах имеет значение, и, хотя в некоторой степени это так, нам не стоит забывать о тех, кто принимает решения: они определяют рамки, и, кроме того, их решения никогда ранее не были столь быстрыми и необратимыми, как сегодня. Поскольку развитие не стало устойчивым, несмотря на сорок лет усилий, угроза ценностям возросла. Тактика зарабатывания денег заменяет стратегию долгосрочного процветания. Бизнес все чаще видит гуманитарные ценности как активы, готовые к использованию в коммерческих целях. Политики склонны к монетизации. СМИ организуют массовое согласие, одновременно дискредитируя сокращающееся просвещенное меньшинство, представляя его как неблагоприятных романтиков и поздних коммунистов. Культура — это общественное право, основополагающее условие любого качественного

развития. Она еще никогда не подвергалась такой критике — в основном превращенная в креативные индустрии и, как например современные изобразительные искусства, некий объект международной олигополии. Пока мы воспринимаем это как норму, присоединение, практически втягивание, музеев в эти индустрии напрямую ведет к финансиализации публичной памяти. Если музеи станут очередным предложением, машиной для богатства и инвестиций вместо общественного блага, то это изменит весь общественный проект, который мы осуществляли до настоящего времени. Времена нищеты, ослабления государства и одновременного настойчивого требования роста дохода (теми, кто уже владеет большей частью денег) вовлекают весь сектор публичной памяти в беспрецедентные неприятности. Основными чертами этого процесса станет то, что музеи должны будут генерировать большую часть своих доходов, что библиотеки — слишком дороги для того, чтобы их содержать, что роль архивов будет сведена к хранению документов.

5.21. Общественная природа музеев и их превращение в вид, находящийся под угрозой исчезновения

Официально и благодаря своей международной организации музеи действительно обладают убедительной общественной значимостью. Это объясняется их абсолютно явной некоммерческой сутью, особенно во времена «Великой жадности», когда прибыль стала одержимостью, фактически сверхидеологией. Опросы наглядно показывают, что музеи рассматриваются как наиболее правильные государственные учреждения — те, которым доверяют больше всего в эти нелегкие времена. Жители городов все чаще предоставлены сами себе. Структуры гражданского общества зачастую поддерживаются лишь с целью создания иллюзии безопасности и силы. Общественный сектор — это естественная среда для музеев, а государство всеобщего благосостояния — естественный идеологический контекст. Корпорации, благочестивые индивиды или самоорганизованные граждане никогда не станут источником какого-либо общественного договора. Всеобщее благо ведь было окончательно исторически институализировано и уже

готово к развитию, когда в течение нескольких десятилетий оно было разрушено, дискредитировано и стало не по карману. Чей это запрос? Одного процента собственников планеты. Их СМИ могут повторить ложь достаточное количество раз, чтобы она стала истиной в последней инстанции. Почему так случилось, что музеи тоже находятся у них на пути? Потому что, согласно сложившейся традиции и их предназначению, они по своей природе являются общественными институтами. Виновики глубокого понимания вещей и разного рода гражданской грамотности — природный демократический инструмент. Будущих кураторов, прежде чем они начнут работать в музее, необходимо убедить в том, что непосредственный владелец музеев — народ: широчайшая публика, граждане, сообщества. Расхождение заключается в том, представляем ли мы себе в перспективе развитие общества, состоящего из полностью приватизированных секторов, или мы рассматриваем его как комбинацию, ориентированную преимущественно на всеобщее благо. Хотя у нас есть моральный кодекс музеев, будет необходимо расширить его основы и предложить правила, которые охватывают весь сектор публичной памяти. И я не считаю, что это понятно из наших документов, не говоря уже о нашем поведении. Следование естественному идеалу укрепления памяти общества подразумевает также и свободный доступ к этой памяти, так как естественная миссия музеев — та часть общественного договора, которая относится к человеку.

5.22. Работа как ценность или ликвидный товар

Большое количество карикатур с сайта CorpWatch¹ помогло мне создать контекстуальное понимание мира для моих студентов. Я до сих пор придерживаюсь мнения, что без него невозможно встретиться с вызовами, стоящими перед видами деятельности, имеющими дело с публичной памятью, в том числе перед музеями. Идеалом свободной торговли и необузданного корпоративного мира была свобода оборота капитала, непрерывное снижение налогов и стоимости труда. Это стало рецептом для

¹ URL: www.corpwatch.org. В настоящее время ссылка не активна. — *Примеч. ред.*

исчезновения рабочего класса и обесценивания общественной ценности труда. Как по поводу многих прочих заметок этой книги, может возникнуть вопрос: как это все касается музеев? Что ж, касается, потому что музеи ориентированы на ценности, с помощью которых мы выстраиваем наши жизни. То же относится и к организованным религиям в их лучшем проявлении. Музеи и их кураторы по незнанию или слабости могут страдать от институционализма и предпочитать услужливость и сопровождающий ее комфорт, подобно тому, как это делают религии и их священники: и те и другие забывают о своем сообществе и его судьбе.

Даже идеологическая забота коммунистического режима о рабочем классе была достаточно серьезной, чтобы во многих случаях предоставить полную занятость, социальное обеспечение и бесплатное образование для всех. Было ли это «равномерное распределение бедности», как это пренебрежительно называли на Западе, или истинный успех общественного договора, как минимум для некоторых, пока еще не ясно. Идеологический эксперимент провалился, однако, оценивая его конструктивно, надо признать что стандарты повседневности действительно гарантировали безопасность граждан, низкий уровень преступности и общественный порядок. Бюрократия практически не имела представления об обеих сторонах труда тем не менее пыталась создать вокруг него некий позитивный ореол. Рабочие начинали день (я беру пример чехов) со слов *čest práci* («честь работать»). Некоторые вспоминают это с презрением как пример партийного лицемерия, однако труд, хотя бы официально, высоко ценился. Для нас, кто знает, что роботизация способствует постоянному росту безработицы, их слоган «Давайте оставим тяжелый труд машинам» (*Nechme dřinu strojům*), хотя выглядит как наивный призыв, но небезосновательно демонстрирует заботу о рабочем классе. Он казался призывом к улучшению положения рабочего класса после его первого столкновения с машинами во время чартистского движения в XIX веке. Машина тогда еще воспринималась как средство для более комфортной жизни, а не для более значительной прибыли и избавления от рабочих.

Без идеологической поддержки и финансиализации экономики рабочий класс исчез. Но работа осталась, и если ей отказано в достоинстве, мы можем упустить уроки прошлого. Было бы

мудро, чтобы это стремление к уважению труда вернули в общество в качестве призыва, идеала, пусть даже недостижимого, но стоящего усилий. Безусловно, торжествующее либеральное безумие не упустит возможности назвать это очередным подтверждением опасной, скрытой коммунистической пропаганды. Очень жаль, потому что на карту поставлено наше отношение к работе, к достоинству человеческого труда и знанию о том, как направить неизбежные процессы автоматизации. Если ответ—это «больше прибыли», которой суждено попасть к меньшинству владельцев, тогда мы, должно быть, неверно поняли уроки истории и ошибочно истолковали человеческий опыт. Мнимая социализация фондового рынка может даже показаться даже демократичной за счет кажущегося расширения круга вовлеченных лиц и спекулянтов, но обесценивание труда и ошибочно позиционированные технологии не могут принести процветания.

Большинство музеев обладает уникальным потенциалом служения идеалу человеческого творчества и ценности труда. Около двухсот в мире специализировались на этой теме, многие затрагивали ее, но прославление труда остается темой, недостаточно представленной в музеях.

5.23. Любое прошлое по своей сути является политическим

Следует четко осознавать, что дискурс, на первый взгляд политический и ангажированный, может показаться любому эксперту, связанному с наукой, нелепым. Такой специалист увлечен внушительным богатством научных исследований, для которых можно найти повод, говоря о промышленной археологии, и боится выйти за пределы «нейтральной» научной точки зрения. Однако не существует ни нейтрального прошлого, ни стерильной непредвзятой интерпретации. В сравнении с усердными исследователями, простой заинтересованный гражданин, который в итоге является пользователем продуктов исследования и презентации, заслуживает того, чтобы прошлое было не только преобразовано в научные факты, но и переведено в применимый, имеющий практическую значимость опыт, отвечающий его потребностям.

5.24. Теоретические основы института – в технических нюансах работы

Музеология или музеография непременно являются теорией, поддерживающей практику определенных институтов, а ее история обогащена управленческим опытом. Мы с готовностью приняли в качестве ответственности еще больше решений относительно того, превращать ли конкретный объект промышленной археологии или памятник в музей, центр интерпретации¹, туристический центр, интерпретированные места или в комбинацию всего перечисленного в соответствии с особенностями ситуации. Если мы углубимся в общественную роль наследия, его публичную миссию, то почти всегда сможем утверждать, что любой подход должен основываться на подробном исследовании, выливающимся в раскрытие содержания, которое бы указывало на полный контекст, охватывало бы множество обстоятельств, предусматривало бы полный спектр технологических, общественных, политических и психологических последствий и предложений. Только тогда коммуникация как двусторонний процесс (действительно обмен!) становится возможной.

5.25. Промышленная археология как способ понять неолиберальное настоящее

В консервативном понимании индустриальная археология полностью пренебрегает настоящим, делая канал коммуникации узким и недоступным. Почему музеи не могут объяснить всю терминологию (свободная торговля, свободные экономические зоны, привлечение сторонних исполнителей, приостановка производства, технологический избыток...) и значение других оборотов повседневной речи, которые, на первый взгляд, с помощью «средств массовой информации» объясняют массам их правильное, единственное будущее? И их прошлое тоже. Между прочим, слова «массы» и «рабочие массы» были терминами, раскритикованными как проявление коммунистического пренебре-

¹ Центр интерпретации — в Европе и Канаде тип организаций, занимающихся сохранением и распространением знаний о местном культурном наследии. — *Примеч. ред.*

жения по отношению к людям, не говоря уже о гражданах, однако они использовались тогда реже, нежели сейчас. Можем ли мы прийти к несколько провокационному (?) выводу, что все корпорации предпочитают, чтобы общественное мнение их не беспокоило, а многие ученые и кураторы — чтобы их не тревожили в их синекурах?¹ На сегодняшнем рынке труда мы видим, как труд воспринимают в качестве необходимого навыка. К благородному термину «труд» (обозначающему также людей, рабочих) относятся обезличенно, называя его «кадровые ресурсы», вследствие чего работа — это всего лишь очередной ресурс, очередной ликвидный товар. Как бы приемлемо это ни выглядело, это представляется началом сомнительного, недостойного будущего.

5.26. Позиционирование невозможно без ясного представления о продукте

Все относительно, и, хотя музеолога или куратора не зовут высказать свое мнение обо всем, что нас окружает, истина заключается в том, что наша роль в обществе — это роль трибунов, защищающих публичную память. Являемся ли мы просто накопителями для аккумуляирования знаний путем бесконечного приобретения и нейтрального, научного представления? Если так, то кому мы действительно нужны? Будем ли мы необходимы по прошествии времени? Три мегасектора, или индустрии, делают бессмысленным нейтральное существование: знания, досуг и образование. Мы чувствуем себя до определенной степени свободно в отношении всех трех целей, однако ни одна из них не является исключительным коммуникационным сочетанием. При этом мы едва ли можем соперничать с этими индустриями в их сферах и компетенциях. Наш продукт — все это вместе взятое и даже больше. Таким образом, позиционирование становится не только вопросом представляемого маркетинга, но (успешного) выживания.

¹ Синекура — в средневековой Европе церковная должность, приносящая доход, но не связанная для ее обладателя с какими-либо обязанностями или с необходимостью находиться в месте служения. Перен. — хорошо оплачиваемая должность, не требующая большого труда. — *Примеч. ред.*

5.27. Наследие должно играть более символическую роль для человечества

Мы представляем собой коммуникационные институты, цель которых оказание помощи своим пользователям в понимании мира и себя самих в этом мире. Мы не можем игнорировать тот факт, что любое настоящее обычно до некоторой степени является результатом определенного прошлого и будет значительной частью будущего. Человечество не умирает, а в действительности развивается, когда отдельно взятый человек покидает этот мир. В этом отношении мы подобны коралловому рифу, в котором каждый новый индивид развивается поверх предыдущего, расширяя риф и увеличивая его в направлении поверхности. Предполагался ли опыт каждого отдельного человека как вклад в наше человеческое общество? Суждено ли коралловым рифам достигнуть поверхности, встретиться с солнцем и стать наземной формой жизни? Вполне правомерно предположить, что люди также живут своей собственной метафорической жизнью. Или мы просто не можем обойтись без высшего смысла нашего существования, будь то мы сами или существование наших институтов, с помощью которых мы выживаем и процветаем? Если этот вопрос актуален, то он провоцирует другой: какова миссия музеев в обществе? Это не может быть лишь распространение знаний и знакомство посетителей с науками, которые являются ключевыми для этих музеев. Наше существование настроено на постоянное движение вперед. Истолкованные поверхностно, движение вперед, или прогресс, или улучшение будут выражены в терминах завоевания. Наши традиционные музеи представляют собой идеальное подтверждение этого превратного понимания. Если же, с другой стороны, мы воспринимаем нашу задачу как способ совершенствования себя в качестве человеческих существ, есть иной образ мыслей, которым следует руководствоваться нашим институтам.

5.28. Загрязнение? Почему не рассказать в музеях правдивую историю?

Если музеи заинтересованы в технике и обществе, не является ли тогда загрязнение их темой? Казалось бы, да, при условии,

что мы не называем виновников и избегаем конкретных ассоциаций. Чтобы избежать неудобных обязательств, кураторы предпочитают пребывать на уровне научного дискурса и оставлять роль интерпретации мира другим. Так достаточно ли важны музеи и прочие институты наследия? Что ж, нет, но кто в этом виноват? Мы постоянно жалуемся на недостаток финансирования и внимания. Это предполагает, что кто-то другой виноват в нашем низком положении в списке приоритетов политиков и СМИ, а это в результате приводит к сокращению бюджета. Вообразите себе нашу деятельность, в которой мы отмечаем бомбардировки, военные операции, направленные на заводы, перерабатывающие природные ресурсы и т.д. Это спровоцирует проявление правдивой, хотя и неутешительной картины того, кто является самым опасным загрязнителем на планете. Мы могли бы задокументировать, что военный сектор — виновник ухудшения состояния окружающей среды, достигшего ошеломительных масштабов.

Нехватка посетителей — это по сути наша неспособность предложить им правдоподобную, реальную и надежную информацию в мире, где ими манипулируют, злоупотребляя ежедневными политическими новостями. Иерархия ценностей, проблем и опасений, требующих решения, — вот что крайне необходимо в демократических процессах. Глобальное отсутствие культуры мира вполне может вскоре привести к антикультуре войны. Например, в мире приблизительно 100 тысяч военных самолетов. Они, увы, производят летучие органические соединения: окись углерода (угарный газ), оксид азота (веселящий газ), двуокись серы (сернистый газ) и прочее в абсолютно отвратительных количествах, несоизмеримых ни с чем в гражданском мире.

Знания находятся повсюду, если они нам нужны. Просто наберите в поисковик: «выбросу CO₂ скольких автомобилей равен его выброс одним самолетом?», и посыплются аргументы... Даже сравнение из гражданской жизни демонстрирует нездоровый мир, в котором мы живем. «Культура» навязчивого путешествия на самолетах, продвигаемая безжалостной туристической индустрией, сама по себе является проблемой. Так, чтобы долететь из аэропорта Хитроу до Эдинбурга (530 км), Боинг 747 использует 10688 кг горючего, которое высвобождает немного

более 33 тонн CO_2 . Можно проехать на 336 машинах из Лондона до Эдинбурга, которые выделяют то же количество CO_2 , что один такой самолет.

5.29. Страны с переходной экономикой забывают свое прошлое

Раньше некоторые из этих заметок были использованы для лекций, и я предлагал, чтобы любая из стран, в которых находились приглашавшие меня организации (часто это были европейские страны с переходной экономикой), могли бы создать: сеть интерпретационных точек промышленного наследия; хотя бы один музей труда; ассоциации гражданского общества, включающие друзей промышленного наследия; международную ассоциацию институтов промышленного наследия; провести крупное национальное или международное мероприятие, посвященное этой теме. Между тем такие ассоциации возникали, но в странах с переходной экономикой, как правило постсоциалистических, рабочий класс и промышленное наследие представлялись весьма отталкивающим прошлым с идеологической точки зрения, поэтому объекты часто были заброшены, а память предана забвению.

Очень печально, что так много стран сделали так мало для защиты своего промышленного наследия. Это значительный пробел в коллективной памяти. Например, Риека (Хорватия), некогда сильный промышленный город, имел лучший шанс. Относительная бедность и медленный темп развития при бывшем социалистическом режиме, на первый взгляд, обеспечивали наилучшую сохранность наследия. Многие дошло до последнего десятилетия XX века. Резкий переход к стадии первоначального накопления капитала и одновременной, непродуманной, внезапной приватизации в одночасье поставил под угрозу исчезновения это чудесным образом сохранившееся наследие. Война и ее травмирующие последствия внесли свой вклад в появление пренебрежения и обесценивания, опустошения и разрушения. Результаты международного и местного экономического кризиса ухудшили ситуацию. В странах с переходной экономикой практически отсутствует уважение к труду и его истории; ценности,

связанные с ним, совсем не обязательно имеют идеологический уклон или служат признанию идеологий прошлого. Это превосходное наследие теперь необходимо, чтобы поспособствовать поддержанию местного самоуважения и восстановлению.

5.30. Недовольство историей труда со стороны неолибералов

Обращение вспять судьбы еще оставшихся объектов промышленного наследия в странах с переходной экономикой требует длительного периода информационно-разъяснительной работы и изменения политической атмосферы. Новые неолиберальные господствующие установки считают любое упоминание «работы», «рабочих», «истории труда» недопустимыми, так как они напоминают им о риторике прежнего режима (или до недавнего времени об их собственном политическом прошлом). Очень жаль, ведь уважение этих ценностей не обязательно предполагает идеологический уклон или признание прошлых идеологий. Мы отчаянно нуждаемся в институтах, которые использовали бы доводы прошлого и настоящего с целью придать труду достоинство и скорректировать систему ценностей, которая пока воспринимает его в корне неверно. Настоящее в некоторых переходных странах Юго-Восточной Европы характеризуется наводнением общественного пространства претенциозным, лицемерным языком и сфабрикованными сведениями, которые маскируют коррупцию и отсутствие ответственности неолибералов. Они нашли поддержку в религиозном и социальном консерватизме во многом с помощью Церкви. Это «возвращение к средневековью» оказывает значительное влияние на общее состояние гражданского общества и его фундаментальные политические ценности. В области СМИ и культурной жизни произошло снижение качества, в то время как некритичное и снобистское прославление бахвалящегося, пафосного капитализма превратилось во всепроникающий социальный китч.

Находясь в центре развития, технологии наполнились мириадами значений и возможных интерпретаций. Это почти обрывочное напоминание о духе времени, который они зачастую

столь прекрасно передают. Институты памяти не смогли обеспечить надлежащую реакцию общества, решившего забыть свое весьма поучительное прошлое. Суть призыва к созданию стабильной профессии заключается в этой роли противодействующего сознания. Если нам предстоит быть частью решения, наша работа по сохранению следов развития цивилизации должна состоять из успехов, а не из неудач.

5.31. Слабеющему общественному сектору необходим весь его потенциал

Необходимо, чтобы в школах людей обучали тому, как понимать реальность, как использовать технологии и как жить всем вместе на все более многолюдной планете. Зачастую тем не менее школы дают весьма бесполезные знания или вообще не имеют права обучать чему-либо, так как даже не могут отвлечь молодежь от улицы.

Что касается музеев, то все зависит от того, о какой стране или культуре мы говорим, однако позвольте заметить, что с учетом сильного влияния неолиберального Запада (мы можем сослаться на многих) у некоторых есть проблемы, в то время как у других они могут только появиться. Но нездоровое общество все еще имеет публичные пространства с почти благополучным имиджем и мощным потенциалом для коммуникации. Институты публичной памяти. Они могут выполнять функцию наших пресловутых предков, шаманов, благосклонных и щедрых друзей... Каждое сообщество всегда будет нуждаться в центральном, нейтральном месте своей идентичности (или это будет уже не сообщество), месте, где оно узнаёт и формирует себя вопреки нарастающим вызовам внешних перемен. Там всегда должно находиться его собственное пространство для развития. Мирные, действительно счастливые сообщества не представляют собой воюющие страны и не превращаются в них, но это может измениться, если они будут разрушены до уровня одинокого, напуганного, находящегося в опасности, подверженного манипуляции, неуверенного отдельного человека, который с готовностью погружается в иллюзию безопасности, солидарности и уверенности в себе.

5.32. Важность презентации промышленной археологии

Промышленное наследие посвящено людям и машинам в экономическом, социальном и политическом контекстах. Поэтому интерпретация должна выполняться на технологическом уровне через рассказ о новинках в области технологий, творчестве и уникальности этого опыта. На эстетическом уровне должен проявляться интерес к особенностям дизайна продуктов и зданий (при его наличии). Социальное измерение может быть единственным уровнем, способным объяснить историю создания индустрии. Отстаивая промышленную археологию, мы можем остаться на формальном уровне, отслеживая перипетии инноваций, природу творчества и получающиеся в результате технологии. Мы можем, но нам не следует этого делать.

Лишь в исключительных случаях наше понимание расширяется, чтобы охватить эстетическое измерение, так как оно не только неразрывно связано с искусством, но также является истинным вдохновением в искусстве — до такой степени, что определенные художественные направления (не говоря уже о программных, как, например, футуризм или искусство, изобретавшее войны, перевороты, революции) было невозможно представить без технологического контекста (импрессионизм, кубизм, пуантилизм). Проектирование заводов, рабочего места, «упаковывание» рабочих процессов в функциональные, удобные и визуально привлекательные здания — это отрасль архитектуры и дизайна, которая изменила не только нашу архитектуру и искусство, но и наш мир. Ее отсутствие воспринималось как признак бесчеловечности в безоглядном преследовании одной единственной цели — прибыли.

Итак, к тому времени, когда мы достигли постидеологического общества (имея в виду исключительно политический смысл), мне сложно представить, чтобы музей, посвященный промышленной археологии, мог пренебречь социальным и политическим компонентами всего этого многосоставного, многоуровневого феномена. Является ли он сложным лишь потому, что на это плохо смотрят власть имущие? Были бы они оскорблены, если бы мы обнародовали безответственный дефицит какого-либо социального обеспечения рабочих с их стороны? Как представителям профессии, пусть и находящейся в процессе становления, нам

следует иметь свое четкое мнение об этом или же испытывать некоторое чувство вины за осознанное сокрытие человеческого контекста технологий? Что мы так боимся предложить власть имущим — достоверный урок прошлого или отложенные послания наших предшественников? Выходя из такого учреждения или с выставки, посетитель должен быть не только более информированным, но также готовым выносить суждения, формировать выводы, иметь некоторую пищу для размышлений и составлять собственное мнение. Свобода начинается с качественного понимания сути вещей, которое требует здравомыслия. Как мы узнаем, что это правильный путь? Просто: он труднее, ему активно противостоят как сделанному выбору, и даже внешне — он выглядит как путь, «который реже используют». Это форма свободы, и многие хотели бы ее дискредитировать с помощью политического этикета или путем простой смены директоров.

5.33. Идеальный музей современного искусства

Два десятилетия назад в связи с моими многократными удачными поездками в Финляндию я предложил моим амбициозным коллегам-кураторам в финском городе название для их мечты, для пространства искусства: *Taide Tile* («художественная плитка»). (Я написал для них концепцию: этот фрагмент относится к тому времени, однако именно история неудавшегося Музея Гутгенхайм в Хельсинки напомнила мне об этом проекте.) По сей день я лелею идею художественного музея как места, где творится искусство. С тех пор многие художественные музеи изменились подобным образом, и это к счастью. Другие, в свою очередь, остались тоскливыми местами, где картины «повешены» на выбеленные стены, а скульптуры поставлены на основания-эшафоты.

Не существует эталонов. Ни один музей не стоит создавать по подобию других. Современная традиция художественных музеев состоит в том, чтобы принудить всех следовать устоявшимся традициям. Слишком многие новые музеи спорны и с интеллектуальной, и с общественной точки зрения, чтобы выступать каким бы то ни было образцом. «Та-Ти» (*Ta-Ti*) было названием, которое мы придумали вместе, и таким образом я присоединился к их благородной затее: название и обозначало

пространство, где творится искусство, и стало индивидуальным именем для музея. Они попросили меня прочитать лекцию, и я это сделал. Мы так и не продолжили совместную работу. И все. Уже потом я часто думал об их мечте. Она меня так интриговала, что я решил поднять самую деликатную «музеологическую» тему — тему художественных музеев.

Я никогда не отваживался опубликовать эти соображения. Я часто обсуждал этот вопрос с покойным Кеннетом Хадсоном, который утверждал, что «художественные музеи — это отсталые дети музейного мира». Я был согласен с его аргументами, и для того времени это было более правдиво, нежели для сегодняшнего дня. Однако обстоятельства тоже во многом изменились к лучшему, поэтому я думаю, будь он здесь, он все еще придерживался бы своего заявления.

5.34. Музеи современного искусства — это и прецедент, и парадокс

Международная фаланга людей искусства, состоящая из историков искусства, арт-дилеров, олигархов-коллекционеров, арт-публицистов, знаменитых архитекторов и политиков, имеет свой договорный рецепт престижа, который выкачивает государственные деньги и создает огромные дворцы для их коллекций искусства. Звезды искусства, созданные в большинстве своем той самой машиной, которой управляют перечисленные выше люди, занимаются «их (людей искусства) искусством». Они относят своих оппонентов к категории тех невежд, кто возмущен современным искусством и таким образом отвергает критику. Иметь музей искусства сегодняшнего дня, настоящего, было парадоксом и останется таковым, невзирая на тот факт, что у нас есть несколько музеев будущего, находящихся в процессе организации в сеть. Так, в какой-то момент преобладала безоглядная жажда вечности, и кураторы желали не только незамедлительного доступа к ней, но и законной возможности создавать ее самим! Однако прошлое тоже спешило. Когда олигархи и индустриальные магнаты энергично стремились к тому, чтобы пожертвовать свои коллекции государственным учреждениям или создать такие учреждения для своих коллекций,—

они выходили на опасную тропу. Согласно этой логике владелец международной шоколадной фабрики может вынудить государство нанять кураторов для создания истории искусства на основе его аэропортных сделок с консультантами и владельцами галерей. Это весьма рискованный способ формирования публичной памяти о наиболее креативных и достойных художественных произведениях данного общества или культуры. То, что такие богатые коллекционеры создают свои собственные музеи, — одновременно и хорошая, и плохая новость.

5.35. Парадоксальная популярность музеев современного искусства

Чрезмерно рьяные оптимисты, будьте осторожны! Сегодня художественные музеи являются, вероятно, первыми по приросту посетителей и близки к этой позиции по доле общего числа посетителей. Но это не соответствует качеству посещений и не подразумевает безоговорочный успех. Зависимые от образования, СМИ, соцсетей и господствующих паттернов поведения, среднестатистические посетители ведут себя как культурные зомби. Никогда ранее в истории публичное потребление искусства не было таким массовым, как сегодня. И так же никогда ранее не существовало такого колоссального разрыва между официальным понятием искусства и когнитивной / эмоциональной, а также интеллектуальной способностью фактических или потенциальных потребителей его понять. Подобно тому, как деньги сегодня ценятся настолько, насколько мировая общественность готова это принять, так же как и другие созданные, не безусловные действующие ценности. Социальные сети создают знаменитых личностей, единственное качество которых — то, что они знамениты — значимы, потому что им было позволено стать таковыми. То же самое в поразительной степени происходит с искусством и художниками.

5.36. На чью сторону мы встаем?

На одной из лекций я показывал студентам слайд с фотографией освещенного внутреннего пространства трамвая в 5 часов утра. Он наполнен людьми, представителями профессий, несущ-

щих на себе большую часть нагрузки городской жизни. Маловероятно, что это — посетители музеев, они, скорее, из другой части общества, чья нога никогда не переступала порог музея. На это много причин, но мы вполне можем начать с упреков в адрес самих музеев за их часть вины.

В доступном профессиональном образовании перед будущими кураторами редко ставят самые простые и общечеловеческие вопросы. Наиболее важным всегда будет построение здорового образа мыслей как применимой исходной точки их карьеры. На чью сторону мы встаем? Это звучит грубо и ненаучно, но жизнь — не наука, и наука, увы, гораздо чаще бывает далека от жизни. Это фото, показывающее людей в трамвае, было взято из местной газеты Загреба. Пять часов утра, и это делает вопрос еще более оправданным. Действительно, какая книга по «музеологии» (что бы это ни значило) или институциональной практике говорит что-либо полезное или вдохновляющее о служении этим потенциальным пользователям. Маловероятно, что эти люди думают о посещении музеев. Они ЗНАЮТ, что музеи не предназначены для них. Они не представители меньшинств или неблагополучных районов, это просто граждане с меньшими возможностями и низкой мотивацией. И правда, как можно затащить их в музеи? С трудом, если это вообще удастся. Но, возможно, они пошли бы, если бы мы взяли темы из области их проблем и планов: «Лица эксплуатации, или Долг — современное рабство», «Бедность и разврат сегодня», «Мифы и реальность»... Будьте готовы, что многие из них обратятся против вас: эти граждане уже подвергались лоботомии с помощью СМИ и политиков, но большинство, которому еще присущ здравый смысл, распознает, на чьей вы стороне. Что ж, я не советую вам этого делать. Вы можете потерять свою работу и поставить под удар вашу семью. «Машина» (по Мамфорду) среагирует как пустынный тайпан¹. Двери будут закрываться перед вами, приглашения станут редкими, и вас будут игнорировать все, кто может помочь вашей карьере. Однако, с другой стороны, сохранение знаний и мудрости может в один прекрасный день пригодиться.

¹ Самая ядовитая наземная змея. — *Примеч. переводчика.*

5.37. Хочешь быть любимым — люби

Si vis amari, ama! — латинская пословица гласит: хотите быть любимы, любите! Ни люди, ни музеи не понимают, что любовь — это всегда забота — забота о благе того, кого любишь, проявляя которую вы готовы пойти на потери или лишения, возможно, даже унижение, и все же не оставлять усилий.

Миссия музеев — всеобщее благо, но весьма часто мы слышим, что людям неинтересно то, что им предлагается. Гёте сказал, что учатся у тех, кого любят¹. Латинское высказывание просто утверждает, что любовь — это не само собой разумеющееся отношение, но чувство, которое приобретается посредством дарения любви. Любовь должна демонстрироваться как преданность и готовность продолжать свое существование, несмотря на препятствия. Суть не в жертве, а в том, чтобы просто поступать правильно и честно. В случае организаций она заключается в ответственности и понимании собственной миссии и потребностей (не желаний!) пользователей. Вот почему определение музеев — это не вопрос формальности, как, впрочем, и не банального теоретизирования.

5.38. Ваш удобный музей

Удобный для пользователя музей — не пустое требование: существуют музеи, которые не являются наглядными, предметно-ориентированными и продуманными в использовании. Если дизайнер хорошо справился со своей работой, то музей будет выглядеть по меньшей мере надлежаще, но это не то, о чем мы говорим. Человеческая природа показывает свою хрупкость и в музеях: так легко найти технологичное или количественное решение любой проблемы. Вот почему большинство современных музеев, как минимум в «удачливой и находчивой» части нашей планеты, хорошо выглядят. Они производят такое же впечатление, как шикарные места. Кеннет Хадсон, мой наставник, говорил, что музеи можно разделить на две категории: музеи

¹ Эккерман И.П. Разговоры с Гёте / пер. с нем. Н. Ман. М. : РИПОЛ классик, 2020. С. 160.

со стульями и без них. Под этим он подразумевал, что некоторые музеи заботятся о том, чтобы выяснить, когда и где посетителю понравится или понадобится присесть, чтобы присмотреться, поразмышлять или отдохнуть. И действительно, те музеи, которые удобны для посетителей, демонстрируют, что расходы в несколько евро могут быть удивительно эффективны.

«Музеи со стульями» — те, что хотят понимать, как ведет себя и как отреагирует посетитель. Они видят свою роль в удовлетворении потребностей пользователя. Большинство из предложенных позиций покажется очевидным для стороннего наблюдателя, однако это список ошибок, которые совершает большинство музеев. Глубоко погруженные в науку, увлеченные особенностями своих коллекций и в большинстве случаев не подготовленные, не получившие образования для выполняемой работы, кураторы легко становятся жертвой ложных представлений на самом общем уровне: их исходное отношение ошибочно, а отсутствие у них навыков или (даже хуже!) отсутствие образа мыслей, который бы позволил навыкам стать эффективными, зачастую печально известно. Возможно, они считают, что их музей — это преимущественно научное учреждение и что производство знаний является его сферой деятельности. Для этого существуют более подходящие учреждения и даже профессии. Коммуникация как двусторонний процесс, соотносящийся с нуждами, а не желаниями пользователей и сообщества, ускользает от их понимания, и они плохо выполняют свою работу.

Список основных положений таков:

1. Большинство музеев само вводит себя в заблуждение. Прежде чем действовать, предугадывайте потребности и вероятную реакцию ваших посетителей и прорабатывайте их для стратегического плана.

2. Не используйте свою энергию впустую. Если вам нечего предложить посетителям, спускайтесь вниз по списку приоритетов. Бездумная деятельность едва ли приведет к качеству.

3. Если вы не демонстрируете профессионального интереса и не видите высоких идеалов, которым следуете, вашего пользователя будет сложно заинтересовать.

4. Только ваша профессиональная уверенность и компетентность обеспечат вашей организации необходимое доверие ваших пользователей.

5. Чтобы быть профессионалом высокого уровня в высоко ценимом музее, вам необходимо стать идеальным, искусным собеседником — прекрасным оратором и отличным слушателем.

6. Единственное назначение вашего музея — это быть полезным и удобным местом для ваших посетителей.

7. Наиболее важным фактором для успеха является понимание того, ЧЬИ ценности вы представляете, КОМУ вы служите, с КАКОЙ целью вы это делаете и КАК вы это делаете.

8. Если вам неизвестна ваша миссия, она не будет известна и вашему пользователю: попытки достигнуть неизвестного, чтобы удовлетворить неизвестные потребности, будут определенно затратными, неэффективными и разочаровывающими.

9. Если пользователи не примут вашу деятельность, ваш музей будет пуст. Следуйте их желаниям и пытайтесь понять их потребности, чтобы сделать ваш музей незаменимым.

10. Если ваш пользователь не понимает, что вы пытаетесь донести, все, что вы делаете, будет впустую; расскажите историю, которая объяснит значение, глубину и актуальность вашей темы для сегодняшней жизни ваших пользователей.

5.39. Целительное воздействие на общество

Несмотря на то, что промышленная археология кажется специфическим предметом, она может выражать любую память общества. Будучи хорошо представленной, она позволяет выявить сильные места в прежней, исчезнувшей реальности и может эффективно защищать и сохранять исчезающее понятие качества и производить каталитические преобразования, которые дают импульс для развития. Промышленная археология — это один из способов понять наше прежнее коллективное «я» и способ осознать в себе его наследников. Человечество непрерывно сталкивается с растущим количеством выборов, некоторые из них кажутся губительными по своим последствиям. Неужели мы не можем усвоить уроки прошлого? Понимание себя — это источник некоторой гордости. Некогда преуспевавшее, а сейчас

опустошенное сообщество, процветавший в индустриальном прошлом город обладают ценностью, которой можно воспользоваться и поделиться. Мы всегда живем в какой-то степени в своем прошлом, зачастую определяющим наше будущее. Так, небольшое сообщество, которое когда-то было мощным горноперерабатывающим комплексом, может сохранить немало прежней славы, достоинства и величия времен славного прошлого, будь то достижения или значительные катастрофы на шахте. Считается все.

Представление о некогда процветавшей собственной текстильной промышленности или керамической, или машинной — это форма права, права на специфическую память, права на ее содержание, права на возрождение, права на ее силу вдохновения — подобно тому, как река, возвращаясь в свое прошлое русло, имеет на это исключительное право. Это и право на специфический опыт, на вдохновение и ноу-хау — источник мощного потенциала для настоящего и будущего. Традиции, не говоря уже о глубинных особенностях культуры и цивилизации, оставляют даже генетические следы. Идентичность накладывает обязательства. Какая прекрасная возможность возродить некую форму жизни и продолжить то, что практически исчезло и что заслуживает спасения! Это право на конкретную идентичность является также реальной возможностью для возрождения (приемлемым способом) того, что так часто рассматривается как потерянное и бесполезное и при этом удовлетворяет некоторые актуальные потребности.

5.40. Любовь к пользователю — путь к успеху

Буддистский учитель так комментирует свою стрельбу из лука: как я могу промахнуться, если я един с мишенью? Если куратор в сфере наследия солидаризируется с потребностями (не желаниями!) пользователя, то как может его музей быть неактуальным или бесполезным? Наивысший профессионализм всегда одинаков, меняются лишь условия. Словом, надлежащее отношение к миссии или призванию в обществе определит качество работы. Должная профессиональная подготовка, включающая обязательную передачу специальных знаний и навыков, —

единственное решение. В любом руководстве по музейной деятельности утверждается, что понимание пользователей путем опроса их мнения и просмотра книги отзывов — хороший путь к хорошему продукту. Не потому, что обладания знаниями недостаточно. То, что скажут или на что пожалуются посетители, возможно, просто отражает влияние их культурной среды. Наша любовь к ним может быть глубже этого.

***5.41. Демократические процессы возможны,
если публичная память сохраняется публично***

Запад пытается утверждать, что путь прогресса для любой страны — это приобретение демократии. Правда, ни в одной стране ее недостаточно. Однако я утверждаю: то, что сегодняшний Запад, или, скорее, стоящие у власти силы, провозглашает как демократию, таковой не является. Длительная борьба за демократию — великое европейское достижение, поэтому нам в Европе должно быть виднее. За последние три десятилетия развитие демократии было чем-то вроде горизонтального расширения формул участия для построения народной поддержки. Теперь вы можете подумать: к чему эта тема? Этот политический тон? К тому, что музеи (и наследие) являются главным образом политическим вопросом и представляют собой инструменты демократии. Будущее превзойдет и проигнорирует простые идеологические ориентации. Глубокое понимание общественных процессов и хорошая, объективная информированность обеспечат основу для общества правосудия и равных возможностей. Не существует демократии без свободного участия в процессах запоминания: в сборе информации, сохранении (хранении, извлечении, исследовании) и коммуникации. Кто помнит: что, с какой целью, и в чьих интересах?

5.42. Знаниям необходима цель, чтобы быть значимыми

Интернет — быстрое распространение информационной коммуникабельности и интерактивности, но и бездонный источник данных, информации и знаний. Океаны знаний указывают на то, что, поразительно, но нам не нужно их столько — это

скрывает первоначальный замысел развития и прогресса. Знания — это топливо прогресса, однако их накопление отвергает, перечеркивает самый основополагающий мотив этого накопления. Знания оказались лишь средством, как музеи — средства, как школы — средства, как все что угодно — средства для достижения некоторой идеальной цели, направленной на улучшение ситуации человека. Но в то время как накопление, построение, приобретение можно позволить или стимулировать, использование — нельзя, другими словами, использование не (вос)принимает общепринятые идеи как должное. Частные школы или университеты и распространение столь большого числа прочих источников знаний и подготовки кажутся бесполезными: они существуют лишь как приносящий прибыль бизнес, в целом озабоченный служением индустрии.

5.43. Само понятие музеев противодействует хаосу и отсутствию качества

Если мир превращается в (плохо прикрытый) хаос, почему это должно заботить музеи? Что ж, не должно, если бы они были посвящены прошлому. Но, если прошлое имеет смысл только как плодородная почва для настоящего, музеи должны быть посвящены идентичности, реальной, истинной, аутентичной — той, которая может продолжать вдохновлять и обязывать, той, которая делает нас теми, кто мы есть. Таким образом, музеи ориентируются на настоящее, лишь используя прошлое для служения ему. Даже ущербная и отвергнутая культура существует согласно правилам, нормам, ожиданиям. Любая культура — это система ценностей, а наследие (само по себе всегда находящееся в процессе) — одна из ее производящих частей. Даже оспаривать правило значит все еще опираться на него. Само изменение берет курс, обусловленный выбранным отклонением от прежнего правила. Величайшие специалисты в чем угодно — это мастера перемен. Они законодатели точного языка и добавляющего вкуса, художники меры и пропорций, способные обеспечить необходимое «отклонение» в наиболее подходящих обстоятельствах. Чувства здравого смысла и меры имеют место даже в том, что мы называем правдой и фактами, так как мы

можем сопоставить любой из них в многочисленных, противоположных интерпретациях, — последнее очевидно даже в наших музеях, которые на данный момент наиболее достойны доверия среди общественных институтов. Вот то, что музеям следует практиковать в любом обществе, возлагая на себя роль воображаемых мудрых старцев. Музеи связаны с критериями ценностей. Первая из трех частей их концептуального процесса — это отбор и, если он выполнен надлежащим образом, искусность их работы едва ли можно переоценить. Кроме того, необходимо понимать, что они посвящены тому, как мы — общество — помним прошлое и создаем настоящее.

5.44. Музеям следует сопротивляться восприятию наследия как статьи дохода

Туризм в сфере наследия и индустрия наследия извлекают из самого наследия дешевую сенсационность и развлекательность, отбрасывая все другие «скучные» качества и нравственные ценности как лишний мусор. Если их кампания продолжит свое успешное внедрение в дома и умы населения, на смену может прийти поколение, считающее музеи неинтересной, нравоучительной скукотищей. Неолиберальный мир обесценил обязательную приверженность развитию и прогрессу: используя практику отвлечения, развлечения, релятивизации качеств и ценностей, он предложил прочную узаконенность безразличия и жестокости — управляющие им лидеры и знаменитости сильно напоминают пьяную команду на пиратском корабле. У многих существует потребность встать на защиту человеческого достоинства и вернуть себе озорную наивность как способность к непринужденной и произвольной игривости, необходимой для простого наслаждения жизнью. Предательские СМИ представляют нам вакханалию избранного одного процента и их жалких снобистских последователей как демонстрацию того, что такое радость жизни. Если институты публичной памяти неотреагируют как организованное профессиональное сообщество, оставят ли они свою потенциальную роль религиозным организациям? Позорное отречение цивилизации от идеалов светского общества — признак того,

что люди ищут убежища и испытывают потребность в надежных критериях качества для использования своей свободы и поиска смысла жизни.

5.45. Постановочная демократия нуждается в корректирующем участии музеев

Запад создал разнообразные общественные механизмы, и на протяжении некоторого времени, когда это работало в нескольких странах Европы, создавалось ощущение, что мы можем влиять, улучшать, корректировать или даже предотвращать разнообразные неправильные события в процессах принятия решений. Но, кажется, эта свобода реализуется лишь тогда, когда правящие силы приходят в упадок или когда они не замечают брешь в системе. Общеизвестная истина заключается в том, что был создан гигантский театр иллюзий постановочной демократии, и он функционирует в нелепой форме охлократии. Музеи, по своей природе занимающие сторону граждан, находятся на перекрестке: в развитых странах существует множество достойных музеев, которые играют очень позитивную роль в своем обществе. Музеи не могут изменить мир, но они могут поспособствовать перемене, обеспечив информированность и понимание. Любое осмысление демократии, не говоря уже о процессе принятия решений, основано на научно достоверной, социально ответственной и этически отобранной информации. Примеров множество. Традиционный технический музей, скажем, представляет великие темы, великих людей и распространяет знания. Он, вероятно, никогда не затронет местную дилемму: какая технология в данных обстоятельствах является наилучшим выбором для производства энергии? Противостоящий, вовлеченный технический музей определяет озабоченность и потребности своего сообщества или общества и предлагает, может быть, не поверхностные ответы, но объективное понимание вопроса и возможные его решения. Вся эта доступно разъясненная и проиллюстрированная аргументация со всеми необходимыми доводами, нужными для значимого общественного процесса принятия решений, едва ли может быть лучше осуществлена каким-либо другим учреждением в обществе.

5.46. Новая роль национальных музеев

Любой национальный музей, от самого крупного до самого маленького, обладает потенциалом для демонстрации большего, чем великолепие важных музейных предметов, так как богатство тоже должно быть привлекательным, способным просвещать и наставлять. Часть пространства музея, перераспределенная и дополненная, как своего рода центр информации и ориентации, должна давать как местным, так и иностранным посетителям возможность получить общее представление о всей полноте конкретного наследия — польза и привилегия для тех, кому необходима общая картина. Обычные музеи теряют благосклонность своих посетителей, предлагая им обзор сразу огромного числа предметов, представляя нюансы специальных знаний. Они должны говорить на языке реальности и жизни даже тогда, когда транслируют великую красоту, уникальное мастерство или мудрость.

Любая культура — уникальная и лучшая из существующих. Все они появляются на свет равными. Необходимо исследовать этот феномен и оценить его по достоинству и профессионально. Давно назрела потребность в появлении третьего поколения национальных музеев, которые предложат сменяющуюся, разностороннюю, самую важную демонстрацию комплексного наследия, столь рассредоточенного в музеях, архивах, библиотеках и частных коллекциях. А как насчет изгнанного наследия? Такая заинтересованность должна обеспечивать ориентацию и задавать тон для сбалансированной самооценки, которая в случае «малых» культур и стран страдает от всплесков аккультурации как глобалистской замены собственной культуры навязанными чужими.

5.47. Независимые музеи могли бы быть полезными в реальности постправды и постфакта

Процессами, составляющими типичную западную демократию, манипулируют с помощью все более фальшивых политических партий и призрачных организаций гражданского общества. С помощью значительных изменений в способах коммуникации вредоносный контент может законно создаваться и легко передаваться. Но в прошлом, которое ни в коем случае не идеально,

ведущие профессии были вполне убедительными гарантами определенного уровня связей с общественностью. И дело не в морализаторстве, а в элементарной ответственности. Речь идет о предоставлении привилегии в распространении информации широкой общественности тем, чьи образование и подготовка гарантировали бы ответственность, обязательность и прозрачность. Похоже, мы слишком легко пошли на уступки с далеко идущими последствиями правящим элитам. Им удалось убедить нас в том, что каждый человек имеет право на любое действие, если оно служит его эгоистичной цели. Никогда ранее в человеческом обществе очевидная лож не объявлялась обычным средством коммуникации или влияния. Троллинг — это плохо. Враждебная риторика — плохо, но «свобода» слова ее допускает. То, что приносит прибыль, легитимно. Несмотря на то что лож — составная часть любой истории, она всегда презиравалась как порок человеческой натуры. Но ее вместо того, чтобы развенчивать дальше, сделали допустимой в форме спиннинга¹ и включили в арсенал обычных пиар-практик маркетинга. Излишне говорить, что от институтов публичной памяти, памяти общества, ожидается разоблачение подобных практик различными способами, и, вероятно, они бы этим занимались, если бы представляли собой автономную, влиятельную профессию, а не разобщенную армию нестабильных видов деятельности, все более подверженных угрозе снижения финансирования, политического принуждения и зависящих от милости корпоративного спонсорства. Институты наследия, демократические по своей сути, предполагают постоянное обсуждение формирования памяти. Дискредитированное постправдой и постфактуальной информацией общество будет нуждаться в институтах публичной памяти и корректирующей, твердой поддержке. С помощью знаний можно управлять корпорацией. Для управления обществом необходима мудрость. Я безгранично верю в то, что знания — условный и зачастую сомнительный идеал. Нам нужна более высокая цель, чем та, для которой знания служат сырьем.

¹ Техника обработки текста, используемая в SEO, направленная на создание копий уже существующего контента, написанных другими словами. — *Примеч. переводчика.*

-
-
-
-
-
-

(6. НАСЛЕДИЕ, ЕГО ИНСТИТУТЫ И ПУБЛИЧНАЯ ПАМЯТЬ)

6.1. Сектор, находящийся в опасности

Военная промышленность и индустрия развлечений возглавляют кортеж создателей перемен. В своем худшем проявлении они процветают за счет наших страхов, стремления к власти, противоречий и основных инстинктов. Однако так было всегда, меняются только главные действующие лица и технологии. Всегда существовали одни те же силы, готовые удовлетворить наши желания (которыми легко манипулировать) или даже наши потребности (которые можно расширять и придумывать, на которые можно влиять). Новые технологии, внедренные в музеях, помогают, но если не кураторы решают, как, до какой степени и в каком качестве они будут использованы, то мы можем стать жертвами пособничества бизнесу или власти. Хромающий культурный сектор, как предсказывал Теодор Роззак¹ в 1970-е годы, может превратиться в банальное продолжение сферы услуг. Ни знания, ни образование, не говоря уже о развлечениях, не являются нашим главным продуктом. Не следует ли нам от него отказаться?

6.2. Индустрия наследия — опасный брат

Индустрия наследия — это основанная на прибыли музееподобная деятельность, которая рассматривает наследие как коммерческий ресурс. Граница с туристической индустрией едва

¹ *Theodore Roszak* (1933—2011) — американский культуролог, социолог, писатель, теоретик «контркультуры». — *Примеч. ред.*

различима: информационно-туристические центры, достопримечательности... Это ориентированная на прибыль сторона использования наследия. Сегодня ее часто путают с другой, которой занимаемся мы, поэтому следует помнить о различии. Кроме самых разнообразных музеев у нас есть центры интерпретации, экомuzeи (посвященные сообществу и территории), экономузеи и различные организации смешанного типа (места интерпретации или культурные ландшафты), временные музеи, ряд обычных организаций и т.д. Как я уже говорил, ошибок становится больше, когда коммуникационная, коммерческая привлекательность наследия создается или продвигается экономистами, менеджерами и специалистами по пиару, которые не улавливают смысла публичной памяти и не понимают, что представляет из себя музейный продукт. Музеи могут зарабатывать деньги, но они существуют не для этого. То, что они зарабатывают косвенным путем, гораздо важнее. Теории и научные дисциплины имеют множество целей, но одна из них, безусловно, — разработка критериев и формирование способности отличать хорошее от плохого, вредное от полезного, уродливое от прекрасного... Не правила, но независимая способность суждения и нахождения собственного пути.

6.3. Право на интерпретацию отличается от права собственности на предметы

Моя теория позволяет мне заявить следующее: гений места (*genius loci*), магия места, уникальность места (*topos*) станут приоритетами, если им будет способствовать сила права. Определенные места имеют право на демонстрацию чего-то, другие — нет. Это очень глубокое представление о человеческой природе и окружающей человека среде. У меня есть прекрасный пример. Великолепные статуи мужских идолов-«курсов» из *Hiera Hodos* (священный путь, который соединял древние города Самос и Герейон) как будто находятся на своем месте. Священный путь в Самосе частично восстановлен с помощью цементных копий статуй из коллекций разных европейских музеев, они помещены *in situ*, на первоначальное место. Если сделать такой же церемониальный, священный путь в Гёттингене (куда было

отвезено большинство оригиналов), даже если использовать при этом оригинальные статуи, это окажется нелепым китчем, хоть и будет содержать наиболее ценную предметную часть. Что делает Самос подходящим, так это право на историю, своего рода преимущественное (этически), исключительное право на передачу этого конкретного коллективного опыта. Наша колонизаторская ментальность не позволяет нам ясно это увидеть. Конечно, давайте остановимся на утверждении, что это право места очень важно. Места, как и право, весьма нематериальны с точки зрения коллекции предметов.

6.4. Музеи – это один из ответов на потребность, которая их создает

Музей как компетентный социальный инструмент, работающий на пользу своему сообществу, может приспособить это сообщество к происходящим вокруг него изменениям и использовать его знания о местных возможностях для создания таким образом реальных предпосылок для его процветания. Все это характерно для особой роли институтов и деятельности в сфере промышленного наследия или любых художественных либо естественно-исторических институтов. Было бы ошибочно переоценивать возможности музеев, так как они представляют собой лишь одну из ответных мер, принимаемых современным обществом, чтобы противостоять опасности и сохранить свои ценности, находящиеся под угрозой исчезновения. Сегодня туристическая индустрия вносит путаницу, которая размывает эти четкие мотивы создания музея. Индустрия (как и мотивы, передаваемые ею тем, кто принимает решения в обществе) содержит мысль о том, что музей может быть создан как модная вещичка для рынка индустрии путешествий и как собственно престижный пункт маршрута будущих туристов. И нам необходима теория, если не наука, чтобы указать, как разглядеть различие, и понимать, что происходит. Недавнее слияние Китайского министерства культуры и министерства туризма будет очень внимательно изучаемой инновацией, скорее всего, огромной ошибкой. Увидим.

6.5. Сектор институтов публичной памяти как часть общественного договора

Сектор публичной памяти включает в себя музеи, архивы, библиотеки, цифровые структуры памяти и многочисленные организации смешанного типа — будь то государственные, частные или гражданские. Солидарное общество с общей судьбой, которое заботится о благополучии своих граждан, должно будет владеть контрольным пакетом условных акций сферы публичной памяти. Это слишком серьезно и значимо, чтобы отдать его на откуп исключительно частным или корпоративным интересам, и все же государство должно признавать свободу права на собственность всех сторон. Эта самая государственная администрация, поставленная для защиты общественных (демократических) интересов, должна обеспечить свою доминантную роль, чтобы предотвратить чрезмерную товаризацию. Но дееспособный сектор, предпочтительно обладающий структурой, позволяющей ему выступать в качестве профессии, — это реальный механизм общественного договора.

6.6. Частное владение наследием может быть общественно значимо

Меня часто понимали неправильно. Кто-то скажет, что я не обращаю внимание на частные проекты и проекты гражданского общества, связанные с памятью. Действительно, владение может иметь значение (так как частное зачастую остается таковым в силу своей миссии), однако любая организация может добиться согласованности, целостности и преданности публичному делу, миссии в обществе. Право на свободное формирование памяти и участие в социально ответственном процессе переноса коллективного опыта — еще одно выражение свободы. Это свобода сотрудничества и понимания. Государство всеобщего благосостояния должно предоставлять возможность того, чтобы этот процесс обладал высоким научным уровнем, был социально ориентированным и этически включенным в основные права людей и природы. Остальные тоже приглашаются к сотрудничеству и участию: частные учреждения, организации гражданского общества, сообщества и частные лица.

6.7. Память общества логически противоречит ее фрагментации

«Передача коллективного опыта», что я предлагаю в качестве наиболее короткого определения для музеев, является главной общественной функцией. Вот почему у нас так много посредников и интерпретаторов этого унаследованного человеческого опыта: историков, историков искусства, археологов, этнологов, антропологов, философов, одни из них ученые, другие — учителя, а некоторые — и то и другое вместе, наконец, кураторы. Существует такое же разнообразие институтов и методов запоминания. Очевидно, проблема состоит в том, что такое раздробленное общее наследие тяжело охватить, и оно едва ли может действовать как единое целое. Разделенные научной классификацией по типу коллекций и их принадлежности, они представляют собой разобценную армию, стоящую перед лицом забвения и манипуляции нарративами. Правда состоит в том, что немногие распознали этот потенциал, но те, кто это сделал, демонстрируют институциональный успех.

6.8. Музеи — природные агрегаторы сектора наследия

Музеи имеют преимущество объединения в себе, как правило, большинства характеристик прочих институтов наследия, одновременно и в одном месте, своего рода однозначно узнаваемое изобретение, имеющее около двух столетий институционального опыта. У них есть значительное специфическое отличие от все прочих — это факт наличия коллекций оригинальных артефактов (и не менее оригинальной сопровождающей их документации), экспонирование которых — это всегда возможность для сильного коммуникационного воздействия. В сравнении с архивами и библиотеками они естественные лидеры сектора в транслировании накопленной общественной памяти.

6.9. Спасение утопии и одновременно признание реальности

«АРАМКО» (*Aramco*) — самая богатая корпорация в мире, не вызывает особую симпатию со стороны культурного сектора. Она построила (2017) Центр мировой культуры имени короля

Абдул-Азиза, также известный как «Итра» (*Ithra*, араб. «обогащение»), в Дахране, Саудовская Аравия. Во многих отношениях это великолепное достижение. Так случилось, что проект, будучи совершенным образцом корпоративного мира, остался незамеченным. Не за горами те дни, когда компании *Walmart*, *Sinopec*, *Royal Dutch Shell*, *Exxon*, *Apple*, *Coca Cola* и подобные создадут схожие музеи особой архитектуры и «культурных» программ, и мы вынуждены будем столкнуться с реальностью. В определенный момент своей состоятельной жизни богачи стремятся увековечить себя, служа общественным интересам так, как они считают это уместным. Так, музеи по всему миру сбиваются с ног и выбиваются из сил, стараясь спасти свои амбициозные общественные программы, мы наблюдаем бурный протест со стороны гражданского общества, требующего для них автономности и целостности. Однако всякое случается на той стороне общественного спектра, и все чаще и чаще это происходит весьма поразительным образом: частные проекты желают публичного признания и претендуют на него без каких-либо посредников. Вспомните «музеи» Феррари (*Ferrari*), Витона (*Vuitton*), БМВ (*BMW*), Прада (*Prada*) и многие другие. Всего несколько десятилетий назад корпорация могла лишь желать увидеть свое название на вывеске входа в престижный музей, а крупный известный музей, принадлежащий частному лицу или компании, был снисходительно воспринимаемой диковинкой. Мир меняется у нас на глазах, и он больше не подходит ни под одну из унаследованных моделей или обычных схем. Соединенные Штаты всегда отличались от других, и даже там с самого начала частная инициатива, стоявшая за общеизвестными, знаменитыми крупными музеями (Гуггенхайма (*Guggenheim*), Нортон Саймона (*Norton Simon*), Фрика (*Frick*), Мелона (*Melon*)), позаботилась о том, чтобы добиться создания серьезного общественного имиджа с помощью благотворительности и вовлечения в свою деятельность представителей нашей профессии.

Так, грандиозные проекты «другой стороны», из пресловутого, надменного корпоративного мира, появились, чтобы остаться и приумножиться. Что нам делать? Под «нами» я подразумеваю институциональную культуру, все еще существующий общественный сектор, который не отказался пока от мечтаний и утопий. На протяжении некоторого времени мы будем

продолжать существовать в секторе наследия, сталкиваясь с постоянным и все большим сокращением государственного финансирования. Помощь всегда придет, будет предложена, но важно, на каких условиях.

6.10. Государственный, частный или и то и другое?

Существующая тенденция не обратится вспять. Более того, совокупная конфигурация общественной памяти будет активно меняться за счет корпоративного и коммерческого секторов. Кто предоставляет средства, тот и определяет, на что их тратить. Следует ли нам игнорировать реальность или встретиться с ней? Речь идет о контрольном пакете акций в проекте публичной памяти. В любом случае в меняющихся обстоятельствах для служения нашей миссии нам понадобятся твердая позиция и критерии качества. Помните, что крупные корпорации уже многократно заходили в наш сектор, все чаще на своих собственных условиях, однако они достаточно богаты, чтобы продемонстрировать использование лучших экспертных знаний, которые могут предложить представители нашей профессиональной сферы. Справедливости ради стоит отметить, что многие придерживаются господствующих современных профессиональных критериев и проявляют уважение к нашему делу.

6.11. Частные музеи могут стать частью сектора публичной памяти

Конечно, как и многие подобные, общественно ориентированные рассуждения в последнее время были запрещены как социалистические и опасные. Нам следует в корне изменить это недоверие: кто и почему считает общественные интересы опасными, и спросить, неужели свобода принадлежит лишь немногим. Частные музеи, как и все прочее частное, могут и должны существовать. Мы, общество, можем демократическими путями принять решение даже об их поддержке с помощью государственного финансирования, если определенная частная организация превосходит, преодолевает, поднимается над частными интересами и привносит нечто полезное во всеобщее благо.

6.12. Автономность для исполнения общественной роли

Прочно закрепившимся в океане научных, политических и культурных соглашений музеям сложно добиться независимости и служить реальным потребностям своего сообщества или общества. Соответственно, необходимо постоянно отвечать на некоторые вопросы. Это относится не только к традиционным музеям, но также и к курирующим промышленное и природное наследие. Чьими глазами они будут смотреть на мир? На какой мир они будут смотреть: мир прошлого или настоящего, лишь используя прошлое для лучшего понимания современности? Чей это будет музей и чьим интересам он будет служить? Чье прошлое они интерпретируют: владельцев или рабочих? Демократическое общество не оставляет выбора, делая акцент на всеобщем благе как ожидаемом результате.

6.13. Промышленная археология была вдохновляющей, несущей изменения инновацией

Расширение понятия наследия до относительно недавнего прошлого и относительно доступного содержания, было лишь вопросом времени для всего объема унаследованных знаний и их материальных и нематериальных следов. Открытие промышленного наследия было сенсационным изменением в начале 1960-х, продвинутой практикой в 1970-х и 1980-х (обслуживающей социальную историю), само собой разумеющейся областью деятельности в 1990-х. С тех самых пор удобно расположенные промышленные постройки с их специфическим наполнением и архитектурой преобразовывались в музеи и интерпретационные центры, повторно использовались и возрождались через разнообразные новые роли, от культурных центров до мест жительства. В этом отношении наука промышленной археологии энергично поддерживала идеи слияния наследия и жизни разнообразными способами, таким образом вдохновляя традиционные музеи и способствуя созданию креативных решений. Культурная инженерия, пришедшая из Франции в 1980-х годах, была, например, одним из таких последствий: культура открывается для такого вмешательства, которое сегодня мы называем

менеджментом, и настоящее становится полноправной частью живого наследия. Фома Аквинский был бы полностью с этим согласен: прошлое — все, что не является настоящим. Но даже в настоящем мы можем играть с прошлым в смысле его формирования. Что ж, наследие — это нечто большее (или меньшее?) в связи с тем, что у него есть социальное назначение и сопровождающая его цель...

6.14. Проблема универсальной теории

Существуют теории обо всем, но теория, претендующая на научную значимость, должна быть универсальной. Сложность создания теорий в случае с музеями и наследием заключается в стремительно растущем разнообразии практик и потребностей, которые они удовлетворяют (или не удовлетворяют). Представляется, что некоторые взгляды, книги, труды ограниченно применимы, скажем, в бедных, социально неблагополучных странах и культурах. Но любая хорошая теория должна быть применима для всех. За последние 40 лет, что я помню, дела изменились к лучшему, но не везде. Сегодня в некоторых странах существуют впечатляющие музеи, но во многих других — это все еще отдаленная цель. На самом деле может показаться, что музеи отсутствуют у тех, кому они больше всего необходимы. Однако в некоторых своих текстах я утверждал, что для многих бедных стран музейная модель — навязанная и вызывающая отторжение организация. Если мы дадим определение музейного процесса как переноса коллективного опыта, тогда у нас не возникнет трудностей в оказании помощи африканскому племени путем снабжения средствами, необходимыми для продолжения переноса их традиций. Едва ли это может быть музеем — изобретением деятельной (платежеспособной) буржуазии времен промышленной революции. Мнемософия¹ была задумана для устранения этой проблемы, для того чтобы будущая наука работала оптимальным, уместным образом повсюду, будь то Амстердам или «пустыни и тропики».

¹ URL: www.mnemosophy.com.

6.15. Продукт наследия едва ли может быть ограничен количественными показателями

Для проявления своей сути всем институтам наследия необходимо определить свой продукт, чтобы обе стороны процесса коммуникации соответственно знали, к чему стремиться и что требовать. До недавнего времени предполагаемым продуктом была постоянная экспозиция и программа мероприятий, в которой в большинстве своем временные выставки и мастер-классы для детей рассматривались как ее наиболее ценные части. Наглядный параметр качества продукта был количественным: всегда выраженный в статистике посещений. Напротив, реальный продукт должен измеряться качественными изменениями в рамках сообщества или социального контекста, в котором работают музеи.

6.16. Возвращение местам «утраченной энергии»

В случае с промышленным наследием мы нацелены (очень часто) на такое прочтение потенциала, которое сможет вернуть часть былой энергии в активное состояние и благотворно сказаться на местной идентичности. Некоторые следы прошлого развития могут быть обращены в туристические достопримечательности, другие — вдохновить на новые способы использования (жилое помещение, музей, культурный центр), или же они могут быть музеефицированы. Предлагаемые решения порой представляют собой комбинацию перечисленного, но наиболее важно разобраться в том, как мы оживим эти места с точки зрения возвращения некоторой доли их содержания и вдохновляющего влияния в нынешнюю жизнь их наследников. Изучите логику места, его идентичность и цели, и, вероятно, вы обнаружите, что прежняя энергия может быть вложена в честолюбивый замысел, что несет определенную связь с бывшим величием, который может способствовать почитанию того, что было утрачено, и это может вовлечь других людей, обладающих подобным опытом... Я порекомендовал одному музею в средиземноморском городе, унаследовавшем славное римское прошлое (и некоторые его следы), образовать и возглавить

ассоциацию городов, разделяющих одну особую судьбу. Мощная организация, стоящая усилий. Вероятно, ни кураторы, ни члены городского совета не поняли, что статус центра сети дает определенные привилегии в рамках туристических потоков. Другой мой проект, которым я занимался на протяжении длительного времени, — «Вспоминая Грецию» (*Re-membering Greece*), — объединял посредством сменной, передвижной выставки все 200 заброшенных колоний бывшей Древней Греции, разбросанных от Черного моря до берегов Африки, Пиренейского и Апеннинского полуостровов и Адриатики. Расположение центрального интерпретационного пункта и своего рода координационного центра сети в Таормине, неподалеку от острова Наксос, который был первой колонией, имело столько смысла, поэтому мне понадобилось какое-то время для понимания того, что никто не видит этого великолепного потенциала для развития.

**6.17. Наследие ориентировано на ценности,
которые исторически служили коммерческим ресурсом,
трофеем и предметом уничтожения**

Наследие, насколько возможно, необходимо держать вне коммерческой и политической сфер, в которых им манипулируют и используют не по назначению. Но, будучи столь мощным и важным, оно является объектом разного рода покушений. Когда в 1860 году английские и французские войска уничтожили Старый Летний дворец в Пекине, они очень гордились этим и ощущали, что это *совершенно справедливо*¹. В то же время каменная табличка, поясняющая оправдание разрушения, отчасти могла прикрыть варварское разграбление. Собака из этого дворца была подарена королеве Виктории, и она назвала ее Лутти². Тысячи предметов из дворца наводнили европейские частные и государственные коллекции, и в большинстве случаев нам известны новые незаконные владельцы. Мы знаем, что даже сами музеи имеют историю, которую еще предстоит рассказать. Это

¹ Дворец был разрушен в отместку за пытки и казни европейских и индийских заключенных (ок. 20 человек) во время Второй опиумной войны. — *Примеч. ред.*

² Англ. *looty*, от *looting* — мародерство, разграбление. — *Примеч. переводчика.*

лишь одно из сотен откровенных разграблений в ходе империалистических войн. Достаточно хорошо задокументированные факты этих грабежей потенциально могли бы привести к честной репатриации и таким образом переписать историю. Однако маловероятно, что это случится или, более того, история пойдет по тому же пути. Что парадоксально, музеи созданы с противоположными намерениями.

6.18. Родная культура – идеальное место для предметов культурного значения

В идеальной ситуации предметы принадлежат своему первичному контексту, исходное местоположение является частью их аутентичности. Идеальное место назначения — место их происхождения и существования, пространство их потребителей, потомков и наследников культуры, к которой они относятся. Последние имеют на это право, и, вероятнее всего, они единственные, кто может в полной мере понять эти ценности. Они унаследовали права и обязанности продолжать свое существование так, как для них приемлемо. Понимание и правильное восприятие — это лучшие методы консервации из когда-либо изобретенных. Все остальное — вопрос методики и техники. В отличие от первого последнему можно научиться или даже приобрести.

6.19. Некоторые из действий ЮНЕСКО могут обернуться медвежьей услугой для дела сохранения наследия

Будучи профессиональным сообществом в процессе становления, мы подобны разрозненной армии, сражающейся с великанами. Столь разобщенные и откровенно замкнутые в себе, едва ли мы можем думать о преувеличении в отношении защиты наследия, которое мы извлекли из прошлого и о котором намереваемся заботиться и поддерживать для настоящих и будущих пользователей. Ежедневно мы утрачиваем позиции. Корпоративные великаны — основные протагонисты финансовой глобализации мира. Этот процесс предполагает сведение всего к рыночной стоимости и части активов. Список ЮНЕСКО имеет

в своей основе благие намерения и отражает значительные усилия для распространения информированности и критериев сохранения наследия. Предполагалось, что они предоставят неоспоримый статус памятников наследию, которое в ином случае могло бы стать жертвой волюнтаристского решения и, как следствие, подвергнуться неоправданному риску. В конечном счете это значительно поспособствовало брендингу отдельных мест и целых стран и поспособствовало туристической индустрии. Во времена, когда деньги на культуру выделялись в изобилии, это также означало помощь. Однако дополнительный этап, который требовал инвестиций в институты наследия и подготовку их сотрудников с целью максимального использования ресурсов, зачастую заканчивался неудачей, будучи предоставленным ограниченным местным обстоятельствам.

Практика распознавания нематериального наследия процветает, поскольку становится очевидным, что быстрые изменения опасны для него. Продолжит ли ЮНЕСКО делать это и сохранит ли оценку в качестве вспомогательного инструмента для процесса товаризации, остается под вопросом. Вполне может случиться, что критерии присвоения права на претензию некоторым культурам могут быть использованы в спорах о праве собственности. Может ли это привести к запрету использования адекватных проявлений своего наследия одними культурами только потому, что в свое время оно было присвоено другой культуре? Говоря об этом, можно спокойно утверждать, что наследие, как и культура, очень часто является общей ценностью. Поэтому к нему следует относиться как к живому и динамичному. Заключение его в регистрационную книгу с подписью и подтвержденным правом собственности может стать еще одной версией музейной витрины с камерой наблюдения.

Лучший способ сохранить наследие — поддерживать его живым и общедоступным.

6.20. Индустрия запоминания

Как журналист и публицист Кеннет Хадсон написал книгу, сделавшую его сооснователем промышленной археологии, название которой несет в себе несколько мрачное понимание

нового феномена: «Археология промышленности». Дефиниции промышленности, которые дает словарь Мариам Вебстер, предлагают гораздо больший диапазон значений, нежели понятие чего-то, находящегося под крышей промышленного предприятия. Следует согласиться с этим определением, потому что именно такое толкование индустрии послужило мотивацией для самого Кеннета Хадсона и положило начало растущему числу музеев, посвященных труду и рабочим. Это приводит нас к сути промышленной археологии.

Источником промышленной археологии стала Великобритания—логичное развитие событий, если иметь в виду, что именно она была колыбелью промышленной революции. Впрочем, как и увлеченность промышленностью в широком смысле родом оттуда. Подобно тому, как вода прозрачнее у источника, то же было и с идеей защиты промышленного развития во время ее зарождения. Кеннет Хадсон никогда не думал исключительно о зданиях или машинах, он был скорее заинтересован в контексте и общественно-политических обстоятельствах, нежели в самой технике. Таким образом, почти шестьдесят лет назад промышленная археология поспособствовала более широкому взгляду на теорию наследия, подготавливая почву для осуществления различных социально направленных практик: экомузеев, музеев общества, музеев местных сообществ и т.д., а также для построения новых теорий.

6.21. Все наследие нематериально: стратегическое значение концепции

Музей представляет собой многое и станет еще бóльшим. На данный момент профессиональное сообщество работает на основе определения, которое на протяжении длительного времени удовлетворяет большинство музейных сотрудников, но которое в 2005 году приобрело новое качество: назначением музеев стало и сохранение нематериального наследия. Последнее, безусловно, меняет само понятие коллекционирования и, как следствие, музейных форм. Введение понятия нематериального культурного наследия (ICH) в качестве официального определения ИКОМ (ICOM) позволило решить несколько задач:

- обозначить конец эпохи музеев и начало эпохи наследия;
 - указать на то, что институты публичной памяти (ИПП) — это места для идей и концепций, а не для предметов;
 - сделать музеи, не имеющие постоянной коллекции (*non-collecting museums*), более логичными;
 - понять, что нам следует вернуть то, что мы взяли: и в буквальном смысле, и в смысле собственного возвращения туда: музеи на местах, *in situ*, — лучшая демонстрация сущности музея как механизма отбора и преемственности;
 - косвенно доказать, что мы ориентированы на работу с системами ценностей, а не на отбор, хранение и интерпретацию предметов;
 - продемонстрировать, что предметы — всего лишь маркеры времени: картины, служащие напоминаниями, хранилищами эфемерных знаний и опыта, седиментацией потерянной реальности, мнемотехническими триггерами для контекстуальных и символических значений;
 - показать, что коллекции, как и все ИПП, выступают средством достижения цели, а не целью как таковой;
 - вспомнить мысль Д.К. Дана¹ о том, что коллекция в музее — это не музей, а коллекция, и высказывание К. Хадсона: «Чучело тигра в музее — это не тигр, а чучело тигра в музее».
- Все наследие нематериально, лишь часть его материализована. ИПП — места памяти, независимо от того, на каких носителях и каким способом она накапливалась, сохранялась, извлекалась и передавалась.

6.22. Наследие и секторы памяти

Прошлое — это ушедшее целое, систематизированное, иллюзорное, зависящее от качества используемой памяти, науки и институты, которые его устанавливают, и интересы, оказывающие влияние на эти процессы. Как ни одна цивилизация до нас, мы усовершенствовали технологии фиксации памяти. Что парадоксально, мы оказались в состоянии гипермнезии, утопая в океанах данных, информации и знаний.

¹ John Cotton Dana (1856—1929) — инициатор нововведений в сфере библиотечных услуг, автор книги «Новый музей» (The New Museum, 1917) — *Примеч. ред.*

Накопление памяти не может иметь своей целью все большее количество памяти, как, кажется, это происходит сейчас. Обществу необходима качественная, благородная память, такая, которая будет ответственной, этичной и полезной для развития — отфильтрованная и взвешенная на предмет научной аргументации и обоснованной актуальности. Такая память, созданная на основе критериев качества, фактически и есть мудрость. (Кстати, знания нейтральные и зависимые от цели, для которой они используются, — это не то, что нам необходимо для устойчивого развития.)

Наследие — социальный конструкт. Как извлечение из всей памяти — это желаемый процесс выстраивания достойного и необходимого знания и аккумулированного человеческого опыта. В своем лучшем проявлении наследие приносит мудрость, однако не приравнивается к ней. Оно формируется с помощью общественных структур памяти. Оно опирается на коллективную память, источником которой служат отдельные люди и группы, такую же изменчивую, туманную и неопределенную по своему характеру. Сфера культурных индустрий живет частично за счет коллективной памяти, однако она креативна, порой даже преимущественно выдумана, образуя то, что мы могли бы назвать социальной памятью. Она формируется среди живых, подвижных общественных процессов. Публичная память — это огромное поле битвы господствующих, превалирующих нарративов.

Из всего этого и с помощью решающего влияния науки, благодаря определенному порядку при отборе и исследовании образовывается и оседает публичная память. Этот процесс осуществляется преимущественно в институтах публичной памяти, таких как архивы, музеи, библиотеки и прочие организации смешанного типа или созданные в цифровом пространстве. Публичная память — это в некотором смысле действующий, общественный отбор записей и интерпретаций прошлого, которые мы безоговорочно соглашаемся принимать в качестве достоверного источника в том, что касается понимания частного или общего прошлого. ИПП все больше сближаются и в обозримом будущем вполне могут сформировать новую мегапрофессию. В социальном смысле их роль заключается в поддержании

пригодных для использования систем ценностей, которые гражданское общество хочет сохранить и применить в области социальных проектов.

6.23. Прошлое минуло

Прошлое ушло навсегда. Остаются лишь напоминания. Иудео-христианский мир держится за материальность как своего рода постоянство. Хотя что постоянного в ней, если материя, согласно физике и биологии, лишь временна в своих формах. Несмотря на это, мы используем предметы как напоминания и вместилища смыслов. Возвращенный к своему первоначальному значению предмет может стать символом коммуникации. Исследование делает для нас возможным возвращение ему некой части прошлой жизни. Мы помогаем ему, восстанавливая контекст. Ценности, которые он выражал, таким образом могут быть изучены, усвоены, использованы или даже в адаптированной форме применены. Статус предмета, его социальная неоднозначность, его значение, радость, которую он доставлял, мастерство его исполнения — все это может быть исследовано, чтобы извлечь богатую и благородную память для использования живущими сегодня людьми, в том числе их обучения. Слишком многие фортепиано безмолвны — заключенные в музеях лишь из-за их очевидного великолепия и мифов, которые поддерживают с их помощью. Их истинная жизнь — это звук.

Не правда ли, что люди склонны захватывать все, что они считают ценным и волнующим. Музеи должны быть лечебницами или временными приютами, а не местами постоянного заточения.

6.24. Сфера публичной памяти

Диапазон организаций вокруг одной и той же концепции целостности наследия увеличивается все значительнее, если мы расширим понятие предмета наследия и включим все учреждения, которые его используют или транслируют это наследие. Теория должна развиваться с учетом того, что неколлекциони-

рующие музеи стали реальностью. (В других местах я предлагаю Мнемософию или Наследиеведение; последнее, кстати, имело некоторый успех.)

Помимо музеев, архивов, библиотек, памятников и локаций, это целое публичного наследия включает в себя также и среду обитания (которая заботится о наследии и, используя, продолжает его), наследие, находящееся в частном владении (часто доступное для широкой публики и все же не обычным, общепринятым образом), и другие его формы. Оно выведено на новый уровень с помощью новых технологий и нового понимания того, что такое наследие, следовательно, это целое содержит в себе базы знаний, информационные сети, сети, непосредственно связанные с наследием, и цифровые продукты, виды деятельности и организации.

Тройная функция институтов наследия (собираение, сохранение и коммуникация) служит простому отбору, консервации и преемственности того, что рассматривается как существенное для спасения качества любой идентичности. (Я намеренно опустил исследование, так как оно само собой разумеется; не может быть заслуживающей доверия коммуникации, если она не основана на науке.) Это целое всегда будет вдохновлять на деятельность всей конфигурации памяти — от коллективной до социальной и публичной.

Публичная память впитывает из коллективной памяти все, что до нее доходит. Она также концентрирует все достижения памяти из огромной сферы искусства и культуры, где память выступает одновременно и вдохновением, и продуктом. Наглядно представленная таким образом публичная память так определенно указывает на потенциал, что постепенно распознает его. В конце концов она будет представлять собой новые согласованные усилия, способные создать необходимые импульсы для спасения идентичностей, которые мы считаем незаменимыми для общества.

Консолидация усилий институтов публичной памяти — реальность. Это неизбежная стратегия в растущем числе проектов. Организации, ассоциации и мероприятия, созданные как нечто общее для некоторых из них или для всех, это убедительный довод в пользу намечающегося будущего.

**6.25. Почему GLAM¹ не только поздно появился,
но и не стал до сих пор эффективным**

Это история длиною в век о том, как «профессионалы», занятые музеями и разными другими институтами памяти, не увидели, что являются законодательно закрепленными частями одной инициативы общества. Если бы это было не так, у нас был бы организованный сектор публичной памяти подобно любой социальной службе. Он бы обслуживался соответствующей профессией, как это происходит во многих других общественных секторах. Как следствие, это означало бы, что страны могли бы иметь возможность для более последовательного и гармоничного развития. (Как известно, вместо этого у нас разобшенная армия видов деятельности, которая по отдельности занимается различными аспектами публичной памяти.) Я предположил (и показал это на диаграмме)², что общий знаменатель всех институтов памяти — это публичная память (или потребность в ней). К обычно упоминаемым институтам памяти (музеи, архивы, библиотеки, памятники и достопримечательности, сети баз знаний / институты и системы в цифровом пространстве, живое наследие и находящееся в частном владении) я добавил дополнительные формы индустрии наследия и туризма (информационные центры, достопримечательности и центры интерпретации), наследие, находящееся в частном владении, городские акции, интерпретации наследия гражданским обществом, политическую урбанизацию и общественные визуализации. Границы все чаще размыты и продолжают быть таковыми. Это, естественно, требует подхода, предполагающего широкий кругозор, ведущий к опережающей теории.

Сейчас изобретение *GLAM*, кажется, достаточно успешно справилось с проблемой. Оно лишь демонстрирует, что практика может предлагать решения, когда теория продвигается слишком медленно. Господствующий англосаксонский мир всегда с беспокойством относился к большим теориям, когда

¹ Акроним от *galleries, libraries, archives, museums* — галереи, библиотеки, архивы, музеи. — *Примеч. переводчика.*

² URL: www.mnemosophy.com.

дело касалось музеев, и был склонен переоценивать практическую сторону дела. И не без основания пугающим вызовом Восточной Европы было объявить теоретизирование по поводу музеев самостоятельной наукой. Немногие отреагировали — эта уникальная попытка создать науку, сконцентрированную вокруг одного института (что просто невозможно), закономерно вызвала значительную сдержанность. Таким образом, мы вступили в XXI век, имея на профессию меньше и общественную память, находящуюся во власти политиков, корпораций и хищных индустрий.

Создание *GLAM* — это хороший признак, но они должны стать ИПП: институтами публичной памяти — все они, во всем своем разнообразии, когда и если смогут претендовать на этот статус. Какими были причины, по которым это до сих пор не случилось, и что нужно сделать, чтобы это наконец произошло, — все это объяснено во многих письменных работах и в книге «Мнемософия. Эссе о науке публичной памяти» (Загреб, 2015; находится в свободном доступе в Интернете¹). Новая профессия, занимающаяся публичной памятью, — острая необходимость, если мы хотим выжить как достойное, ответственное общество.

6.26. Быстрый рост частного в секторе наследия

Появление малых частных и гражданских инициатив — признак отсутствия в нашей системе возможности проникнуть в глубинные слои общества. Дискурс, скажем так, новой реальности в Европе заключается в том, что государственные музеи сегодня обсуждаются с точки зрения логики и терминологического аппарата экономики культуры. Мы часто обнаруживаем, что к музеям относятся как к «принадлежащим государственной бюрократии», что обнажает их неолиберальную нетерпимость. Это предполагает, что та организация, которая заслуживает право на существование, может доказать это с помощью собственной прибыльности. Однако частные музеи, если взять в качестве лучших и наиболее значимых очень крупные и конкурентоспособные, часто ищут и получают (!?) государственное

¹ URL: www.independent.academia.edu/TomislavSola.

финансирование (скажем, Музей фонда Бейелера в Базеле, Швейцария). Но противоположной крайностью спектра являются художественные музеи в отелях и торговых центрах (как например, в Лас-Вегасе или в некоторых городах в Японии).

Опираясь на веские аргументы, отсылающие к природе публичной памяти, предпочтение следует отдавать публичной культуре, так как она открыто выступает на общественной арене, где мы видим ее, используем, оцениваем ее достижения и, наконец, финансируем ее. В Нидерландах обязали национальные музеи создавать долгосрочные планы и обеспечивать четверть или треть своего бюджета собственными креативными усилиями. Государственные музеи в большинстве стран, не относящихся к развитым странам Запада, склонны использовать свое положение в качестве синекуры — естественное следствие отсутствия информированности общества, его контроля и нехватки профессионализма, в том числе этики. Но я настаивал бы, чтобы (богатые) личности или компании, которые могут создавать музеи, доказали бы профессиональным учреждениям, что они руководствуются общественным благом, а не частными интересами. Это стремительное развитие, происходящее по удивительным нормам, станет лакмусовой бумажкой значимости и профессионализма музеев. Яркий тому пример — более сотни новых частных музеев, ежегодно появляющихся в Китае, часть из которых гигантские.

6.27. Частные музеи — это вызов

Тренд на приумножение частных музеев связан со множеством причин; две из них представляются наиболее важными. Одна — новая общественная и экономическая парадигма: вопреки некоторым историческим прогнозам, современные государства возвращаются к моделям плутократии. Другая — смещение ценностей, результатом которого стало развенчивание понятия общественного блага и, как следствие, государства всеобщего благосостояния. В некоторых частях мира отставание государства всеобщего благосостояния воспринимается с подозрением в скрытом коммунизме и едва ли не агрессивно отвергается.

Еще в 1970-х годах большие частные коллекционеры были готовы завещать свои коллекции государственным музеям. Постепенно условия, которые они навязывали, становились все более и более жесткими. Сегодня отдается предпочтение наличию собственного частного музея. Новое поколение частных коллекционеров больше не видит необходимости в увековечивании себя путем сложных переговоров с кураторами и членами городского управления. Им не нужны партнеры, чтобы быть признанными обществом. У них есть собственные кураторы, такие, какие их устраивают. Это падение рейтинга — плохая новость для музейной «профессии». Если мы предположим, что публичная память является преимущественно общественным интересом, тогда нам нужно разработать способы справиться с тем, что она уже частично приватизирована и находится на «культурном рынке», смещая смысловой центр гравитации. Таким образом, любой богатый человек, имеющий собственный частный музей истории, может предложить даже ложные и катастрофические интерпретации прошлого. У современных государств нет ни критериев, ни методов для борьбы с этим. Неизбежно ли описанное в будущем, и готовы ли мы к этому?

6.28. Частные музеи — это возможность

Так ли это? Принципиально и в идеале — да: если они позаботятся о том, чтобы воспринять существующие стандарты лучших музейных практик как собственные и принять правила профессионального музейного сообщества, они могут содействовать благоприятному обогащению культурного предложения. Выведенные на публичную сцену, они могут предложить еще один взгляд на наследие, в котором они лично или институционально заинтересованы. И это вполне может иметь место. В Китае более ста новых частных музеев в год демонстрируют престиж идеи наследия. В основном их сила — во владении великолепными коллекциями, но все чаще возрастает значимость, приобретенная за счет права на интерпретацию идентичности и определенное владение прошлым. Так, помимо того, что частные музеи представляют собой вызов для любых государственных критериев, они могут стать возможностью для

более обширной коммуникации с наследством, добавляя частную инициативу и ресурсы в то, что составляет естественную потребность общества.

6.29. Сектор наследия — это долгосрочное обязательство

Развлечение допустимо, зарабатывать денег тоже, но в случае фестивалей и мероприятий — только если они организованы со старанием и профессиональной ответственностью. Безумное количество фестивалей ясно указывает на соразмерную потерю качества. Более активное участие видов деятельности, связанных с наследием, и культурных учреждений в состоянии улучшить ситуацию. Если они креативны и инициативны в культуре, особенно государственные институты и эксперты, то они получают поддержку ответственных СМИ. «Мягкая сила» наследия может предоставить реальный шанс для развития и, что очень важно, обеспечить условия для самоуважения. Без этого ни одна культура не сможет выдержать напряжение энтропии глобализации.

6.30. Почему сектор публичной памяти способен разрешить наши затруднения

Вместе с восхождением человечества природа предусматривала лекарства от любой из его болезней. Так, цивилизация обеспечила нас опытом наших предков и способностью производить его отбор как средство для исцеления всех неудач нашей человеческой природы. У нас отнимают память в попытке размыть согласованность нашего разнообразия и ценностей, ради которых мы работали не покладая рук, и сделать нас жертвами обезличенности и эгоизма. Если западная парадигма развития восторжествует, человечество будет сокращено до бесформенной массы, которой (в конце концов) с помощью роботов будет править империя непристойно богатых, бесполезных ничтожеств. Сохранение права формировать публичную профессию, заботящуюся о памяти и управляющую ею, — это стратегический вопрос для любой страны и для мира в целом.

6.31. Музеи – это возможность сохранения связи с реальностью

В мире, наводненном иллюзиями и симулякрами, в ближайшем будущем одной из главных проблем станет, как сохранить ясное осознание того, что есть реальность и насколько пустота виртуальной реальности целесообразна. Ежедневно технологии (продвижение 3D маппинга, голографии, дополненной реальности и, прежде всего, движущихся 3D изображений) меняют наше восприятие. Обычная реальность станет для наших внуков скучным местом, из которого нужно бежать. Нам необходимо будет знать, какая виртуальность — это только расширение нашего восприятия, а какая создает кротовые норы в нашем пространственно-временном взаимодействии, умышленно втягивая нас в постоянную смену фальшивых, лживых реальностей.

Музеи, в отличие от других, прочно связаны с реальностью и могут послужить для нас спасательным кругом. Если они осознанно, как ответственное профессиональное сообщество, последуют этому рискованному развитию, то в определенный момент выработают подходы, специальные знания и навыки, которые спасут наше отношение к тому, что представляет человек по своей природе, часть целого должна быть сохранена не из ностальгии или ради прибыли, но как гарантия нашего базового отношения к человечности. Безусловно, гарантией «настоящей» реальности в музеях служит не реальный, осязаемый трехмерный предмет, но их честность и этичное отношение в передаче коллективного опыта.

(7. МНЕМОСОФИЯ КАК ОБЩАЯ ТЕОРИЯ НАСЛЕДИЯ)

7.1. Знание общего контекста имеет решающее значение

Точка зрения меняет не реальность, а наше отношение к ней. Поскольку я проповедую мнемософию как зарождающуюся науку о публичной памяти, я считаю показательным то, как другая точка зрения мгновенно пробуждает и рисует гораздо более интересную картину нашей работы. Это смелая и функциональная концепция грандиозного процесса переноса коллективного опыта, который мы, как правило, классифицируем в структуру, по существу, представляющую собой дублирующие друг друга институты памяти. Этот сдвиг в образе мыслей заставляет увидеть возможности и сложности, которые в ином случае остались бы незамеченными. Я выступал в роли консультанта в нескольких десятках проектов по всему миру, однако мне редко давали возможность в полной мере продемонстрировать силу инновации. Немногие осмеливаются сделать шаг в будущее, так как это вызывает риск потери отношений с заинтересованными лицами и внутренней поддержки. Обреченный на то, чтобы мои 25–30 проектов (в самых демотивирующих условиях) остались лишь мечтой, я решил самостоятельно реализовать самые дешевые и простые из них и таким образом стал землевладельцем (виртуальной реальности). Один из сайтов — это не имеющая аналогов международная конференция¹, другой — необычный виртуальный музей², еще один — сайт воображаемых лекций; некоторые из этих сайтов (подобно проекту «Мосты Европы», *Bridges of Europe*) едва ли презентабельны³, а остальные все еще не исполнены, за что я оправдываюсь в своих книгах.

¹ URL: www.thebestinheritage.com.

² URL: www.globallovemuseum.net.

³ URL: www.mnemosophy.com/links.

7.2. Музеология

Музеология — это логическое следствие важности музеев. Похоже, им была необходима теория, а к тому времени и собственная наука. Некогда начатая с увлечением, она стала причиной ста лет размышлений, которые привели в итоге к многочисленным музеологиям, тенденциям, научным школам и выдающимся теоретикам. Большую часть времени увлечение музеями переходило в теоретизирование. В то время как Запад был очень скептичен, Восточная Европа, более склонная к философствованию и изучению концепций, оказывалась намного впереди, все чаще и чаще предлагая музеологию в качестве научной дисциплины. Для академических кругов на Западе она была просто «ненаучной», не основанной на естественной или технической ведущей дисциплине. Тридцать или сорок лет назад пространство между социальными науками, на которое могла бы претендовать музеология, было очень ограниченным, и существующим вопреки согласию научных кругов. Но поскольку история, религия и история искусства вошли в программы высшего образования, было вполне естественно, что и музеология будет одобрена. Все это происходило в восточно-европейских университетах. Лишь с появлением информации как нового содержания и общего знаменателя для многих областей музеология получила реальный шанс. Но термин, который связывал ее с очень специфической институциональной практикой, выступал ограничивающим фактором. Казалось бы, не может быть науки, основанной на институциональной практике, на феномене, скорее, она опирается на концепцию. Любая практика предполагает необходимость теоретизирования. Поэтому теория музейной практики, которая обосновывала бы существование самого института, его методы и технологии, имела несомненное право на реализацию во многих руководствах и книгах. Однако этот термин оставался камнем преткновения, а не первым шагом на входе в деятельность музейного куратора. Известно, что любая терминология относительна, но «музеологии» приумножались, демонстрируя ненужное, на мой взгляд, многообразие: музеология, новая музеология, критическая музеология, музееведение, экомuzeология, экономузеология,

социальная музеология, общая теория наследия, изучение наследия, изучение культурного наследия, науки о культурном наследии (*Scienze del Patrimonio*), менеджмент в сфере наследия или идентичности, наука о наследии, наследиеведение или мнемософия. Но роль музеев также расширялась, раскрывалась и становилась все более значимой для развития любого сообщества или общества, которому они служили, и для отслеживания социальных, технологических и политических изменений. Реформаторский потенциал революции экомузеев, воспринимаемой многими во всем мире как еще одна, возможно, даже преходящая мода в практике и теории, так никогда и не был полностью использован или осознан. В действительности она изменила все. С начала 1980-х годов я думал, что музеография или музеология по праву должны оставаться теорией музейной практики, но для изучения стоящих за ними концепций и их миссии мы должны открыться и заявить обществу о гораздо более высоких и амбициозных намерениях. На мой взгляд, утверждение права на новую науку также означало право на статус профессии и, следовательно, на тот самый общественный договор, в котором коллективная, социальная память сливается воедино с постоянно развивающимся, обсуждаемым общественным предложением по социальной стратегии. Таким образом, огромная интеллектуальная работа, вложенная в музеологию, не потеряна, но станет частью будущей науки о наследии, или, возможно, что наиболее вероятно, о публичной памяти.

7.3. Почему теория практична

После века работы большинство кураторов терпимо относятся к теории, но продолжают ее пренебрегать. Курт Левин сказал: «Нет ничего более практичного, чем хорошая теория». Его мудрость в отношении теории была в значительной степени ошибочно истолкована. Она представляла собой корректирующий призыв к сбалансированному восприятию и теории, и практики, так как одно подпитывает другое, однако же это мягко напоминает нам о том, что мыслительный процесс обычно предшествует действию. Плотник, рыбак или представитель любого другого ремесла не справился бы со своей задачей без

знания теории. Но тот факт, что любой куратор уже специалист в какой-либо научной дисциплине, не позволяет ему увидеть, что для работы штатным сотрудником в сфере публичной памяти понадобится как минимум собственная теория.

Дав столь высокую оценку практичности теории, Курт Левин добавил: «Если вы хотите истинно познать что-то, попробуйте это изменить». В качестве куратора я пытался изменить музеи. Читая лекции по музеологии, пытался изменить кураторов. Я многое усвоил. Все же изменение может быть осуществлено только в том случае, если мы наконец поймем, что мы представляем всего лишь вид деятельности в рамках грандиозной зарождающейся профессии — профессии публичной памяти.

7.4. Музеям необходимо больше критики

В некоторых странах существует система аккредитации и регистрации музеев, согласно которой те из них, которые претендуют на государственные средства, обязаны соответствовать критериям профессиональной комиссии. Некоторые другие страны, например Швейцария, имеют длительную, постоянную практику разработки критериев качества и их применения путем деловых заседаний и публикаций с помощью ИКОМ и других профессиональных организаций. В общем, у представителей зарождающейся профессии отсутствует уверенность в себе, которая бы признала профессиональную критику и сделала ее частью самооценки. Теория музейных практик лишь недавно достигла уровня более широкой картины наследия, и теперь должны быть выработаны критерии и узаконен критический анализ внутри сектора, как того требует любая профессия. Ценностью и наградой будет принятие общей идеи публичной памяти, как, например, институтов памяти в качестве части большего целого, объединенных вокруг одной миссии. Прежде чем это произойдет, развивающееся профессиональное образование, конференции, распространяющие профессиональные критерии и демонстрирующие лучшие практики, на которых можно учиться, станут путем к эмансипации. Выбор того, что помнить, будь то на уровне сообщества, общества или всего мира, станет решающим для выживания человечества.

Как музеи могут расширить свой взгляд и кругозор в целом в работе (относительно содержания)? Как музеи могут включить другие системы координат помимо (художественно) исторической? Вы считаете, это необходимо? Известны ли вам удачные и интересные практики?

Нам следует рассматривать все институты публичной памяти как необходимую сеть будущего. Время от времени и в отдельных случаях это реализовано, но впереди еще много работы.

7.5. За модными словами часто скрывается нечистая совесть и отсутствие понимания

Наше время связано с сомнениями, неуверенностью в себе и поверхностностью. С целью прикрыть неэффективность в устранении проблем или, скорее, их причин, изобретаются все новые модные слова, которые заменяют действие. Эти новые термины вызывают настороженность. Построение сообщества напоминает командообразование, а также совместное управление. Хорошо оплачиваемые и хорошо подобранные сотрудники, хороший менеджмент, поддерживающий честные отношения, повышение согласно заслугам и расслабленная атмосфера превращают команду мечты в реальность. Формирование близких отношений в процессе гребли на каноэ может помочь, но никогда не заменит первое. Специальный термин — это скорее самогенерируемая важность нового управленческого теоретизирования, нежели реальная инновация. Использование модных слов воодушевленно поддерживают только туристическая и гостиничная индустрия, а также индустрия социальных фантазий; их показная природа сразу напоминает о вынужденном смещении в сторону пляжных вечеринок и неперенного опыта в экстремальных видах спорта. Однако вместо неэгоистичных целей эта теория культивирует инстинкт стаи волков или гиен как свое невыраженное вдохновение. То же самое с построением сообщества. Предоставьте его членам время и ресурсы, равные возможности, используйте принципы правосудия и социальной защищенности, помогите их культуре быть для них полезной, докажите преимущества гармоничного сосуществования разнообразия и серьезно боритесь с тревожными явлениями

с помощью общественных СМИ и публичных институтов — тогда у вас будет жизнеспособное сообщество. В том случае, если у нас появится ответственная профессия в сфере наследия, она с энтузиазмом окажет поддержку и создаст условия для любой коллективной инициативы заинтересованных лиц, не говоря уже о сообществе, которое она представляет. В конце концов, даже модные слова хороши, если они лишь напоминают о том, что мы и так должны делать, а не служат конечным результатом, лишенным какого-либо содержания.

7.6. Суть институтов памяти

Смысл памяти заключается в нахождении, распознавании ценностей, их сборе, исследовании, сохранении и затем их возвращении в общество. Зачастую они представлены предметами и (с 2005 года даже официально) нематериальным наследием. Институтов памяти множество, но, когда мы их теоретически обосновываем, то в большинстве случаев рассматриваем государственные учреждения. Их структура еще более сложная, если учитывать также частные, гражданские и корпоративные институты или нормальную, регулярную деятельность в сфере наследия. В своем лучшем проявлении наши центральные «профессиональные» органы в состоянии создавать критерии для аккредитации, согласно которым мы можем признавать серьезность институций и действий.

7.7. У каждой профессии есть собственная наука

У каждой профессии есть собственная наука. Однако наука должна быть сформирована на основе концепции / идеи, а не явления или конкретной, специфичной институциональной практики. Вследствие этого на конференции Международного комитета по музеологии (ICOFOM) в Париже в 1982 году назад я предложил отказаться от музеологии и создать наследиеведение. (Оно позже переросло в мнемософию как науку о публичной памяти.) Дело было в содержании и использовании теории, а не в названии. Однако, чтобы быть принятой, инновация не должна быть слишком радикальной (а она была!) и исходить

от ожидаемого, надежного источника (а она не исходила!). Если музейное сообщество принуждать к смене всего образа мыслей, оно может отвергнуть инициатора идеи (и оно отвергло!). Однако недавнее расширение концепции музея и новые формы сотрудничества поспособствовали развитию событий. Но ретроградный неолиберальный контекст препятствует формированию новой профессии из разобщенного сектора наследия, а она могла бы предложить приемлемое будущее. Я считаю, что некоторое негласное, неуловимое сопротивление, инертность существуют, чтобы лишить нас возможности превратиться в большое профессиональное сообщество, связанное с публичной памятью, которое могло бы стать новым партнером государства и других лиц, наделенных властью. Вместо этого, даже представляя собой мощную силу, сектор памяти окончательно расколот и разделен. Миру, нуждающемуся в сублимированном, концентрированном, хорошо отобранном, синтезированном и взаимосвязанном коллективном опыте, давалось множество сконструированных различным образом коробок, содержащих кусочки паззла, который мы так и не собрали в полезное или значимое знание, не говоря уже о благородной, светской духовности.

7.8. Публичная память и наука о ней

Помимо музеев, архивов, библиотек, памятников и достопримечательностей, наследие включает в себя все, что его использует или транслирует, как, например, неколлеционирующий музей, а также и время от времени ярко выраженные источники коллективной и социальной памяти. Большинство из них, находясь в шорт-листе и будучи видами деятельности в сфере наследия, претендуют на обладание признаками профессии. Как показано на диаграмме, которой я поделился в Интернете¹, их теории существуют, но касаются в основном истории этих институтов, их практики, технологий планирования и их публики.

Всеми институтами публичной памяти необходимо понять, что их практики сохраняют свою независимость и продолжают иметь соответствующие собственные теории. Растущая потребность

¹ URL: www.mnemosophy.com.

во все более эффективной скоординированной работе станет напоминанием о том, что, будучи основанными на одной идее, они также разделяют и верхний уровень теоретического рассуждения. Там они найдут ответы на вопросы о самой природе их существования и значении их миссии. Они часть общественной системы управления, разновидность кибернетической реакции на угрозы и вызовы, стоящие перед современным обществом. Эта наука, как бы она ни называлась, также станет характерным признаком приобретенного ими статуса новой профессии публичной памяти. Объединенные, вместо того чтобы быть разобщенными, институты публичной памяти, подобно любой профессии, будут использовать свою значимую роль в общественном договоре. Таким образом они докажут свою ответственность и внесут значительный вклад во всеобщее благо.

7.9. Мнемософия — память как мудрость

Зная, что теория имеет значение, в течение столетия музейные кураторы пытались найти для нее подходящее название. Даже сейчас многие думают, что музеология — это наука о музеях. Если бы музеология была когда-либо возможна, тогда у нас не было бы медицины, но «госпитология», педагогика бы, вероятно, называлась «школология», а поиск Бога получил бы имя согласно господствующей институции и назывался бы «церквология». Нам была необходима теория, или, скорее, наука, которая бы сориентировала нас, как общественные воспоминания, от индивидуальных до коллективных и сформированных обществом (в креативных индустриях), могут быть «очищены» до применимого и подходящего / достойного экстракта / смысла / сущности.

Знания — всего лишь сырой строительный материал: его излишек может стать проблемой, а безответственное использование — даже бедой. Когда знание очищено до состояния надежных, этически устойчивых ценностей, оно становится мудростью (*sophia*). Это не знания, а мудрость нам необходимо подставить в формулу устойчивого развития, чтобы она наконец начала работать. Мы не гонимся за любой памятью (*mneme*) и точно (как это обстоит в действительности) не за ее «океанами»,

но за избранной, которая может быть квалифицирована как строительный материал мудрости (*sophia*). Как мне кажется, это верная идея, на которой должна основываться наука.

7.10. Мнемософия: к проблеме определения

Мнемософия — междисциплинарная наука публичной памяти на службе у профессии в сфере наследия, с помощью которой общество изучает и осознает свое прошлое, свои нарративы, сформированные через коллективную и социальную память, и управляет постоянным формированием публичной памяти как объекта для передачи коллективного опыта.

Вот насколько далеко я продвинулся в 2018 году, сокращая определения, над которыми работал (они до сих пор представлены на моем сайте mnemosophy.com).

Пытаясь разработать это определение для своих студентов и слушателей во всем мире, я занял более серьезную позицию, чтобы доказать его научность, утверждая, что оно соответствует общепринятому построению, что должна предусматривать любая наука. Любая наука — единое целое, основанное на принципах, законах и постулатах. В случае с мнемософией принципы — это, пожалуй, нечто большее, чем факт существования публичной памяти, признаем мы это или нет. Музеология в своих вариациях непременно выходит за пределы традиционных музеев, так как они, как и следовало ожидать, утрачивают ясные стереотипные представления. Законы, как и общие утверждения, не настолько требующие доказательств, существуют в связи с растущим разнообразием институтов памяти смешанного типа, потребностями в стратегии, по мере того как они формируют систему памяти, стремления к формам стандартизации и нормам, ведущим к профессионализации. Существует один закон, приобретающий все большее значение, которое связано с нарастающей опасностью, — некоммерческая природа публичной памяти. Наконец, есть постулаты как основа для аргументации, дискуссии или убеждений, подобно природе всех институтов публичной памяти, основанной на «3 С» (*collection, care, communication* — накопление, сохранение, коммуникация), одинаковая общественная миссия, их сближение, одинаковое управление и маркетинг.

Все три — принципы, законы и постулаты — используются для понимания концепции наследия, институтов публичной памяти и других практик в сфере наследия, их транслирования и миссии и роли памяти в общественном проекте.

7.11. Может ли новая наука помочь свершиться будущему?

Утверждение, которым я руководствуюсь, заключается в том, что, только обращаясь к ясному пониманию роли разных видов памяти в обществе, мы можем осознать нашу миссию. Нам необходимо осмыслить, почему и как они оказываются в нарративах и в сфере публичной памяти, чтобы определить качество службы, которую мы предлагаем нашим сообществам и согражданам. Наука публичной памяти, за которую я выступаю, если бы она была основательно построена исходя из новейшего мирового контекста, определила бы наиболее подходящую роль для музеологии — быть теорией музейной практики. Если применить ту же логику к архивному и библиотечному делу, мы могли бы освободить пространство для общей науки, которая бы охватывала все институты наследия. Она могла бы разработать общественную стратегию по созданию и использованию памяти и определить предпочтительные способы переноса коллективного опыта. Подобно тому, как теория может предшествовать практике, наука может объявить о зарождающейся профессии и послужить для нее толчком. Хотя могут возникнуть сомнения, так как, возможно, мы упустили условия для создания этой науки — подходящее общественное сознание, некую благосклонность общества, которая создает представления о социальном развитии.

7.12. Мнемософия — часть мудрой стратегии развития

Музеология со своими разнообразными подходами, в изобилии описанная различными определениями, всегда имела дело со стремлением продвинуться дальше из точки, где она представляла собой простую тактику, или из того, что зачастую было ее прозаичной реальностью — некой музеографией, описательной теоретической дисциплиной. Последняя подразумевала

бы, что решение всех наших проблем заключается в технологиях, будь то новые здания, новое оборудование, новый дизайн или новые управленческие изобретения (включая бизнес-гениев в качестве директоров наших креативных институтов памяти). Однако всякий раз, когда практика влечет за собой взрывное творческое вдохновение для сообщества или сторонних посетителей, это последствие более глубокого понимания и часть философии зарождающейся, потенциальной профессии — некой очевидной, действующей и все же до конца не сформированной науки публичной памяти, находящейся в процессе становления. Всякий термин условен, и все же хорошо, если он служит также напоминанием: *mneme* — память, *sophia* — мудрость, — следовательно, мы рассматриваем не любую память, а сконцентрированную, отобранную как мудрость. Подобная наука, мнемософия, или как бы мы ни решили ее назвать, может поспособствовать разработке стратегий. Они, в свою очередь, станут частью стратегии выхода из, казалось бы, безнадежного состояния, обреченного на бесконечный рост, на неограниченные знания и неограниченное обслуживание ими интересов, не ограниченных гуманистической этикой. Мнемософия — не панацея. Она вполне может служить простым напоминанием о том, что музеи тоже будут участвовать в спасении мира. Последнее выражение было использовано в лекции Сидни Диллона Рипли¹, бывшего директора Смитсоновского института и легендарного прародителя профессионализации сектора публичной памяти.

7.13. Наука о публичной памяти — путь к качественному будущему

Что касается объединяющей философии, которая выступает одной из составляющих профессии, я уверен: новое, расширенное поле определенной науки публичной памяти (мнемософии), предмет которой — наследие как отбор, исследование, сохранение и трансляция общественной памяти за все время ее существования, может дать ответы на все наши сложные вопросы о стремлении к пригодному будущему. Наследие формируется

¹ Sidney Dillon Ripley (1913–2001). — *Примеч. ред.*

из личных, коллективных, культурных и научных источников, а наиболее сложным и основательным образом — в институтах памяти. Это делает их сотрудников членами зарождающейся настоящей профессии.

7.14. Что отличает мнемософию от музеологий?

Подразумевать «лучше», говоря «другой», совсем не странно, но другие заинтересованные лица вполне могут составить собственное мнение об этом и распространять свое убеждение. Те, кто занимается преподаванием, имеют не только внутреннее побуждение и средства, но как наставники молодежи также обязанность это делать.

Пытаясь объяснить, чем музеология отличалась бы, скажем, от мнемософии, я бы начал со слайда, иллюстрирующего разницу¹. То, что раньше стремилось в большей или меньшей степени быть просто теорией, в данном варианте прямо претендует на статус науки. Я написал книгу, целью которой было доказать эти утверждения. Я использовал набор общих характеристик, но аргументация разнообразна, как и методологии. Источники, однако, настаивают в основном на том, что она должна быть основанной на фактах, воспроизводимой, продиктованной временем, объективной и систематической, но в определенной степени прогнозируемой, проверяемой и осторожной. Многие социальные или гуманитарные науки не соответствуют данному подходу в точности или соответствуют лишь до какой-то степени, в зависимости от интерпретаций. Прагматически согласие академического сообщества — условие, о котором должно быть известно.

Если предметом, по крайней мере традиционной музеологии, была институция и ее способы борьбы с процессами музеализации унаследованного прошлого, интерес предлагаемой науки должен быть смещен в сторону системы общественной памяти со всеми непосредственно заинтересованными сторонами и факторами, а также системами (такими как образование или средства массовой информации), которые должны быть

¹ URL: www.mnemosophy.com.

приняты во внимание или с которыми необходимо сотрудничать. Система общественной памяти, как бы мы в конечном счете ни определили ее, представляет собой именно то, что заслуживает такой науки.

Я считаю, что большая часть теоретизирования в музеях и вокруг них связана с определенной музейной тактикой или их тактической ролью, в то время как целью должна быть стратегия. Публичная память должна быть не просто доступной, но частью общественной стратегии, участвуя в принятии решений по развитию общества, в зависимости от уровня, на котором они будут использовать свое влияние, будь то небольшой локальный или государственный музей, архив, библиотека или даже гибридные учреждения, какими они обычно становятся. Конечно, никто не предлагает такого рода значение: оно заслуживается, утверждается, предполагается — в зависимости от того, насколько мы оказываемся важны. Все профессии и их науки были созданы по признанной обществом инициативе.

Видов деятельности много, а профессий всего несколько. Специалисты, работающие в архивах, библиотеках или музеях, если называть основные учреждения памяти, представляют не профессии, а виды деятельности. Профессии можно игнорировать, хвалить или критиковать, но они участвуют в управлении развитием любого общества. Виды деятельности отвечают за некоторые социальные функции и не определяют свое сообщество на стратегическом уровне. Первые считаются важными и в результате, как правило, лучше оплачиваются; по крайней мере, с ними консультируются при принятии решений.

Виды деятельности, связанные с памятью, какими бы важными они ни были и несмотря на их активные функции, в целом характеризуются пассивной ролью в обществе. В какой-то мере они напоминают писарей / секретарей у власть имущих — явно или скрыто. К тому же, за исключением развитых стран и культур, в большинстве других стран эти институты являются покорными и угодническими. Во всех остальных странах мира представители этих видов деятельности получают работу без специальной подготовки к ней, не говоря уже о лицензии, что невозможно ни для одной профессии. Любое теоретическое исследование, связанное с темой и работой этих учреждений,

считается достаточной квалификацией для трудоустройства. Любая профессия, по крайней мере в некоторой степени, представляет собой совесть правящих структур общества. Демократия — ключевая составляющая в управлении обществом, и довольно легко доказать, что наследие и публичная память составляют стержень представляемой ею картины. Современные музеи, например, — это по существу демократические институты, и все же, наряду с другими институтами памяти, они, как ни странно, не являются частью профессии, на которую общество возлагает ответственность за работу со своей публичной памятью: то, как мы помним, что мы помним и с каким социальным представлением в уме живем.

В то время как любая теория, в том числе музеология, настаивает на том, что знания — определяющая составляющая процветания, мы могли бы наконец поддержать обновление этого заявления. Можно сделать это, утверждая, что нам необходимо распознавать ценности, которые стоит собирать, собирать их с этической и научной ответственностью и воспринимая себя как коррективы для экономических и политических сил, что ведет к развитию. Словом, воспринимая себя поборниками мудрости. Между прочим, все утопии оставались таковыми, но указывали полезные направления и служили для выстраивания и разъяснения концепций.

(8. ПОИСК МУДРОСТИ И ПОДЛИННОСТИ В ОТВЕРГНУТОМ ОБЩЕСТВЕ)

8.1. Трудности людей — это упущенный шанс на обретение мудрости

Многое из того, что мы говорим, порой непростительно многое, основывается на очень личном или локальном опыте. Ученый, профессор, преподаватель, политик, кто бы ни соби-рался оказать влияние на других людей, должен обладать мак-симально богатым опытом как отправной точкой и мерой целе-сообразности. Проблемные истории, нестабильные, переходные условия, кризис любого рода, не говоря уже о войне, представ-ляют собой своего рода экстремальную лабораторию, поэтому опыт их переживания ценен. Проживание в таких условиях — это, вне всякого сомнения, невыгодное положение, но напря-женный и глубокий опыт, чрезвычайно значим с социальной точки зрения для любой впечатлительной натуры. И здесь кро-ется парадокс: большинство таких неблагополучных мест (оча-гов напряженности) не имеют ни возможности, ни внутренней согласованности действий, ни самоуважения, чтобы извлечь пользу из пережитой травмы. Их элиты — простые сюзерены других зажиточных стран и корпораций, и в то же время боль-шинство из них изо всех сил пытается добиться хотя бы малой толики процветания и самореализации. Они были лишены это-го по причине того, что с полным основанием представляется несправедливым и прискорбным.

Быть публичным интеллектуалом в таких странах — это без-умие или героизм, или и то и другое. Суть в том, что такой бо-лезненный и дорого обошедшийся человеческий опыт тратится впустую и игнорируется. Опять же, всякий раз, когда появляет-ся шанс для движения вперед, человечеству не удастся за него

ухватиться. Как мы можем в этом убедиться? Просто взгляните на свои музеи и посмотрите, о чем мы решили рассказать: праведники из числа покойных упрекнули бы нас.

8.2. В поиске мудрости больше может означать меньше

При коллекционировании первым импульсом, который кому-то так и не удастся преодолеть, оказывается накопление максимально возможного числа предметов. Вероятно, западная одержимость количеством — это следствие идеи неограниченного роста, возможного, очевидно, только при условии непрерывного завоевания. Китайский мудрец сообщает, что отбор — это путь к мудрости и успокоению духа. Но все благородные умы мыслят одинаково: спустя несколько веков латинская пословица сообщает то же самое, но более общо, утверждая, что обладание большим количеством чего-либо, чем необходимо, приносит вред. Считая чувство меры условием мудрости, она указывает на то, что способность к мудрому суждению может быть затуманена изобилием. Время музеев с залами, переполненными бесчисленными предметами, истекло. Традиционные музеи слишком затратны, чтобы выдержать конкуренцию с ИКТ (информационно-коммуникационными технологиями) и всевозможными развлечениями. Что еще хуже, существующая система образования не в состоянии обеспечить музеям новую, хорошо подготовленную, культурно мотивированную публику.

8.3. Приватизированная культура представляет собой печальную перспективу

Как только мы приватизируем культуру и память, предъявим права собственности и превратим творчество в товар, весь общественный проект потерпит неудачу, и все человечество может быть введено в состояние ступора, так точно описанное Олдосом Хаксли. Примечательно, что у нас есть несколько сценариев печального будущего, которые, кажется, начали воплощаться еще в 80-х годах прошлого века. Я абсолютно согласен с Камю¹,

¹ *Albert Camus* (1913—1960) — французский философ и писатель. — *Примеч. ред.*

говорившим, что все мы неудачники, которым никогда не следует сдаваться. Я встречал удивительных дилетантов, так как они существуют в любой сфере человеческой деятельности. Они безоговорочно превосходили мнимый профессионализм некомпетентных и недальновидных специалистов, будучи несравнимо лучше большинства тех, кто обучен и получает плату за свою работу. Но такие люди встречаются чрезвычайно редко.

8.4. Критическая ремарка по поводу проектов ЕС в сфере наследия

За исключением масштабных музейных проектов, в наши дни не многие серьезные организации или гражданские объединения людей «возятся» со средствами ЕС. Как правило, эти проекты — убийцы креативности и эффективности. Я в ужасе от демотивирующей и взрывной силы катастрофического бюрократического духа, созданного Евросоюзом. Мой многолетний опыт, связанный с политическими режимами, дает мне право утверждать, что эти проекты заслуживают основательного исследования с точки зрения культурологии с привлечением психологии и лингвистики. Исследователи обнаружили бы фатальное сходство между ними и культурной организацией аппаратчиков коммунистической партии в странах бывшего советского блока. Отпечаток бюрократического мышления и управления всегда одинаков: оно истощает нашу способность к созиданию, почитает подхалимов, страстно любит жонглеров модными словами и профессиональную традиционность, похожую на современное шоу иллюзионистов мнимой демократии. Большая часть денег тратится на ненужные поездки, притворную трансграничную доброжелательность и тщеславный обмен бессмысленными монологами. Новый большой брат определенно не такой злодей, но так или иначе мошенник. И все же культура — более успешный сектор, нежели экономика или политика. Лишь недавно это стало очевидным, благодаря деятельности ассоциации *Europa Nostra*¹.

¹ *Europa Nostra* — общеевропейская федерация ассоциаций, созданная с целью популяризации и защиты культурного наследия и природной среды Европы. — Примеч. ред.

8.5. Возможности опустошенных индустриальных мест

Мой опыт работы с сообществами, где раньше процветала индустрия, печален, потому, что эти сообщества в значительной степени разорены в результате процессов деиндустриализации, унижения некогда сильной местной идентичности и недавно возникшего недостатка самоуважения. Эти места, как правило, не в состоянии обеспечить финансирование какого-либо культурного учреждения, в некоторых случаях они страдают также физически, что выражается в упадке, руинах и опустошении. Пожалуй, создание там традиционного музея было бы невозможно. Эти познавшие страдание места должны вывести свой потенциал на новый уровень путем более глубокого понимания собственной идентичности в процессе поиска исторического опыта, путем расширения подхода. Это может стать хорошей задачей для стратега в вопросах культуры и наследия. Такой координатор мог бы помочь создать критическую массу информационных материалов, которые вместе могли бы послужить мотивацией в пользу посещения этих мест — особенно для внешней публики.

Местная администрация при поддержке гражданских организаций, вероятно, могла бы обеспечить такой импульс и благоприятную атмосферу. Туристические направления должны иметь обоснования для построения бренда, убедительную историю о себе, которую остальные смогут принять без особых затруднений. Местная публика, а в действительности и все сообщество, получит пользу от рабочих мест в проекте и за его пределами, а также от сопутствующих результатов, так как они всегда появляются, когда в центре создан некий энергоресурс. Ценность идентичности состоит именно в значении наследия: его суть всегда в преемственности и сохранении, и нам необходимо обладать достаточной мудростью, чтобы собрать плоды тяжелого труда наших предков.

8.6. Традиционный музей в сравнении с реформированным и не только

Задача традиционного музея состояла в сохранении документации, скажем, исчезающего феномена или растворяющейся идентичности и в обеспечении их сохранности посредством

исследования и создания безопасных условий в музеях. Реформированный музей, то есть тот, который воспринимает проблему как ситуацию кибернетической дихотомии, делает это, поддерживая находящееся под угрозой и укрепляя его жизненные силы. Нам свойственна естественная реакция защищать особенное и отличное от превращения в привычное и ничем не приметное, будь то культурная единица, природная среда или личная идентичность. Свободную творческую энергию (сознание), берущую начало в традиции, можно ожидать только на уровне отдельного человека, группы или общества. Энциклопедические музеи и различные туристические достопримечательности или информационно-туристические центры едва ли будут заинтересованы в какой-либо ответственности такого рода. Лучшее, что они могут сделать, — это обеспечить своему городу или стране эффективный пиар или вносить вклад в местное развитие, стимулируя рост туристической индустрии.

8.7. Концепция «синей коробки» (*blue box*)

Мой опыт с «самым маленьким в мире музеем», осуществленный в рамках попытки учредить первый экомузей в Юго-Восточной Европе (Капеле, Словения), состоял из киоска — покрытой крышей стеклянной витрины с небольшим выставочным пространством с трех сторон и достаточным пространством — с четвертой. Выставка была построена для демонстрации потенциала такого музея, однако сообщество не смогло предоставить для него пространство. Стеклянная витрина в центре деревни стала со временем сердцем ее идентичности, своего рода микромузеем.

Это напомнило мне о возможности того, что любое наследие, большая часть которого постоянно находится в опасности, нуждается в своего рода «черном ящике» как устройстве для хранения записи его судьбы. Если подобное ожидание чрезмерно, то вполне подойдет «синяя коробка» (*blue box*)¹: она могла бы

¹ Англ. *Blue box* — электронное устройство, позволявшее абонентам путем нажатия на кнопки посылать в телефонную линию служебные сигналы, использовавшиеся операторами телефонной связи для управления процессом установления соединений на междугородних линиях. — *Примеч. ред.*

периодически слать сообществу сигналы, напоминая о процессах, разоряющих его идентичность или угрожающих ей. Так или иначе это и есть то, для чего нужны музеи.

8.8. Деятельность в сфере наследия как реализация музейных идеалов

Как правило, в маленьких сообществах реакция на угрозу ценностям происходит в форме частных инициатив или деятельности гражданского общества. Это ожидаемо, так как они малы, подвижны и легко адаптируемы к ограниченным ресурсам, отсутствию понимания и профессиональных знаний и навыков. Изменение в отношении к устойчивым и серьезным институтам в направлении отказа от них уже произошло несколько десятилетий назад на Западе (в зависимости от культуры и экономики в конкретной стране) и продолжает развиваться в форме временных, *pop up*¹, передвижных музеев, музейных киосков, неколлекционирующих музеев и т.д. Это указывает на то, что обычное, распространенное представление о музеях изменяется в сторону понимания сути процесса и реагирует на подлинные, конкретные потребности пользователей. Это еще происходит время от времени, хотя все чаще и чаще. Если и когда профессия в сфере наследия будет создана, то она сможет приобрести системный характер, и это, вопреки предпочтениям либералов, будет хорошим показателем согласованной реакции общества на угрозы его системе (системам) ценностей. Если музеям удастся преодолеть недостаток слишком большой концентрации ресурсов (коллекции, здания, компетенции), это могло бы означать, что их распространение и цели востребованы самой жизнью.

8.9. Удобный в культурном отношении и ненавязчивый технологический дизайн микромузеев

В чистом виде технологические решения могут быть навязчивыми и скучными. Проектировщики как программного,

¹ *Pop up* — изначально название всплывающего без участия пользователя окна на странице сайта. — Примеч. ред.

так и аппаратного обеспечения руководствуются запросом искусственных городских миллениалов или даже еще более молодого поколения, но эта реальность не для массовой аудитории. Однако, обладая хорошим знанием музейных традиций, мы должны смело идти на риск. Сначала путем проб и ошибок. В пустынных, заброшенных местах культурного, природного или технологического прошлого «черный ящик» памяти, вполне возможно и синий, — фактически, в цветах международной организации музеев (ICOM) — мог бы стать каноническим символом возможности общего знакомства с локальной публичной памятью даже для любопытных случайных прохожих, не говоря уже о тех, кто целенаправленно ее ищет. Я представляю себе синюю коробку как готовый архитектурный продукт специально очень небольшого размера (7 м²?), предназначенный для того, чтобы предлагать инструкции по пониманию местной идентичности и минимальное, меняющееся наполнение.

8.10. Технологический совет для микромузеев

Микромузей может быть выполнен на заказ, сконструирован для конкретного места из комбинации базовых элементов. Чтобы его производство стоило дешево и он был легко узнаваем (вызывал интерес у публики), он должен предлагать проектную модель, которая представляет собой равнозначные единицы одинакового привлекательного и ненавязчивого цвета.

Не стоит и упоминать о том, что «черные ящики» памяти (BB©) должны быть сделаны с учетом новейших коммуникационных технологий, чтобы символически компенсировать их миниатюрный размер и очевидную неприветливость в том, что касается пространства и престижа, практически безграничной цифровой / вирусной силой. Энергетическая автономность, соединение с Интернетом и мощный потенциал реагирования и поиска информации должны быть в числе тех элементов, что обеспечат предложению наибольшую актуальность и перспективность. Проекту «черного ящика» памяти (BB©), таким образом, нужна превосходная креативная компания, которая бы выполнила его архитектурное и программное наполнение на самом высоком мировом уровне.

8.11. Кураторы – подготовка к стремительно меняющемуся будущему

Каким образом? Проще всего — путем понимания мира. Мир — это столь колоссальный опыт, доступный как единое целое и, конечно, как хранящийся в богатстве идентичностей. Никогда мы не хранили столько знаний, никогда не испытывали такую потребность познать их сущность, и никогда не было такой спешки их применить. Ненаучно это называется мудростью. Жизнь сама по себе совсем ненаучна. Наука — это прекрасно, но там, где она заканчивается, жизнь не останавливается. Таким образом, как только кураторы получают хотя бы дополнительный год обязательного профильного изучения «науки публичной памяти» (почему бы даже не включающей музеологию как теорию музейной практики), они поймут сферу, в которую погружаются, и будут с уверенностью ее использовать. Почему прекрасный археолог должен быть плохим куратором в археологическом музее, когда его знания могут быть усовершенствованы с помощью науки публичной памяти?

8.12. Музейные бренды продаются как элитная одежда, а не культура

Мне нравится Музей Гуггенхайма в Бильбао (*Guggenheim Bilbao*), но не как образец или модель. Он располагает международной коллекцией, которая частично вернулась на родину (удивительно смелый и удачный проект в этом смысле). Лувр-Ланс (*Louvre-Lens*) во Франции — более логичное место, так как это распространение потенциала сети в рамках той же культуры. Но вас определенно интересуют Абу-Даби (Лувр), Шанхай (Центр Жоржа Помпиду) и другие. Я с некоторым сомнением наблюдаю за этой распространяющейся инновацией. Интернационализация культур, возможно, служит средством достижения открытости и коммуникации при одновременном сохранении собственных черт различия и подобия. Но в большинстве случаев это лишь признание в увлечении Западом. Это мне сильно не нравится. Но мир также скатывается в безжалостный прагматизм, превращая все ценности в ликвидный товар и теряя

какое-либо обязательство сохранять тесную связь с собственной культурой и чувство меры. Такой мир подвергается соблазну рассматривать потенциал музеев как сенсацию, продаваемое развлечение, реализуемый бренд гигантского музея или выступать в защиту индустрии путешествий (потому что массовый туризм — это едва ли что-то большее, нежели одержимость путешествием). Центральные СМИ и политики защищают ее, утверждая, что это одна из позитивных сторон глобализации, но меня беспокоит, что мы начинаем легитимизировать в этом очень чувствительном вопросе ложную реальность в отношении как настоящего, так и прошлого.

Лувр или Музей Гуггенхейма может попасть в Абу Даби, или Центр Помпиду в Шанхай множеством других привлекательных способов. В этой страстной погоне за сенсацией мы можем распознать лишь бизнес-модель распространения элитных домов моды. Я никогда не стану выступать против новых музеев (пусть они существуют), но сомневаюсь, что их будут посещать прежде всего из культурных побуждений.

8.13. Будущее музеев зависит от характера общества

Будущее музеев будет все больше зависеть от тех, кто стоит у власти. Они будут принимать решения, а мы можем лишь надеяться собрать как можно больше общественно значимых аргументов в пользу нашей миссии. Чрезмерная приватизация (выталкивающая наследие из публичного сектора), товаризация (навязывание критериев прибыли любому сектору) и монетизация уничтожают традиционные профессии и, конечно, не позволят появиться новым. В гонке со временем и окружающими обстоятельствами привлечение новых молодых кураторов, хорошо подготовленных и обученных для общественной миссии и преданных общественному благу, может гарантировать нам некоторые шансы. Их задача — создать наконец профессию. Некоторые страны и культуры будут знать, как сохранить государственные службы и предотвратить безоговорочную передачу общества корпорациям и олигархам. Страны процветают благодаря профессиям, последние были созданы для этого. Память о том, на каких ценностях основывается гуманизм, станет условием

для выживания человечества. Ненасытный, разнузданный капитализм толкает мир к начинаниям, имеющим непредсказуемые последствия. Искусственный интеллект, киборги, гибридные человеческие существа, аватары, опыт погружения в параллельную реальность, сценарии ограниченной ядерной войны, дистанционно управляемые постоянные войны боевых роботов и машин — это все уже наша действительность. Мы отчаянно нуждаемся в памяти о качестве, о базовых ценностях и моральных принципах гуманности (*humanitas*). Нам нужны ответственные профессии и отдельные люди, руководствующие миссией и желающие улучшить мир, как бы старомодно и высокопарно это ни звучало.

8.14. Будущее институтов наследия зависит от экономики и политики

Различные политические и экономические системы опираются на разные модели культурной политики и музейного менеджмента. Любая из них может принести плоды, но мы, естественно, стремимся узнать лучший вариант музейной политики. Как превратить музей из, скажем, инертного, традиционного, финансируемого государством учреждения и недоступной сокровищницы в подвижную, активную, частично самообеспечивающуюся общественную организацию? Я не верю в музеи как (в основном) частную область деятельности. Могут существовать частные музеи, которые соответствуют стандартам общественных ожиданий, но я бы всегда оставлял сертификацию и решение об их аккредитации за представителями профессионального сообщества. Если знать, что Метрополитен-музей (возьмем яркий пример!) ожидает, что любой член Совета попечителей будет ежегодно вносить десять миллионов долларов, это сразу будет воспринято как привилегия, оплачиваемая и, вероятно, потребляемая как таковая. Социально мыслящие среди нас посчитали бы чудовищным тот факт, что один человек занимает позицию принятия решений в организации общественного интереса (или влияния) просто потому, что он или она достаточно богат(а), чтобы позволить себе это. Следует ли нам разрешать богатым людям оказывать влияние на то, как мы оперируем

рак, или решать, как растить наших детей, потому что им была приятна идея использования власти в государственных органах, занимающихся принятием решений? Нелепо. Либеральные технократы задумали мир, в котором эта практика станет, скорее, правилом, нежели исключением. Хочется думать, что Советы попечителей будут состоять из мудрых и благородных людей, желающих инвестировать свои профессиональные знания на пользу общества.

8.15. Быть личностью в странах с переходной экономикой

Массы всегда «кричат» либо так, что мы их не слышим, либо путем едва выражаемых всплеск непонятного отчаяния: «Мы здесь, и каждый человек сам по себе — вселенная». Кто наделяет людей достоинством, тот приносит свободу. А почему бы музеям не быть среди них? Сложно найти столь же хорошо укомплектованные и оборудованные общественные институты для выполнения заданий, столь сложных, как озвучивание общественного мнения. Они основываются на грандиозном человеческом опыте, они далеки от того, чтобы выдавать себя за единственных спасителей, они могут присоединиться к тем социальным институтам и механизмам, которые нацелены на общественное благосостояние. Они «виновники» качества. Суть памяти состоит в поиске ценностей, их сборе, исследовании, сохранении и возвращении в общество. Они могут собрать людей вместе, создать пространство памяти, где голоса мудрости предков смогут быть услышаны. Заботясь об индивидуальном и специфичном, они вместе с тем должны достигнуть чувства единения, которое является межпоколенческим и межкультурным. Это драгоценное, необъяснимое ощущение уникальности и вместе с тем принадлежности ко всем, кто жил до нас и еще придет в этот мир, — целевые установки искусства, но музей сам по себе есть *искусство* памяти.

Их способность предоставлять укрытие, составлять компанию, предлагать безопасность и комфорт приятной учебной обстановки должна стать / остаться их уникальным вкладом. Среди институтов памяти музеи в любом смысле представляют собой место, «где всегда светло» (перефразируя Э. Хемингуэя), во все

более неуютной реальности. Возможно, и правда, что единственная вечность — сам человеческий род (Ролан Барт), но даже если это не так, вероятно, это единственная вечность, данная нам. Ее свежее дыхание можно почувствовать в наших лучших музеях.

8.16. Состояние мира и потребность в кибернетическом музее

Имея представление об угрозах, пожалуй, можно организовать реакцию на них. Возможно, это звучит надуманно, но все, о чем мы говорим, обсуждая общественные или общественно активные институты, — это об изменении мира к лучшему. У нас есть множество причин для поиска решений. Вынужденный кратко сформулировать список, я сделал выбор в пользу нескольких основных, комплексных проблем: пасаеотропия (*paseotropism*)¹, упадок, культура несвободы, хаос, тревога, нестабильность, обезображивание (мира), обнищание. Возможно, первое понятие требует пояснения: мы восхищаемся прошлым, мы увлечены им в результате манипуляций, нестабильности или отсутствия баланса. Упадок относится к атмосфере ухода от ценностей и чрезмерной терпимости к таким порокам, как, например, жадность. Это грех, характерный для деконструкции мира со стороны неоллибералов. Свобода отрицается не безоговорочно, но в отношении декларативной приверженности демократии. Нам следует обратить внимание на коварное продолжение проявлений расизма, колониализма и милитаризма в неблагополучном мире. Хаос скрывается за чрезмерным регулированием и лицемерием, но фактически он является идеальным условием для «капитализма для своих» и корпоративных манипуляций в повышении прибыли вне налоговых положений и богатого общества. Постоянная война — идеальный способ легального производства хаоса. Тревога как растущее психологическое беспокойство большей части общества создает множество проблем, которые требуют устранения. Связанная с нестабильностью, она может быть причиной дополнительного дохода для

¹ Пасаеотропия — излишняя ориентированность на все прошлое и ушедшее, чрезмерное стремление и склонность к нему. Термин изобретен автором для лекций, читаемых в 1990-е гг. — *Примеч. ред.*

банков и фармацевтической промышленности или выступать в роли плодородной почвы для тоталитарного правления или популистских бредней. Наша планета все больше становится не только ядовитым, но и уродливым местом, населенным растущими массами неустойчивых и бедных людей. Бедность — это изъян общества, недостаток основополагающего гуманистического мировоззрения и, как следствие, основа и средство для совершения огромного зла.

Традиционный музей, столь привязанный к прошлому и увлеченный им до такой степени, что не видит настоящего, должен наконец превратиться в место, где с упадком борются, где культура несвободы отвергается, где хаос — не воплощение конца света, но лишь порядок, который мы не в состоянии понять... Для всех тех, кто был переполнен беспокойством и кого одолело чувство незащищенности, музей должен быть надежным, безопасным местом, где ставятся правильные вопросы и предлагаются прямые, даже если их слишком много, ответы.

Нам нужна любая помощь, особенно общественных институтов, в борьбе против растущего обезображивания мира. Возможно, статистические данные подтверждают рост благосостояния в мире, но печальный и красноречивый факт состоит в том, что оно распределяется все менее и менее справедливо. Растущее обнищание общества — позор цивилизации. Каждый общественный институт должен использовать свои аргументы против этих нападений. Кибернетический музей, как косвенно подразумевается, дает отпор, сопротивляется и противодействует всему, в чем видит угрозу обществу. Это, однако, предполагает некоторые свойства и качества кураторов и их организаций: смелость в столкновении с проблемами, независимость и способность определять, что представляет собой угрозу и согласно каким критериям мы принимаем участие в судьбе мира.

8.17. Ценность труда в «честном музее»

Перед институтами промышленного наследия, часто такими, как музеи техники, стоит сложная задача. В лучшем случае они посвящены наследию труда. Изучение такого наследия, коллекционирование его остатков и документов, сохранение

рассредоточенной памяти и представление его пользователям должно основываться на уважении их лучших потребностей. Знать потребности непросто, и это совершенно другая работа, чем та, что ориентирована на желания. Нам необходимо определить себя как надежный источник информации, когда речь идет о ценном, полезном опыте. «Какая система труда и культура труда нам нужны?» — непривлекательное название для выставки, но грамотный маркетинг может придумать что-то получше. Нам действительно необходим уместный, приемлемый способ установить связь с ценным историческим опытом, из которого можно черпать вдохновение, или увидеть, какие ошибки совершали наши предшественники, игнорируя очевидные различия между прошлым и настоящим.

Можем ли мы использовать музеи и подобные организации с их высокой, мощной, убедительной силой, чтобы создавать выставки о предпринимательстве, поднимающие уровень мышления о смелых личностях и системе, которая могла бы направить это творчество и энергию в сторону личной и коллективной пользы? Слишком часто нас заставляют поверить в то, что апатичная безликость напрасной работы в колхозах или прославление эгоистического, хищного индивида Дональда Трампа¹ — всего лишь две оставшиеся перспективы. Это неправда, однако же мы можем задаться вопросом, существуют ли музеи, решившиеся сказать об этом. В некоторых странах отсутствует даже такая возможность: у их кураторов нет профессионального понимания, которое бы привело к подобному междисциплинарному сотрудничеству.

Но даже когда речь идет о развитых странах, можем ли мы вспомнить хоть одну выставку, посвященную общественной значимости трудового наследия? Какова роль промышленности в мире, и какое будущее она готовит для нас? Устойчивое развитие стало всего лишь очередным исчерпанным словосочетанием, лишенным содержания. Мировые тренды на развитие и загрязнение не компенсируют друг друга. Растущая бедность и войны ухудшили положение. Акцентируя внимание на индивидуальной вине или объективных условиях, политики

¹ *Donald John Trump*; род. 1946; президент США с 2017 по 2021 г. — *Примеч. ред.*

и глобальные СМИ отвлекают внимание общественности от важнейших проблем и снимают ответственность с лиц, принимающих решения.

Вместо этого им следует рассказывать нам, какие моральные принципы и результаты устойчивого развития мы хотим получить и кем являются главные действующие лица. Напуганные загрязнением, которое мы создаем, отапливая наши дома, мы также хотели бы знать, как много домов мы могли бы отопить и в течение какого количества лет только одним взорванным резервуаром с нефтью в Эль-Фаллудже (*Fallujah*) лишь десятилетие назад?

Ежедневно мы сталкиваемся с новыми технологиями, которые в скором времени станут наследием. Имея за плечами колоссальный опыт, сконцентрированный в наших коллекциях и документации, мы храним молчание о последствиях различных технологических решений, предлагаемых каждый день. Конечно, это вопрос не исполнения роли арбитра, а скорее — выражения беспокойства общества, постановки вопросов, которые наши пользователи не могут задать, и предоставления аналитической информации, находящейся вне зоны их досягаемости. Любой музей может поднимать вопросы и предлагать одновременно множество ответов, основанных на взвешенных аргументах задействованных сторон. Такой полезный музей, находящийся на нашей стороне, — это то, что Кеннет Хадсон называл «честным музеем».

8.18. Передача публичной памяти обобществившемуся человечеству — призыв к созданию ответственного музея

При призыве к созданию социально ответственного музея возникает искушение взять на себя роль трибуна, говоря коллегам: *«Ваши отчаянные налогоплательщики, ваши опустошенные и преданные, вымотанные и беспокойные граждане, эстетически необразованные и сбитые с толку, безоговорочно переданные безрассудным СМИ, коррумпированным политикам, безжалостным корпоративным боссам, — ваши страдающие братья нуждаются в вашей помощи. Вы можете аккуратно и тихо наблюдать, как они “растворяются” в обреченности или, что даже хуже, в отчаянии варварского коллективного Я, как следствие, становятся жертвой коллективной*

популистской истерии. Необходимо с должной ответственностью обозначить миссию и затем всецело ей следовать, заняться делом, а не играть роль смиренного, бесполезного института, к которому сообщество не испытывает достаточного уважения. Не задача ли это для музеев обратиться к своему назначению?»

Даже если название звучит как призыв активиста, давайте будем честны: нам нужны простые и человеческие послания, так как духовное общество, которое нам необходимо построить, создается, я боюсь, именно таким образом, а не каким-либо иным. Используя науку, представители наших профессий и наших институтов, как и мы — гражданское, светское общество, — можем, пожалуй, усовершенствовать ситуацию человека. Но, само собой разумеется, мы рады любому соревнованию в гуманизме. Это основополагающее стремление всей философии и гуманистических рассуждений на протяжении человеческой истории. Наши институты памяти наполнены доказательствами и знаниями, которые могут создать условия или, как минимум, помочь нам в осуществлении этого. Мы должны использовать такой потенциал на благо всех и каждого члена человеческого общества, а не ради некой вымышленной эгалитарной нормы, но как единственный убедительный метод достижения безопасного общества мира, справедливости и равных возможностей. В течение долгого времени с полным основанием музеи воспринимались как находящиеся в стороне, отчужденные в своей научной «объективности». Но кто более квалифицирован, призван и обязан делиться человеческим опытом на благо общества, чем его хранители? Отбор, хранение, сохранение и трансляция памяти — это политическая функция первого порядка. Ответственные должны будут обнаружить себя.

8.19. Люди-мосты — общедоступные личности

Основополагающая идея наследия, подобно любви и нравственности, состоит в том, что им могут владеть все, так как оно практически неисчерпаемо. Если на конкретное наследие заявляют права две или более культуры, нации, сообщества, это может представлять проблему для политики, но не для культуры: идея наследия подразумевает распространение и совместное использование.

Изобилие наследия, вдохновение и благородная гордость, которые оно может порождать, грандиозность его цифр отрицают или, как минимум, принижают значение требования национальной и культурной классификации. По своей природе культура отторгает чувство собственности, так же, как она отвергает максимальную товаризацию. По этой причине, чтобы предложить сбалансированное, доступное понимание сложной реальности как постоянного процесса оценки и интерпретации, современное общество использовало науку и значимые общественные институты. Наука со своими исследованиями и фактами всегда будет существовать, чтобы удовлетворить потребность в аргументах для использования в спорах, по большей части непродуктивных.

Наше будущее будет зависеть от нашей способности делиться с другими. В состоянии ли мы увидеть, например, в великих личностях европейского или более широкого масштаба фигуры, которые нас объединяют, или повод для усиления наших разногласий? Европейский проект основывается на культурном единении, так как в ином случае можно рассчитывать лишь на спорную или нестабильную экономику и политические соглашения. Вебсайт www.mnemosophy.com содержит оставленный в настоящее время проект «Мосты Европы» как эксперимент над объективным существованием общего наследия, так как его большая часть так или иначе может одновременно принадлежать многим.

8.20. Знание — это путь к мудрости

Эту схему рисовали многие — без сомнений, независимо друг от друга; мне это пришло в голову как естественная последовательность (2007), простой и очевидный вывод об иерархии информатики. Неудовлетворение, с которого все началось, было также очевидно: музеи, предоставляющие информацию, делаются ею меньше, чем от них ожидал бы каждый, кто понимает их природу или потенциал. В книге «Мнемософия. Эссе о науке публичной памяти» я всеми силами пытался постигнуть «метафизику качества», к которой должны стремиться институты публичной памяти. Это привело меня к, казалось бы, неясным предложениям в объяснении необходимой формы и содержания этой коммуникации. Так *mneme* и *sophem* (ранее уже объясненные) были простыми предположениями, что только лишь коммуникативное, переданное креативным способом знание может стать основой репрезентаций музея и наследия. Но даже хорошо преподнесенное, знание может оставаться подобным притворной демократической возможности или «нейтральной» позиции. Начиная с момента создания атомной бомбы знание всё менее разумно эксплуатируют, и оно по определению не полезно. Неправильный с точки зрения политики и израсходовавший себя девиз благотворительности «общества знания» хорошо доказывает это. Следовательно, в своем лучшем проявлении знание — лишь основа того, что составляет его идеальный диапазон — мудрости. Последнее, в идеале, представляет собой недостижимую цель, как и любая добродетель. В упомянутой книге целая глава — это (вероятно) пустая попытка объяснить гуманистическую простоту этой концепции. Мудрость — сконцентрированное, отфильтрованное, обдуманное, установленное, ответственное и этически обоснованное знание. Мудрость активна, вовлечена, основана на ценностях и ответственна в отношении предполагаемой миссии профессий и их институтов. Деликатный или нет, это единственный способ приблизиться к жизни и служить людям. За дальнейшими пояснениями, пожалуйста, обращайтесь к книге «Мнемософия. Эссе о науке публичной памяти», которая находится в свободном доступе на моем сайте¹ (откуда взято большинство представленных заметок).

¹ URL: www.mnemosophy.com.

8.21. Почему знания может быть недостаточно и оно может быть опасно

Пытаясь показать абсолютную ничтожность знания, я шокировал своих студентов портретами трех медиков, которые стали яркими примерами чудовищной жестокости последней мировой войны (в действительности — любой войны). Одним был доктор Ариберт Хайм¹, известный как Доктор Смерть, другой — доктор Йозеф Менгеле², офицер СС, известный как Ангел Смерти, и третий — доктор Сиро Исии³, майор, а позже генерал. С их доступом к неограниченным экспериментам над людьми, они, должно быть, были очень квалифицированными медиками и очень опытными экспертами, но все трое были садистами, массовыми убийцами и отвратительнейшими представителями человеческого рода. К слову, первый исчез в 1962 году, второй утонул, а третий, получив освобождение, умер естественной смертью. Знания, воспринимаемые как факты, информация и навыки, полученные посредством опыта или образования, а также как теоретическое или практическое понимание предмета, могут впечатлить. Однако их значение и смысл определяются их пониманием и использованием. Моим студентам было сложно понять, что может быть не так с триумфальной реализацией «общества знания». В действительности, большая часть политиков все еще заявляет о твердом намерении привести свои страны к стадии общества знания. Они утверждают, что благодаря этому факту мы будем жить в безопасности и благополучии — как в некоем раю на Земле. А кстати, общества какого знания? Чьего знания? Заранее продуманного знания?

К сожалению, знание — это не то, что утверждало Просвещение, — освобождающее состояние и опыт, — и уж точно не панацея от пугающих сложностей, созданных неолиберальным идеалом. Знанием можно злоупотреблять, оно может стать инструментом порабощения и агрессии. Большой объем знаний в музее сам по себе ничего не значит. И использованное на благо

¹ Aribert Heim (1914–1992). — Примеч. ред.

² Josef Mengele (1911–1979). — Примеч. ред.

³ Shiro Ishii (1892–1959). — Примеч. ред.

сообществу и самоотверженно распространяемое, оно требует совсем иного ракурса. Компетентный куратор лучше, чем неуч, но он все еще бесполезен при отсутствии ответственности и морального обязательства перед сообществом пользователей. В отличие от кураторов, медики представляют настоящую уважаемую профессию, но также поучительную в своей истории заблуждений и испытаний. Три вышеупомянутых доктора — дегенераты из числа самых отвратительных человеческих существ. Их знания в действительности исходят из их преступных умов и произрастают из ужасающих экспериментов. Никто из них не получил наказания, которого заслуживал. И вот что я утверждаю: общество знания нуждается в еще одной характеристике и дополнительном определении качества и цели знания, чтобы оно имело какое-либо практическое значение. (Здесь мы бы «скатились» в обсуждение современной фармакологической индустрии и подобных ей, а также того, почему любая индустрия склонна злоупотреблять знанием, если в ней преобладает увлечение прибылью.) Адаптируя объяснение, я использовал тот же пример, чтобы объяснить, почему простое знание не может сформировать профессионализм: преданность почитаемой, социально ориентированной миссии. Любая профессия, безусловно, должна основываться на знании, но обязана зависеть от моральных принципов. Я попытался их разработать в нескольких главах книги «Мнемософия. Эссе о науке публичной памяти».

8.22. Государство, бедность и судьба музеев

Такое развитие ситуации было очевидным. Коммунисты провозглашали смерть государства, но вместо этого умер коммунизм. Представители демократий надеялись, что государство останется, чтобы помочь достичь всеобщего благосостояния, но оно, по сути, умирает от приватизации и как социальный механизм; оно существует, как кажется все чаще, с целью собирать налоги и распределять государственные средства частным корпорациям, которые управляют (некоторыми из принадлежавших ранее государству) общественными структурами. Само собой разумеется, ситуация различна

во многих странах, но одно правило незыблемо: бедные страны, страны «второго мира», «переходные» и подобные им всегда получают сполна несчастий. Для них глобализация — всего лишь очередная, столь же разрушительная Конкиста. Простая колонизация, как всегда осуществляемая местными вассальными элитами, замаскированными под экстремальный национализм. Миру во всех его значениях следует дать шанс, однако этого не происходит.

К слову, Европа, не говоря уже об остальном мире, едва ли будет в состоянии справиться с финансированием музеев, если полагаться все больше на благотворительные пожертвования от корпораций. Приоритеты определяют спонсоры, будь то средневековые короли, современные олигархи или паразитирующие ложные элиты так называемого крупного бизнеса, богатеющие за счет своих «бонусов».

Если некоторые музеи закрываются, то другие пытаются продать свои активы, третьи находят выход в слиянии с более крупными и обеспеченными, а четвертые все еще думают, что останутся вне досягаемости оттока капитала. Европа все еще отличается разнообразием, но оно было намного большим еще десять лет назад.

8.23. Тонкое определение качества

Стало относительно просто оценивать управленческие и институциональные процедуры. Изобилующая литература на тему практических вопросов функционирования качества не оставляет оправданий кураторам и другим специалистам в сфере наследия, если их учреждения плохо работают. Но определение качества выходит за пределы того, что могут посоветовать учебники. Лишь те, у кого есть критерии, знают, что такое качество, и в состоянии описать, предложить и продвинуть свой продукт. Но, между прочим, литературы о продукте музеев / наследия крайне мало; легко понять, что большинство из нас до сих пор не готовы встретиться с вызовом, когда общество находится в опасности, и со сложностью понимания сути процесса передачи коллективного опыта. Наши продукты недостаточно проработаны, и в большинстве случаев успех измеряется числом

посетителей. Ориентированность на количественные показатели, однако, — болезнь, поразившая не только нашу сферу. Пути достижения качества и мудрости различаются.

8.24. Межкультурность как навязанная необходимость

Суэта вокруг некой качественной характеристики или недостатка общества, как правило, сигнализирует о его кризисе, отсутствии благоприятного контекста или просто нечистой совести ответственных представителей общества. Словом, почему межкультурность не должна значить уважительное отношение к различиям, восприятие их как богатства? Оба подхода усиливают наш человеческий опыт и способствуют лучшему познанию себя, не так ли? Принимать различия — значит просто быть добрым, щедрым и мудрым. Но причины этих проблем не столько в нас, не говоря уже об их масштабе и срочности устранения. «Исцеление» источника этих проблем стало бы долгосрочным решением, ставящим перед нами не такую уж невозможную задачу. Мы всегда вынуждены исправлять, зная при этом, что решение было заведомо заложено в своевременном предотвращении. Если боссы этого мира наживаются на бедах, если войны продолжают быть самым крупным бизнесом — преступлением, получившим легитимность благодаря помощи политиков, мы и дальше будем иметь противоречия и беспорядки и будем вынуждены признать, что не можем справиться с их последствиями. Некоторая доля нового консерватизма происходит из этого растущего чувства беспомощности при столкновении с проблемами, которые превосходят их обычную динамику. Вот один сторонний пример: миграции всегда начинались вследствие различных проблем — в основном, войн и конфликтов, которые в итоге становились причиной волн беженцев. Их последствия катастрофичны, долгосрочны и широко распространены. Более того, автоматически предполагается, что мы справимся с ними, не задаваясь вопросом, кто их истинные виновники, — перенесем и адаптируем для общества эти последствия, как будто это был всего лишь очередной крах фондового рынка. Предполагается, что музеи не должны указывать на деликатные вопросы и тем более их задавать. Это неправильно.

8.25. Нам нужно общество знания или общество мудрости?

Выбирая общество знания, а не мудрости (не только информированное, но и мудрое), Запад наводнил общество избыточной, пустой, недостоверной и бесполезной информацией. Все больше авторов утверждают, что современные страны подвержены намеренному производству невежества и забвения. Бархатные тирании замаскировались под формы популизма, глобализированные шаблоны легкой манипуляции общественным сознанием: Интернет — это джунгли, СМИ подвержены манипуляции, институты раболепствуют, общественные интеллектуалы подкуплены... Малозначительные общественные повестки представляются как наиболее существенные. Будучи таковыми, они снижают внимание и пропитывают реальность фальшивыми противостояниями и разногласиями. Таким образом, они тратят общественные благие намерения, время и силы, лишь бы важные дела решались параллельно при незначительном или отсутствующем публичном участии. Если проблема курения сигарет стоит в самом начале списка мировых проблем, тогда единственный вывод заключается в том, что оно занимает место другой, гораздо более опасной проблемы. Кроме того, хотя курение вредно по своей сути, музеи смогли всего лишь объяснить, как природное качество табака настолько снижено химическими веществами, используемыми как при его выращивании, так и при переработке, что его вредность выросла до сегодняшнего уровня. Вниманием публики манипулируют точно так же, как это происходит в театре иллюзий. Ради этой цели все каналы передачи массовой информации, в том числе едва различимое проникновение в социальные сети, используются для постоянной, непрерывной агитации. Но музеи должны быть частью кибернетического менеджмента общества: они имеют смысл только в том случае, если в состоянии понять очертания проблем, находящихся в рамках их поля деятельности, и отреагировать, став частью решения этих проблем. Иногда просто предложить правильное представление, иногда — задать правильные вопросы, а временами — предложить ответы.

Музеи представляют собой механизм преемственности ценностей, которые мы считаем значимыми настолько, чтобы сохранить их с целью применения или как источник вдохновения.

Не говоря уже о том, что с глобальной точки зрения полезные музеи редки и сами по себе являются видом, находящимся под угрозой исчезновения.

8.26. Глобальный музей, коллекционирующий места и связанную с ними благородную память

В конце 1980-х годов у меня появилась идея создания музея любви. В тот период даже временные выставки, посвященные идеям и ценностям, редко рассматривались и осуществлялись. Было несколько таких выставок в парке Ла-Виллет (Париж) и несколько в Невшателе (Швейцария, Этнографический музей города Невшатель под кураторством Жака Энара¹). С тех пор я тщетно пытаюсь убедить многие музеи и власти поучаствовать в моем проекте или хотя бы отнестись к нему серьезно. В конце концов проект обрел форму и название на рубеже веков и был реализован в 2006 году в виде вебсайта. Его идея оказала некоторое влияние и стала вдохновением для других, однако не столько как глобальная сеть, сколько как напоминание о том, что практически любое сообщество может позволить себе иметь подобное место, посвященное тому, что люди любят называть «романтической любовью», и сделать его действительно всеобщим, имея в центре местную историю. Мы сделали несколько выставок проекта в Хорватии и одну в Сербии; в течение короткого периода времени небольшое публичное пространство в нашем семейном доме (на острове Хвар) выступало в роли типичного представительства музея. Любовь, безусловно, представляет собой универсальную идею, и эта «романтическая» вариация — лишь напоминание о более общем явлении.

Музей любви во всем мире коллекционирует места и воспоминания, связанные с ними. Сайт проповедует идею того, что вдохновение может помочь нам во времена, когда маниакальный материализм, эгоистичность и страх разного другого умаляют значение наших жизней. Любовь — это самое идеальное общение, какое можно себе представить. За счет полного отсутствия

¹ Jacques Hainard; род. 1943 — швейцарский музеолог и музейный куратор. — Примеч. ред.

эгоистичности она занимает особое место в ситуации человека. Сайт предполагает, что музеи ориентированы на ценности и их место в нашем мировоззрении, определяем ли мы нашу планету, обращая внимание на места любви или возводя стены и увековечивая места ненависти и страданий, как в основном и происходит. Эти два противоположных представления о жизни могут сыграть определяющую роль для нашего будущего.

Музей любви во всем мире так или иначе является вкладом в конструктивное будущее, так как большинство проблем этого мира могут быть связаны с отсутствием любви. В той или иной форме любовь — решение любой проблемы. Любовь для души — то же, что вода для тела, и это относится как к любому отдельно-му человеку, так к сообществу.

Эксперимент был длительным и поучительным, но в организационном и прагматичном отношении это все еще неудача. В сравнении с *Музеем разорванных отношений* (Загреб), ставшим мировой сенсацией, он предлагает менее привлекательную концепцию. По своей природе люди больше заинтересованы в необычных, занимательных, спорных и сенсационных темах. СМИ демотивируют и обесценивают значение романтического идеализма, имея дело с тонкостями человеческой природы. Зачем кому-то идти на риск социального конфликта и терпеть личные потери ради некоего эмоционального импульса, перед которым невозможно устоять? В то время как первый музей посвящен страстной жизни и надежде, другой — жизни благородной, но, увы, пропитанной страданием и неудачами. Спорный потенциал первого удачно попадает в современную восприимчивость и потребность в быстрой и остроумной сенсации. В Загребе находятся несколько музеев международного уровня, но туристы скорее потратят свою «музейную квоту» на остроумную иронию этого музея. Стремительно растущая сфера музееподобных художественных концептов, эдьютеймента или простых коммерческих передвижных стендов для селфи очевидно следуют этой логике. Однако эксперимент с *Музеем любви во всем мире* не окончен, так как в нем содержится огромный потенциал для туризма, связанного с чистой любовью, и он может стать более привлекательным в результате изменения концепции, все еще оставаясь перспективой, которую я хочу реализовать.

8.27. Доведенное до нищеты государство передает общественные интересы под мандат частным организациям

На Западе медиаиндустрия сведена до десятков крупных корпораций с целью обслуживания сети прибыльных и осуществляющих контроль корпоративных объединений. Политическая профессия погрязла в обслуживании коммерческого и корпоративного секторов. Государства потеряли собственный доход, отдав свои активы в результате хищнической, дикой, беспрецедентной приватизации. Организации гражданского общества все чаще обращаются за финансированием к правительствам и корпоративным фондам. Зачастую государственная администрация настолько подкуплена лоббистами, что попадает в ловушку, содействуя разочарованным, обнищавшим и безработным гражданам в их постановочной предпринимательской деятельности в сфере гражданского общества. С протянутой рукой, наделенные гражданскими полномочиями эти частные группы, как правило, отказываются от своих моральных принципов и изначальных идеалов, обратившись к неразборчивому сбору средств. Таким образом, организации гражданского общества становятся невидимыми проводниками различных политических и корпоративных интересов. Так их изначальная свобода приобретает цену, и большинство из них постепенно подвергают риску свою миссию и общие интересы, поддаваясь давлению и вымогательству. Это может показаться незначительным для музеев и наследия, но, учитывая тот факт, что музееподобных организаций и акций гражданского общества становится все больше, очевидно, что все большее количество публичной памяти подвержено риску вмешательства со стороны частных интересов.

8.28. Дерегуляция и приватизация подвергают опасности культуру и наследие

Дерегуляция—это часть неолиберальной стратегии, ведущая к чрезмерной приватизации и, как следствие, к хаосу и разделению власти на средневековый манер. Грубо говоря, существующая цивилизация придумала государственные институты и соответствующие профессии как способ управления

современным обществом. Эта стратегия уходит глубоко корнями в учение о гражданских правах, верховенстве права и в перспективе в представление об устойчивом развитии. Вследствие этого чрезмерная приватизация и товаризация общества, будучи полностью предоставленной корпоративным интересам, уже разрушили великую западную традицию гражданских свобод и открытости.

Но какое это имеет отношение к музеям, которые являются при этом «нейтральными научными организациями»? Что ж, прямое, так как музеи, будучи научными по своему подходу, по сути представляют собой коммуникационные и демократические институты, определенно не нейтральные, если они хотят представлять насущные интересы граждан в общественном договоре. И кроме того, сектор наследия должен знать, что следующим пунктом в меню на корпоративном столе будет общественный сектор; музеи и наследие станут его изюминкой, вызывающей восхищение. В некоторых странах медленная приватизация образовательной системы уничтожает любое качество и не позволяет обществу внедрять базовые ценности, необходимые для любого работоспособного общества. Культура все чаще рассматривается как набор активов, как продаваемая гуманитарная ценность, а наследие, пожалуй, — наиболее уязвимая ее часть, так как оно не защищено сильной, связанной с ним профессией. Продажа музеев или передача их в аренду уже начались. Нам стоит многого опасаться и многое познать, так как исчезновение публичного сектора в действительности означает падение любых естественных прав. У нас есть право на нашу память. Став полностью управляемой и спроектированной, природа с воздухом, водой, снегом, дождем, облаками, растениями и животными станет огромным рыночным ресурсом в руках нескольких анонимных держателей акций.

8.29. Необходимая перемена подразумевает новый образ мыслей и стратегию

Перед лицом всех этих глобальных вызовов музейный сектор как единое целое, скорее, часть проблемы, а не решения. Этого нельзя допускать. Может понадобиться целая библиотека

текстов, чтобы объяснить это в подробностях, примерах и с использованием аргументов. И все же благосклонный читатель этой книги может со вздохом потребовать того, что было бы лучшим подходом, чтобы изменить это, высказать убедительные аргументы в пользу новых практик и возможностей музеев и наследия, не таких недостижимых, как они могут показаться. Самый короткий ответ состоит в том, что нам необходим другой образ мыслей, новое отношение со стороны видов деятельности из сектора наследия. Будучи самым сложным изменением (в отличие от управленческого и технологического обновления), это потребует новой долгосрочной политики, подразумевающей обязательное профессиональное образование. Результатом должен стать хорошо скоординированный мегасектор публичной памяти. Чтобы быть куратором в музее, нужно быть больше, чем археологом, историком искусства, биологом или инженером — специалистом в области коммуникации с мышлением посетителя. Представители сектора должны стать значимыми и достойными доверия партнерами правительства и прочих держателей акций общественного договора. Как так может быть, что наши организации демонстрируют лишь крупницу своих коллекций? Почему мы не пустим этот огромный капитал в оборот? Для этого нам необходимо убеждение в том, что коллекции принадлежат всем нам и что мы можем создать сеть, включающую места, где мы совместно экспонируем наш потенциал согласно потребностям, как только они возникают в рамках этой сети.

8.30. Жестокая реальность конфликтующего мира и наша утопия

Любая миротворческая страна и любая культура постоянно нуждаются в уверенности в себе и консолидации. Многие страдают от постколониальной и неоколониальной реальности. Жестокий мир скрывается под маской опосредованных войн и вымогательства. Его большая часть должна незаметно превратиться в зону обеспечения великих держав. Но как может показаться, это находится вне наших сил и компетенций. Так, мы можем обратить внимание на тот факт, что информационная

война, война идентичностей велась всегда, а сейчас она стала более явной, коварной и эффективной, чем когда-либо ранее. Идентичности определяются как площадки для конфликтов — как ценности, чья хрупкость может породить страх подвергнуться опасности со стороны других. Любая ценность может быть обращена в прибыль или власть. Наши различия, таким образом, взяты на вооружение, чтобы стать источником разногласий, а не вдохновения и радости. Этот мир, который требует единения и создает впечатление понимания, что планета мала и находится в опасности, наводнен цинизмом и лицемерием: технологии придали этому старому общественному искажению беспрецедентные размеры и охват. Даже при поверхностном сравнении списков виновников загрязнения окружающей среды и корпораций, торгующих решениями этой проблемы, обнаруживается существенное совпадение.

Все мы лелеем в значительной степени несбыточную мечту о том, что у человечества все же есть шанс. Но он может быть использован лишь в случае кардинальных изменений в стратегиях развития. Если представить себе вариант решения: это могло бы произойти только при условии решающей роли тех известных профессий, что создавались для нашей защиты, и способности вызывать к жизни новые. Усовершенствование ситуации человека — задача, придающая смысл существованию любого человека, не говоря уже об институтах или целых секторах.

8.31. Действительно ли культура настолько дорога

Военно-промышленный комплекс и глобальные амбиции продолжают разжигать военную истерию и локальные войны, так как общественные силы успешно перенаправлены на создание публичного согласия. Не существует ни социальной энергии, ни законной возможности представить действительно масштабный публичный протест против разрушения общества. Культура окончательно включена в статью расходов, которые мы можем себе позволить только в том случае, если все остальное будет профинансировано. Вместо того чтобы рассматривать культуру в качестве приоритета, ее объявляют сферой огромных затрат, которые не все могут себе позволить, хотя как сектор

она в среднем никогда не обходится больше, чем в 1 % бюджета любой страны. Однако нас заставили поверить, что культура, будучи превращенной в креативную индустрию, и все что угодно, относящееся к этому сектору, могут зарабатывать самостоятельно на большую часть своих расходов. Если «кассовая» логика применима для голливудских фильмов, это не значит, что она должна подходить всем оставшимся. Сектор публичной памяти не только не может, но и не должен быть прибыльным, иначе он будет служить тем, кто занимается извлечением прибыли. Если государственный музей зарабатывает деньги, это хорошо. В редких случаях он может даже финансировать себя самостоятельно. Но работа не для прибыли — это обязательное условие функционирования институтов публичной памяти. Без него они быстро превращаются в свою противоположность.

Самый современный боевой корабль или подводная лодка стоит от 3 до 4 миллиардов долларов, и это где-то от 20 до 30 новых музеев среднего размера. За стоимость одного авианосца последнего поколения мы можем построить около 30 музеев размером с современную галерею Тейт Модерн. Естественно, если не вдаваться в более подробные расчеты стоимости проектирования всего вооружения, это сравнение должно убедить нас в том, что культура малозатратна. То, как мы распределяем финансовые средства в бюджете, в конечном счете всего лишь вопрос приоритетов, ничего более. Стоимость культуры — это малая доля любых военных расходов, и мы выяснили, что она напрямую способствует развитию и делает мир лучше. Все, чем должен заниматься сектор наследия, — охранять, защищать, сохранять, ценить и использовать богатство разнообразия, которое мы унаследовали. Любого разнообразия. Всего разнообразия. Если все институты наследия мира будут делать одно и то же, в идеале Земля станет безопасным и прекрасным местом для всех. На первый взгляд, это лишь дело образа мыслей. Но с реалистичной точки зрения все зависит от того, какую систему ценностей мы используем.

-
-
-
-
-
-

(9. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ: ЕЩЕ БОЛЕЕ ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ)

Настоящая книга — это парафраз тридцати лет преподавания. Выбор заметок среди тысяч был практически случайным: одни оказались пригодными для публикации, другие выглядели скорее как небрежно написанные памятки для интерпретации слайдов. Многие — до сих пор краткие, прямые, жесткие, некоторые — почти грубые или политически некорректные. Поэтому писать от первого лица остается честной инициативой, будь то лекции или демонстрация заметок.

Лекторы, как и их предметы, чаще всего выбирались студентами, сродни тому, как читатель выбирает книгу; это, к счастью, потому что в ином случае появилось бы чувство вины по поводу категоричных и разношерстных взглядов, с легкостью навязываемых другим. Я также признаю в некоторой степени напористый тон: мои лекции никогда не были нейтральными, и не могут быть собранием заметок, смутно напоминающим, что такое живое общение. Я всегда предпочитал риск встретить неприязнь и противостояние, поскольку он также содержал противоположную возможность быть вознагражденным согласием — порой светящимся, вдохновленным лицом в аудитории или, иногда, одобрительными аплодисментами публики. Выдвинуть сильный тезис — честная позиция, так как только это может возбуждать умы и вдохновлять на самостоятельное мышление. Я намеренно рассматривал свою роль не как объяснение, но, скорее, как часть процесса исправления и адаптации в достижении сбалансированных, жизнеспособных и прочных суждений. Некоторый радикализм просто служит этому кибернетическому стремлению к противодействию, способствуя достижению баланса при коллективном планировании нашей

работы и структурировании нашей миссии. Поэтому я не против того, что мой вклад служит простым строительным материалом для некоторого будущего, высшей оценки положения дел в мире и способов, которыми он запоминает свое прошлое.

К счастью, ожидается, что профессора будут говорить к лекциям и писать, в ином случае их работа полностью напоминала бы деятельность актеров. Лекционные залы, будем честны, зачастую оказывают меньшее воздействие и менее поучительны, чем настоящие театры. Воспринимаемые всерьез и креативно, профессорские кафедры — всего лишь небольшие сцены, где демонстрируется сложная форма монолога. Книга может значить больше, но, безусловно, это не то же самое, что лекция, которая часто глубоко мотивирована живой аудиторией и в которой используются все формы коммуникации для передачи сообщения или убеждения, или же просто для поощрения мышления. Так что стоило попробовать совместить написание текста и кое-что из оставшейся убедительности непосредственного живого опыта. Примеры редко выпадавшего мне успеха и многочисленных неудач, книги и статьи — все представлено на медленно развивающемся сайте www.mnemosophy.com, из которого родилась эта «экспозиция». Сфера общественных и гуманитарных наук должна быть свободна от ограничений авторского права. Знание и понимание для социальной общности — то же, что вода для тела, а любовь для души. Незаменимо: человечество не может двигаться вперед лишь за счет своих бесконечных завоеваний. Невозможно брать бесконечно.

Некоторые заметки были актуализированы в процессе подготовки книги. Недолговечные по форме, они не заслуживали какого-либо серьезного отношения с точки зрения сохранения их первоначального контекста в уже состоявшихся лекциях. Кроме того, будучи по большей части интерпретациями и пояснениями лекций в сопровождении слайдов, они всегда представляли собой то, что может быть изменено или адаптировано под аудиторию. Некоторые из последних версий демонстрировали, что профессора часто учатся в процессе преподавания. Как утверждает еще один пример хорошо отобранной памяти, доставшейся нам по наследству от римлян: «Обучая, мы учимся сами» (*Docendo discimus*).

Имея богатую биографию, я в некотором роде представляю, что выступаю от имени тех среди тысяч коллег, кого встречал, кто много не пишет и не имеет времени или стремления оказывать влияние на других в отличие от меня. Мы разделяем общее убеждение в том, что свидетельства простых членов нашей профессии заслуживают доверия и необходимы, как и работы наших коллег — ведущих специалистов. Меня посещала мысль, что следует говорить от их имени, компенсируя их скромность и самоотречение. Нас объединяет увлечение музеями и другими разнообразными способами, которые использует прошлое, чтобы постепенно превратиться в настоящее и будущее. Наша зарождающаяся профессия все еще не требует обязательного специализированного образования, поэтому увлечение едва ли придет в результате полученного знания, но скорее представляет определенный талант, почти черту характера. Лучшие кураторы не выбирали работу, работа выбрала их, как это случается в творческой сфере.

Я уже извинился за форму этой книги, которая задумывалась как ненаучная и поэтому намеренно свободная, непринужденная и наивная. Это, однако, сознательная попытка донести аргументы до всех, кто считает, что мы не можем доверить мир частным лицам или группам людей (какими бы могущественными или богатыми они ни были) независимо от того, какие общественные интересы мы рассматриваем, не говоря уже об обработке памяти любого общества.

В приватизированном мире можно владеть всем или, скорее, все должно иметь владельца, индивидуального или корпоративного. Так же, по всей видимости, и с наследием или любой институцией или процессом, им занимающимся. Но это навязчивое отклонение нашего времени, как и снижение гуманистических критериев, полностью противостоит всем устремлениям человечества и, кроме того, неустойчиво.

Слишком многое принадлежит человечеству, всем нам, живым существам по закону природы, чтобы оставить это на прихоть отдельных личностей. Одним из этих благородных прав — как личных, так и общественных — является распознавание, коллекционирование, изучение, сохранение и трансляция того, что помнить и с какой целью.

Переход на цифровые технологии сделает общий знаменатель институтов памяти более очевидным и послужит толчком для процессов сжатия сектора так, что он приведет к единению и с помощью единения — к способности реагировать совместно. Этот нереализованный мегамозг, материальное вещество некоего общего сознания человечества, существует обрывками — недостижимый, но всегда представляющий собой вызов, которому стоит следовать. Институты наследия существуют, чтобы облагородить индивидов и сообщества, чтобы найти наш путь от простого сознания до сознательности. Институты публичной памяти — это катализаторы, энзимы, усилители, акселераторы, стимуляторы, посредники и «облагораживатели»; они предназначены для того, чтобы быть полезными — не просто пассивными наблюдателями.

Тем, кто проигнорирует мои заявления по причине идеологического предубеждения, я могу лишь сказать, что государство может быть деспотичной структурой, но история утопий рассматривает его в основном как форму общественной организации и инструмент достижения благосостояния его граждан. Все остальное — правомерно не принимаемые в расчет отклонения от концепции и злоупотребления ею, если обществом как машиной управляют высококвалифицированные и гуманистически мотивированные профессионалы, включая представителей гражданской администрации. Это оставляет обсуждение интересов в рамках общественного договора демократическим процессам, управляемым политикой. Музейная работа не станет профессией, но вместе с другими видами деятельности в сфере публичной памяти она может превратиться в наиболее эффективную силу в процессе передачи общественного опыта. Все профессии непременно пересекаются в своих компетенциях, но это не отрицает их, а, скорее, консолидирует их миссию. У нас нет иного выбора, кроме как сделать мир лучше — вопреки существующей реальности. Сохранение контрольного пакета условных акций в сфере передачи коллективного опыта вполне может стать определяющим для судьбы человечества. Мы не можем доверить это ни частным интересам, ни умным машинам. От знания нам необходимо перейти к мудрости, так как все прочее — это несовершенства и обман.

○
○
○
○
○
○

(10. ПРИЛОЖЕНИЕ: ИНТЕРВЬЮ И ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ОТЧЕТ)

10.1. Публичная память связана с передачей формирующих нас ценностей¹ (интервью журналу «Музей», № 3 за 2017 г.)

Двадцать первого ноября 2016 года Вы прочитали открытую лекцию в Музее истории ГУЛАГа в Москве о полезном музее в век наследия. Не могли бы пояснить, что Вы подразумеваете под «веком наследия»? Это абстрактная идея или мы действительно зависим от наследия в сегодняшнем непоследовательном мире?

Еще в середине 1960-х Жермен Базен написал свою великую книгу «Век музеев». В ней он выразил беспокойство о том, что «культура» может в итоге оказаться «прикованной» и «плененной» распространением музеев. Он указывал на то, что музеи жизнеспособны в том случае, если находятся в частном владении. В этом заключалась его основополагающая точка зрения, так как он высоко ценил американские музеи. Однако на кону было и есть гораздо больше. Как музеи могут распространить свое влияние на общество, кроме как избавить реальность от музееализации, что служит подходящим названием для этого пессимистического страха. С тех пор мы наблюдаем огромный музейный бум. Наследие представлялось как идея, стоящая за всеми попытками сохранить качество передачи коллективного опыта. Нам стала известна структура институтов публичной памяти, среди которых музеи остаются наиболее привлекательными и обладающими коммуникативным потенциалом. Развитие было насыщенным и сложным, но я считаю, что по сравнению с наукой и красотой мы изменили парадигму для встроенных систем ценностей, если они рассматриваются как местная или региональная

¹ Интервьюер — гл. ред. Е. Медведева. Опубликовано под заголовком «Наследие как основа идентичности». Для настоящего издания текст был расширен и отредактирован автором. — *Примеч. ред.*

идентичность. Если это верно, то мы сейчас занимаемся деятельностью по управлению ценностями, включающей изучение, распознавание, коллекционирование, сохранение и трансляцию того, что мы понимаем как незаменяемое для устойчивого, то есть гармоничного и сбалансированного, развития. Это нечто большее, чем век музеев, — пожалуй, век наследия. Таким образом, это словосочетание описывает реальность как фактическую, так и абстрактную, но я все еще убежден, что публичной памятью должно, до определенной степени, распоряжаться общество, ее нельзя оставлять на милость частным лицам или корпорациям. Неважно, как мы понимаем свободу инициативы или частных интересов, лишь посредством демократической процедуры и при содействии науки мы можем решить, какую судьбу выберем или какие ценности будем использовать для построения будущего. Упомянув «век наследия», я в то время фактически раскрыл проект своей книги. По большей части я его выполнил, но сомнения и обязательства в отношении чтения лекций и семьи показались мне достаточным основанием, чтобы притормозить его. Текст в значительной степени написан, но не завершен. Произнеси я «наследие», половина моей воображаемой (недостижимой) аудитории потребовала бы уточнения, говорю ли я о культурном наследии. В действительности нет... всегда о большем.

Вы также говорили об институтах памяти...

К счастью, за последние тридцать лет голоса (очень редко звучавшие в самом начале этого периода), которые напоминают нам о том, что музеи — это лишь один из институтов памяти, приумножились настолько, что акронимы GLAM или LAM стали привычной реальностью. Однако я все еще вижу, что большая часть моих слушателей, даже зная эти акронимы, нуждается в том, чтобы познакомить их с аргументами в пользу этого профессионального образа мышления и его возможными последствиями. Уже несколько десятилетий я называю их институтами «Трех С» (архивы, музеи и библиотеки), так как при всем их растущем разнообразии описание их рабочего процесса одинаково: собирание, сохранение, коммуникация¹. Даже распределение их основных задач практически одинаково. Можно лишь подставлять их названия. Только будучи объединенным большой, пусть даже несвязанной, но единой профессией, гражданское общество станет хозяином собственного разума.

¹ В английском варианте три «С»: *collecting, care, communication*. — Примеч. переводчика.

Память как научно отобранный и основанный на моральных принципах коллективный опыт составляет основу всего. Я всегда стараюсь давать самые очевидные обоснования из практики. За последнее время у нас есть множество примеров неожиданной привлекательности выставок, которая была достигнута благодаря неограниченному образу мышления. Но последствия этого достигают стратегий развития общества. Можем мы ли рисковать, оставляя нарративы публичной памяти на откуп СМИ, принадлежащим корпорациям? Следует ли нам допустить, чтобы память стала очередным товаром для торговли? Мы наблюдаем ужасающие последствия этого по всему миру.

Современный музейный дискурс представляет много мнений о влиятельной роли музеев как посредников перемен. По Вашему мнению, вполне ли музеи справляются с этой ролью?

В правильном понимании музеи **являются** менеджерами изменений; они могут вести себя как летописцы, но в своем лучшем проявлении они помогают документировать и писать историю в качестве действующего, авторитетного, коллективного профессионального органа. Изменения происходят, но они могут быть как благоприятными, так и опустошающими для сообщества, нации, конкретной культуры или идентичности. Выполняя роль балансирующих сил, а не создателей изменений, музеи существуют, чтобы помочь нам адаптироваться, привыкнуть, скорректировать и противостоять этим переменам. Они часть культуры, которая (не Ролан Барт ли сказал это?) является совестью науки. Наука — это знание, благодаря которому общество продолжает жить и развиваться, но в нем могут отсутствовать механизмы ответственных, этических, не говоря уже о гуманистических и эстетических, решений. А культура обладает качествами балансирования, ведения переговоров и урегулирования, так как включает в себя множество составляющих. Как правило, эти качества проявляются в форме непрерывного оценивания по шкале от восхищения до критики. В своем лучшем проявлении она представляет собой глубокое понимание явлений и идей по мере того, как они развиваются вокруг нас. Так, если даже искусство не может претендовать на некую «нейтральную» позицию, отстраненную от реальной жизни, как это могут делать музеи? И, как нам известно, музейные кураторы часто стремятся отрицать тот факт, что музеи — это политизированные учреждения. Безусловно, мы еще не представляем влиятельную автономную профессию, чтобы принять вызов, взять на себя ответственность и стать партнерами для других участников общественного договора.

Как музей должен балансировать между необходимостью удовлетворять интересы своей аудитории, на которую оказывают влияние мировые тренды производства и потребления, и его миссией прививать ценности и смыслы культурного наследия?

Фактически удовлетворение потребностей (не желаний!) своей аудитории (или, как нам, вероятно, следует их назвать — пользователей) — единственный способ для музеев выполнить свою миссию. Они должны предлагать применимые, надежные ценности, исходя из самой своей идентичности, так, чтобы люди чувствовали себя открыто, свободно и при этом безопасно в обстановке, где они предоставлены на милость безрассудных властей имущих во все более неолиберальном мире.

Вы были в России много раз, и мы знаем, что Вы любите нашу страну. Заметили ли Вы важные изменения в российском музейном секторе за последние годы? Являются ли они позитивными с точки зрения Вашего опыта?

Я действительно люблю Россию. Она заключает в себе мифическую сущность, как Индия, Мексика или Китай. Мое отношение культурно окрашено, так как для меня, хорвата, слышать русский язык подобно тому, чтобы слышать, как говорит само славянское прошлое. Остальные славяне, в отличие от представителей других культур, могут гораздо легче постичь тонкости русского мышления. Все культуры рождаются равными, но русская культура и наука дали миру таких гигантов, что эта культура вызывает уважение и восхищение. И к тому же, обладая огромными размерами и богатой природой, Россия еще и успешная мультикультурная страна. Многообразие — это богатство и возможная перспектива нашего мира. Я усвоил это лучше, несколько раз посетив Россию. Насколько я сейчас понимаю, российская идентичность не славянская, а по своей природе сложносоставная без социальной напряженности: физиогномика практически не имеет значения для того, чтобы ощущать себя русским или считаться таковым. Этот динамизм и гибкость в разделении — одна из центральных идей. Запад навязал себя всему остальному миру в экономическом, политическом и культурном смысле, но реальный мир все с меньшим и меньшим пониманием относится к исключительности или превосходству. К бывшим империям с полным на то основанием относятся с подозрением, но я не вижу таких соблазнов в современной российской идентичности. Будучи связанным с западной культурной парадигмой, я нахожу радость

в понимании этого богатства. Как и повсюду, если публичные институты не возьмут на себя моральных обязательств, то содержащиеся в ней различия будут использованы для наращивания конфликтов.

Возвращаясь к Вашему вопросу: общее впечатление о развитии музеев в России положительное. Произошло колоссальное изменение, пожалуй, даже впечатляющее для тех, кто видел, как дела обстояли в СССР. Часть обновления произошла, думаю, из желания следовать мировым трендам. Я имею в виду, что некоторые изменения были своего рода имитацией того, что происходит на Западе.

Но кто сказал, что нельзя быть лучше, оставаясь собой? Делая это по-своему. Совершенствование музеев отдано на откуп архитекторам и дизайнерам, что происходит во всем мире, это (часто) не стоит затрачиваемых средств и не должно стать обычным порядком для сектора наследия. Знаковые здания—это бонус (так как мы ориентируемся на привлекательность), но нам следует больше заботиться о качестве внутреннего процесса. Слава больниц никогда не связана со зданиями, но со способностью помогать своим пользователям.

Как только увлечение построением «соборов» наследия проходит, мы сталкиваемся с логикой обслуживания населения. Когда происходят значительная модернизация и концептуальное развитие, как, например, в случае с Эрмитажем, у вас есть повод для гордости. Станет ли грандиозный Пушкинский музейный комплекс (ГМИИ им. Пушкина) также современным, мне сложно сказать. Должны происходить сотни успешных трансформаций. Те, которые имеют национальные награды и которые мы ежегодно видим в Дубровнике, очень убедительны... Но, возвращаясь к теме, я думаю, что Музей истории ГУЛАГа—это превосходное, весьма оригинальное решение, хотя хотелось бы надеяться на большую амбициозность в показе несправедливости и жестокости отчужденной, вырождающейся системы. Но самым близким моему сердцу остается Музей Маяковского. Я близок к тому, чтобы сказать: жаль, что его сделал не я.

Во время лекции в Москве Вы упомянули идею проекта «Это Россия». Не могли бы Вы рассказать о нем подробнее?

С радостью. Стратегическое планирование на уровне национальной идентичности—яркий пример предполагаемого или реального результата теоретического утверждения о том, что мы живем в век наследия. Я обожаю теорию, но считаю ее бесполезной болтовней на конференциях по туризму (для незанятых профессоров и далеких от жизни кураторов) в случае, если она не может предложить практические

решения. Я — автор многих проектов и консультант примерно по 15. Этот проект в общем виде имеет историю длиной в тридцать лет. В течение длительного времени я писал, ссылаясь на него, как на идею «третьего поколения» национальных музеев. Однако политики предпочитают безопасные решения, тогда как большая часть музейного истеблишмента продемонстрировала недовольство и недоверие, когда я представил этот проект. Уверен, что такая концепция будет иметь успех, когда здравый смысл и научное понимание публичной памяти наконец пересекутся. Но — к практике! Представьте благосклонного иностранного туриста, прибывающего в Россию. Итак, он или она приезжает, вероятнее всего, со слабыми знаниями о России и с грузом заблуждений и предубеждений. Некоторые берут туристические путеводители и читают то, что в них предложено, кроме того, существуют джунгли Интернета, предлагающие некоторые тропы по русской идентичности. Они, вероятно, все приведут на Красную площадь, к Кремлю, в некоторые крупные музеи и к нескольким улицам (с ресторанами, в основном подающими иностранную еду, если позволите дружеский цинизм).

Некоторым везет посетить другой город или два, редкие туристы мимолетно увидят в окно пейзажи этой эпически огромной страны, и на этом все. А как насчет трех тысяч музеев, тысяч имений, дворцов, памятников, природных парков..., которые предлагает эта страна? Самая большая в мире страна выражает свой мультикультурализм на 35 официальных языках. А что скажете о разнообразии ее народов и культур, их верований, обычаев, традиций — их продуктов, пищи, мастерства, ремесел и т.д.? Что ж, практически ничего. Я думал, что следует установить центральный пункт интерпретации и ориентации, чтобы предложить общую картину и возможность сенсibilизации к этой сложности во времени и пространстве.

Но Вы также говорили, что музеи существуют в первую очередь для местных жителей.

Да, в первую очередь, так и есть. Так, давайте на секунду забудем об иностранцах. В самом ядре институциональной природы находится идентичность, на которой она основывается и которую представляет. Ж.А. Ривьер говорил, что (в экомузеях) туристы — это дополнительное преимущество. Благословенна та страна, которую любят посещать жители других государств, прекрасно, что они наслаждаются гостеприимством во всех его формах, но, фактически, мое утверждение заключается в том, что музеи предназначены в первую очередь для местных жителей,

и чем лучше они для них, тем больше они будут нравиться иностранцам. Пояснительный рассказ о месте, в которое они приехали, — часть этого процесса. Но туристы приходят и уходят, в то время как Россия остается домом для почти ста пятидесяти миллионов потенциальных пользователей учреждений, посвященных их идентичности. Основной вопрос для музеев: достаточно ли вы хороши для своих собственных людей? Они должны знать свою страну, быть в состоянии ее ценить и смотреть на нее критически — отождествлять себя с ней согласно собственному желанию и убеждениям, мотивированные поддерживать ее уникальность.

Мы все хотим показать, как отличаемся от остальных. Это справедливо, потому что служит основой уверенности в себе, так необходимой для развития и баланса в обществе. Это специфическое отличие — надежная основа для бренда и уникальное торговое предложение в туристической индустрии. Страна, не имеющая высокого и самобытного престижа, представляет собой маловероятную цель как для путешествия людей, так и для вложения инвестиций, она, вероятно, превратится в место оттока своих собственных граждан. «Утечка мозгов», эмиграция и культурная субординация напрямую зависят от этой привлекательности и самоуважения.

Традиционное решение удовлетворить местных пользователей представляет собой то же самое, что предлагается иностранцам, — в основном музеи и презентабельные памятники. Безусловно, культурные практики повсюду следуют одному и тому же, типовому примеру. Созданные, как правило, в качестве поддержки установления признаков национальной принадлежности, даже национальные музеи не осознают в полной мере свое воздействие.

Но число музеев растет, значит, качество сервиса становится лучше, не так ли?

Растущее значение наследия, увеличивающаяся забота о нем и стремление к его представлению привели к беспрецедентному и теперь печально известному стремительному росту музеев. И специалисты, и публика испытывали потребность в них, но ни одна из сторон, по крайней мере до недавнего времени, не могла выразить эту потребность должным образом. Эта потребность была так интерпретирована, что выросло число музеев, а не эффективность и качество сервиса. Итак, нам нужны также различные музеи, даже такие места, как упомянутый проект «Это Россия». Изобилие имеет свои отрицательные стороны, как, например, большее количество деталей в паззле: более широкая фрагментация

делает общую картину более сложной для восприятия и сборки, выбор, что посетить и использовать, сделать еще сложнее. Традиционные музеи не в состоянии справиться с такой грандиозной задачей. Большинство из них в любом случае обращаются к (научным) фрагментам этой идентичности. Национальные музеи упустили свою возможность представить пригодную картину идентичности, обычно концентрируясь на истории культуры (которая, однако, лишь часть идентичности) и внутреннем специализированном распределении предметов, как правило, согласно хронологии, в рамках научных категорий.

Образно выражаясь, это мегапредложение расплывчатой темы национальной идентичности напоминает огромную коробку перемешанного паззла с необычными, пересекающимися деталями, которые вырезаны в разных пропорциях и из различных материалов. Можем ли мы вообразить, как они успешно представят какую-то достоверную общую картину идентичности страны? Следует также иметь в виду, что противоречивые интерпретации нормальны и реальны, они должны находить свой путь к коммуникационному предложению. Таким образом, эта задача требует зрелой профессии, а не просто образованных граждан (претендующих на научный статус), работающих в музеях.

Вы также критиковали качество посещений.

Посетители из числа жителей страны в зависимости от возраста и образования были бы более компетентными и способными точнее понять смысл музеев, картины, которую иностранные посетители упустят в виду отсутствия соответствующих знаний, ложных интерпретаций или иногда банального предубеждения. Учитывая лихорадку, подразумевающую путешествия ради самих путешествий, вызванную туристической индустрией, лоббированием со стороны транспортной индустрии и поддержкой СМИ, посещение заграницы зачастую превращается в пустое блуждание в поисках развлечений. «Если сегодня вторник, то это должна быть Бельгия» – название очаровательного фильма, который стал предвестником мышления массового туризма, непригодной публики и маниакальных путешественников. Или «Увидеть Париж за четыре часа» могло бы стать названием синдрома бесполезных путешествий и ничего не стоящих посещений. Правдоподобен ли этот сценарий несмотря на все наши усилия? Я бы сказал, что да, если мы будем не самовлюбленными (в связи с успехом), а самокритичными (в результате нереализованного потенциала) и активно искать способы для улучшения нашего предложения. Продвинутый современный посетитель предпочитает

увидеть, что собой представляет внутренняя реальность и что может предложить местный культурный сектор. Приспособиться и поделиться с другими – вот стремление креативного туризма.

Однако посещение музея иностранцами также может стать вдохновением для представления национальной идентичности.

Во многих отношениях это так... Много лет назад, когда я часто приезжал в Хельсинки, мне приходила мысль о том, что в городе (на тот момент) 56 музеев увлеченный, любознательный посетитель не мог постичь ни финскую идентичность, ни то, что было бы предложением для интересующегося ее деталями. Проект «Tama on Suomi» («Это Финляндия») никогда не был реализован, но я до сих пор считаю его актуальным предложением. То же самое если вы представите, что, когда приедете в Москву, там будет постоянная экспозиция под названием «Это Россия». Это было бы введением во все, не только культурное наследие. Это стало бы местом, где каждый сможет увидеть и почувствовать общую картину России, обнаруживая и отмечая объекты своего интереса и придерживаясь их в рамках богатого предложения как организаций, так и живой среды. Наследие находится не только в музеях! Выставка могла бы быть выстроена так, чтобы представлять собой место, в котором ребенок и взрослый, невежда и интеллект, пенсионер и руководящий работник могли бы найти понимание, вдохновение и почему бы не развлечение. Общая тема «Россия в измерениях времени, пространства и духа» была бы живой и меняющейся, поскольку новые и более удачные интерпретации сменяли бы друг друга. Такую выставку имело бы смысл повторить, чтобы предлагать ее не только в одном месте страны.

Вы говорите об определенных прототипах и аргументах в пользу этого центрального интерпретационного «музея».

В 1978 году пример передовой практики – Музей еврейской диаспоры имени Нахума Гольдмана в Тель-Авиве – был ересью, которую реализовали, – огромный музей без единого оригинального предмета. Ему также удалось получить членство в музейной ассоциации. Использование моделей и копий все еще осуждалось, несмотря на давнюю традицию, берущую начало в XIX веке. Сейчас, однако, мы живем в культуре симулякров и находимся на триумфальном пути новых технологий и мультимедийных средств. Дополненная реальность, 3D-маппинг, сверхреалистичные сканированные копии чего угодно, на что упал наш

взгляд, 3D-печать, цифровой мир 5G, входящий в эпоху искусственного интеллекта... Наконец, мы должны выйти из своей зоны комфорта и сдерживать свое увлечение оригиналами (гарантируя их уникальное значение) и смело строить грандиозные витрины идентичности, полностью используя этот удивительный потенциал, когда это уместно. Старые добрые музеи не пострадают: это будет лишь прокладывать к ним путь. Хорошая теория все еще отводит им важную роль. Такое место введения в сложность русской идентичности, свободное от языка (но не ответственности) специалистов, должно быть построено как коммуникационная институция при помощи мультидисциплинарной команды, состоящей из лучшего театрального режиссера, сценографа и инженера по освещению, плюс драматурга, дизайнера интерьера, архитектора и возглавляющего команду куратора(ов). Я уверен, что большинство посещающих зарубежные страны туристов хотели бы иметь возможность качественного знакомства с местной идентичностью.

Речь идет о секторе наследия, а не только о музеях и, как следствие, о различной коммуникации.

Однажды наш воображаемый любознательный посетитель откроет для себя в предложенной панорамной картине то, что он или она ищет и что больше всего соответствует его или ее личным интересам. Только тогда колоссальное российское наследие, богатое в своем разнообразии, но слабо скоординированное, откроется в своей удивительной разнородности и достижениях. Говоря языком простой, банальной розничной логики, предложение сектора наследия превзошло способность наших клиентов ориентироваться и получать информацию согласно их интересам: как в огромном супермаркете им необходима информационная стойка, план (макет), сенсорные экраны и консоли, чтобы добраться до предпочтительных вариантов. Возвращаясь к нашим сложностям наследия — нам все чаще нужны точки соприкосновения и ориентации — места обзора. Интригующие с художественной точки зрения, по своей коммуникативной природе они могут оставаться простыми, но научно обоснованными, чтобы после посещения такого места человек был осведомлен о сильных или доминантных чертах русской идентичности согласно критериям профессии(й) в сфере наследия.

Еще несколько доводов в пользу инновационной поступи сектора: сегодня идентичность систематизируется в музеях согласно научной классификации: история, естественные науки, искусство, техника и т.д. Стоит ли и говорить об этнографии, антропологии, этнологии, геологии,

не считая петрографии, малакологии и подобных наук, мало или ни о чем не говорящих многим посетителям музеев. Выходя из (большинства?) музеев, их посетители чувствуют себя более приниженными, нежели до посещения. Много делается и еще больше будет сделано, поэтому описанное не безнадежная перспектива, но, став весьма коммуникационным и социально ориентированным, сектор наследия нуждается в развитии в двух направлениях: одном, которое будет его представлять и служить ориентацией, и другом – динамичном, живом, активном и постоянно меняющемся. Первое соответствует проявлениям общей миссии, а второе обращено к существующим потребностям в сообществе или группе, реализуясь в преимущественности временных, *pop-up*, микромузеев, акций в сфере наследия, мастер-классов, передвижных выставок, виртуальных музеев, выставок и структур памяти, деятельности смешанного типа – всего как комбинации официального, относящегося к гражданскому обществу, и частного. К последнему можно добавить еще экономузеи, микромузеи и центры интерпретации, но они сами по себе составляют стратегическую область.

Есть ли у Вас рекомендации по содержанию этого главного центра интерпретации?

Ответ на первую потребность мы уже описали как своего рода огромный центр интерпретации всего наследия России. В то же время это фактически стало бы развлечением, связанным с наследием, за счет уникальности художественной и технологической творческой работы в представлении общей картины. Его воплощение следует оставить ученым, но только квалифицированным, в сотрудничестве с визуальными и театральными художниками и экспертами по новым технологиям и мультимедийным средствам, чтобы предложить обзоры так, как их распределила бы сама жизнь. Около тридцати лет назад скандинавские музеи начали перспективный проект (SAMDOK), нацеленный на рационализацию коллекционирования и экспонирования предметов наследия. В то время они утверждали, что действительность должна быть представлена логическими единствами согласно феномену организованного общества. Таким образом, проект «Это Россия» (или как бы в итоге его ни назвали) мог бы иметь такие темы, как фермерство (племенное животноводство, рыболовство и охота, пчеловодство, выращивание фруктов и овощей, виноделие...), питание (пища, культура, здоровая еда, напитки, сладости и т.д.), производство / промышленность (бумажная, текстильная, металлургическая, электрическая, электронная, строительная,

производство обуви и спортивных принадлежностей, ювелирных изделий и т.д.), занятия (торговля, предпринимательство, социальная деятельность, частная...), сфера общественных услуг (электричество, газ, банки, отели, пабы, учреждения, страховые службы), культура (политическая и экономическая история, системы ценностей, этнокультурное разнообразие, жилые помещения, язык, культурное пространство, семья, массовая культура, религия), искусство (визуальные виды искусства, музыка, кино, театр, литература, танец, фотография, телевидение, видео...), образование (система образования, его структура, его потребности, его будущее), коммуникации (все виды транспорта, издательское дело, телекоммуникации, электронная обработка данных), социальная организация (общества, ассоциации, группы...).

Любой креативный ценитель наследия мог бы моментально придумать, что еще можно добавить: фильм «Россия — мозаика красоты», интерактивное подкрепление, аудиопространства «То, как мы говорим», включающие богатство языков и способов письма, и т.д. Это был бы проект, не имеющий очевидных предшественников, поэтому СМИ были бы в восторге от этой новости. Совсем необязательно, чтобы он дорого стоил, так как возможно избежать самого крупного из обычных музейных расходов.

Что Вы считаете препятствием для реализации подобных идей?

Мое первое предложение такого рода предназначалось для словенской музейной сети в 1987 году. Способность консервативных, традиционных структур и типов мышления впитывать инновации и идти на определенный риск служит мерой успеха и прогресса. Наш сектор так и не эволюционировал в профессию, что останется его исторической неудачей. На это много причин, и они менялись с течением времени и в зависимости от обстоятельств. Информационная наука и кибернетика были мощными аргументами в пользу прекрасного будущего, но они исчезли; первая сократилась до информатики, а вторая потерялась на просторах Интернета. Интерпретируя природу первой, мы могли бы прийти к тому, что любому обществу следовало бы стать держателем контрольного пакета акций в секторе институтов памяти. Как следствие, мы бы обеспечили преобладание общественных интересов над частными и неминуемой товаризацией принципиальных ценностей, с помощью которых общество процветает. Осваивая огромный общественный потенциал кибернетики, следовало бы знать, что мы обречены управлять миром — и созданным руками человека, и миром природы. Результатом стала бы чистая совесть оттого, что мы не позволяем частной прибыли

править миром. Мы все больше переживаем хаотичное, агрессивное, алчное и безответственное развитие, не ориентированное на общество. Публичная память слабо защищена от подавляющих интересов.

Вы упоминали хорватскую поговорку...

Она гласит, что каждый сам кует свое счастье. Я подразумевал то, что будущее музеев и наследия во многом зависит от нас. Препятствовать подобному проекту в первую очередь, вероятнее всего, будут музеи; это произошло в Словении, где их попросили высказать свое мнение. Музеям стоит воспринимать подобные стремления как расширение и содействие их миссии, а не как навязанные и конкурирующие структуры. Со временем другие организации, чьи интересы пересекаются с музейными (и интересами сектора наследия), берут инициативу и, разумеется, никогда не спрашивают музейный сектор о его мнении, не говоря уже об одобрении. Государство становится все более слабым и менее заинтересованным. Отсутствующее коммуникативное содержание частично может быть создано нашими соперниками, например туристической индустрией. Парк «Зарядье» в Москве (2017) вышел за рамки этой стратегии, воспользовавшись знаниями иностранных экспертов и, похоже, их пониманием природы наследия. В Китае построили самый большой в мире национальный музей, но, опять же, в виде традиционного музея, достаточно неудобного для посещения из-за его размера и однообразного дискурса. Было время, когда подобные гигантские музеи включали, как минимум, одну часть, предназначенную для общего просвещения в отношении сложности китайской идентичности. Всегда действовало одно правило: кто не выполняет свою работу, увидит, как ее выполнит кто-то другой. Вместо того чтобы иметь место, где идентичность раскрывается подобно сердцу коллективной памяти общества, музеи рискуют увидеть, как потребность реализуется в форме своего рода постоянной ярмарки туристических агентств. Там сенсационалистские обобщения могут превратить ее в пустую постоянную демонстрацию торговых марок – всего лишь очередной парк развлечений.

Дело также в том, что некоторое единообразие – это безопасный выбор или поведение?

К слову, любопытно, что самобытные культуры, подобно китайской, не придумали иного решения в охране и сохранении публичной памяти. Концепция музея-заповедника в России практически неизвестна на

Западе; у меня есть ощущение, что некогда вдохновленный должным образом, он мог бы дополнить значительную инновацию экомuzeя. Музеи посвящены наследию, но они также должны на нем основываться. Меня удивляет, что западная модель так сильно преобладает в мире. Разные миропонимания должны были обусловить появление специфических форм музеев и их содержания. Мы знаем, что в Африке нет и не должно быть потребности в таких же музеях, как в Европе. С другой стороны, мнемософия, наука о коллективной передаче опыта, должна быть способна выдержать как тропический дождь, так и песчаную бурю, и это очередное эмпирическое утверждение, почему ни музеология (новая музеология, социомузеология, критическая музеология...), ни музееведение не имеют смысла. В мире господствует западная модель заботы о наследи и даже модель архитектурных решений, предназначенных для этого, хотя, я думаю, что решений множество; большинство нуждается в «подгонке», чтобы вписаться в специфику, на которой они основываются или о которой рассказывают.

Сдержанность по отношению к инновациям так удачно объяснена карикатуристом Ренди Гласбергом¹: в одной из его карикатур редактор или режиссер отклоняет предложение автора со словами: «Если бы это было такой хорошей идеей, она бы пришла в голову кому-нибудь раньше». Как всегда, существуют новаторы и последователи, но нет дилеммы относительно того, кто добьется успеха.

10.2. Некоторые, надеюсь, поучительные, биографические подробности

Я переживал, писал и читал лекции о том, о чем меня просили

Мне всегда нравилось, когда передо мной ставят задачи, задают вопросы и представляют ситуации, зачастую в иностранной или незнакомой среде, нередко также провокационные. Это вызывало во мне спортивный интерес и, думаю, поощряло дух проповедника, которым многие профессора обладают или который развивают со временем. Опять же, здесь особенно нечем гордиться, так как проповедники могут попасть в ловушку собственных притянутых за уши пророчеств в попытке привлечь внимание. Они также кем-то любимы, но представляют собой

¹ Randy Glasbergen (1957–2015) — американский карикатурист и иллюстратор. — *Примеч. ред.*

весьма несчастный вид. Для заурядных специалистов и амбициозных непрофессионалов им не хватает некой вызывающей доверия скуки, чтобы их воспринимали всерьез, в то время как для людей, имеющих некоторый социальный статус и высшее образование, им недостает некоторой непостижимой сложности и умных разглагольствований. В любом случае, я получил большой опыт в том, что значит быть слишком теоретичным для кураторов и слишком практичным для музееологов, кем бы ни были последние.

Словом, если вы ищите альтернативно мыслящего в музейных делах человека, то я вполне могу быть им, так как могу справиться с профессиональной ересью и поддержать ее.

Я много путешествовал, но географию моих поездок определяли приглашавшие меня лица, а не я сам, только несколько путешествий я осуществил согласно собственному плану. Однако я воспринимал это как своего рода замысел, созданный для меня обстоятельствами, — так как я бы не стал тратить время на глубокие размышления о природе человеческого существования. (Я хотя бы избавил от философствования свою профессиональную среду.)

Я сделал одну вещь, которая, хотя и является фактом, никогда бы не вошла ни в одну научную книгу, но, считаю, она хорошо говорит об определенной личной профессиональной позиции.

Когда в моей стране разразилась война, живя вне непосредственной зоны военных действий, я лично имел дело с человеческими страданиями и трагедиями. Видеть, как человеческие жизни — люди и то, что они создали за свою жизнь, — были вмиг уничтожены, стало для меня потрясением. Люди покидали свои горящие дома — целые жизни вложений и созидания — лишь с пластиковым пакетом в руках. (Полный случайно схваченных вещей, он обычно включал альбом с фотографиями...)

Я принял решение больше не использовать ни копейки государственных средств на свои путешествия, будь то деньги от факультета или Министерства культуры. Сначала это было импульсивной реакцией на страдания, принесенные войной, но позднее стало профессиональной привычкой. За случайным исключением двух путешествий мои 150–200 поездок начиная с 1990 года и по сегодняшний день совершались именно таким образом.

Мое первое знакомство с сектором

Я музейный человек, однако всегда испытывал желание объединить мои интересы и опыт так, чтобы оказаться за пределами исключительно кураторской деятельности. Когда я стал директором Центра музейной документации, единственного «музеологического» учреждения в то время в той части мира (созданного спустя два года после Информационного центра ИКОМ и де-факто обслуживавшего всю бывшую Югославию), для меня открылся целый новый мир. Я серьезно воспринимал Международный день музеев и был первым, кто в бывшем государстве и этом регионе Европы превратил этот день в очень насыщенную городскую культурную (связанную с наследием) акцию, помещая баннеры на улицах или слайды в кинотеатрах, создал настоящий городской фестиваль с оркестрами, исполняющими джаз-, поп- или ренессансную музыку, группами студентов, прогуливающих в исторических костюмах. Будучи главой национального комитета, я также организовал три успешные международные конференции ИКОМ (ICOFOM, ICTOP, CIMAM).

Так, мои интересы (как историка искусства по образованию) больше не были сконцентрированы на художественных музеях, но буквально на всем их многообразии. Вскоре я осознал, что разделение внутри сложного музейного сектора было буквально следствием исторических обстоятельств, связанных с подъемом музеев: их специализация и ориентированность на науку, их структура, тесно связанная с системой наук. Тридцать или сорок лет назад большинство кураторов воспринимали себя как ученых, работающих в музеях. Отсутствие более широкого взгляда уже в то время казалось мне абсолютной потерей возможностей. Хотя это было логично и все же неуместно. Интересно, что, когда мы испытывали сложные времена монетизации и противодействия аккультурации, некоторым кураторам казалось, что такой уход в «башню из слоновой кости» — это решение. Оно может стать фатально ошибочным, так как в следующие за этим тяжелые времена олигархия, стоящая у власти, может это использовать, чтобы сократить миссию кураторов до играющих второстепенную или случайную роль на краю культурной индустрии и других производных «мягких» индустрий, как, например, культурный туризм или туризм в сфере

наследия. В то время не существовало специальной подготовки для этой работы, которая уже (хоть и слабо) определялась как специфичная и представляющая особый общественный интерес — безусловно, в каждой стране по-разному. В 1980-е годы я сравнил существующую ситуацию музейного сектора с той, что была в Италии до Гарибальди — государстве, которое еще предстояло воплотить в жизнь, состоящем из городов-государств с их длительной историей соперничества. Касаясь существования музеев и аналогичных учреждений и миссии, которую они должны были на себя взять, я часто использовал метафору «разобщенной армии». Эта мощная, многочисленная и хорошо воспринимаемая обществом армия имела и до сих пор имеет неорганизованные полки и лишь туманное, медленно растущее осознание своего значительного общего дела.

Формирование профессии как личный опыт

Однажды в интервью для журнала *ЕМУА* (Премия «Европейский музей года») я охарактеризовал себя как проповедника, так как это определение соответствовало моим стремлениям в «профессии» или, скорее, для нее. Во время учебы в университете я провел четыре семестра на других факультетах, так архитектура и журналистика из увлечения стали частью приобретенного опыта. Но я окончил историю искусств и английский язык. Увлечения неким образом обрели взаимосвязь, как позже стало ясно: чтобы создать успешную выставку, необходимо быть куратором с опытом в архитектуре и журналистике. Мое поколение выросло на идеалах сложного поэтического коммуникационного проектирования Эйзенштейна — на калейдоскопе его достоинств. Тогда это было еще живым идеалистическим наследием с определенной позитивной ролью, когда искусство и гуманитарные науки могут использоваться в общественном проекте. Тем временем я приобрел более глубокое понимание, но нынешняя неспособность к идеализму, а также несомненно вытесненный энтузиазм в отношении будущего удручают и печалят меня. Дисней вел свой бизнес, двигаясь по тем же творческим рельсам. В начале 1980-х годов я даже написал о музееологическом переживании Диснейленда.

Стадии вовлеченности

Позже я получил стипендию от французского правительства, моим наставником стал Жорж Анри Ривьер, и в итоге я окончил курс, называемый тогда музеологией. Я был неутомимым и инициативным, всегда размышляющим о будущих изменениях так, что было вполне естественно, что меня вытолкнули из весьма консервативной внутренней среды и приняли в международную. Независимость и свободомыслие в моей стране ни раньше, ни сейчас не считаются преимуществом в карьере. Но я не мог позволить себе больше, чем нонконформистскую позицию говорить и писать то, что думаю. Я не мог бы похвастать каким-либо общественным или профессиональным признанием, не будучи включенным в реестр заслуженных музейных деятелей.

В качестве директора Центра музейной документации я создал галерею, предлагающую темы, общие для музеев как сектора: выставка коллекционеров (так как они всегда были важным источником коллекций и вдохновения), различные виды музейной деятельности (выставка публикаций Центра Жоржа Помпиду), монографий по музейной тематике. В 1983 году я был инициатором выставки изданий югославских музеев на книжной ярмарке в Загребе. Насколько мне известно, это было первым квалифицированным представлением того, что я заявлял как значительную, но, по большей части невидимую, издательскую деятельность все более влиятельного сектора. Коллекционеры и представители библиотек бросились в Загреб, потому что мы были единственными, кто предлагал проникнуть в сущность сектора и даже что-то купить. Один экземпляр всегда оставался в библиотеке Центра, и это было легким способом приобретения. Эта ситуация сошла на нет, потому что выставка стала регулярной на национальном уровне.

Построение профессиональных убеждений

Доктор Антун Бауэр¹, хорватский музеолог, основатель Центра музейной документации (первого в своем роде учреждения после открытого ИКОМ), был моим первым наставником.

¹ *Antun Bauer (1911–2000). — Примеч. ред.*

Он и вдохновил, и обеспечил информацией, что в итоге привело меня в Париж в качестве стипендиата французского правительства. Так, начав постдипломное обучение музеологии в Загребе в центре Исследования библиотечного дела, документации и информатики (CBDIZ), я продолжил его в Париже с Жоржем Анри Ривьером, легендарным руководителем ИКОМ и сооснователем экомузеев. Ривьер и ИКОМ, до того абстрактные понятия, открыли для меня вселенную музеев и тех, кто разделял мое увлечение. Так я доказывал свое растущее убеждение в том, что, собираясь вместе, объединяя силы, музеи могут достигать дополнительных, совместных результатов. К тому времени я уже работал над докторской диссертацией с названием «К проблеме тотального музея», которое объясняло мою навязчивую идею проникновения музея в жизнь любого общества.

Именно по рекомендации доктора Бауэра я был избран председателем в то время Югославского национального комитета ИКОМ и проработал в этой должности два срока. Время, проведенное мною в ИКОМ, стало десятилетием активизма. Национальный комитет организовал в Загребе и Дубровнике три крупные конференции международных комитетов ИКОМ, хорошо продуманные и с большим количеством участников. Затем, после 14 лет кураторства и руководства музейным сектором, в 1987 году профессор Иво Мароевич¹ предложил мне должность доцента на только что открывшейся кафедре музеологии на филологическом факультете в университете Загреба. Незадолго до того я получил в Любляне докторскую степень. Поскольку исследование было дополнительным, в нем приняло участие много амбициозных, академически образованных и работоспособных молодых людей, часть из них стремились опубликовать свои работы. Любопытно, что 27 лет спустя коллеги, работавшие над проектом «Исследование музеологии и наследиеведения» в Белграде, имели в своем распоряжении полный текст докторской диссертации, переведенной и изданной в книжном формате. Эта диссертация была теоретической, но как любая хорошо задуманная теория она давала вдохновение и имела практическую значимость. Что если музеи достигнут такого воздействия

¹ Ivo Maroević (1937—2007). — *Примеч. ред.*

на общество и его сенсификации, что общество узнает о своей памяти столь много, что музеи станут лишь нервными клетками этого мегамозга, как это докажет цифровизация тридцать лет спустя? Что если они объединятся с другими институтами памяти с помощью единой теории?

С того времени я постепенно становился апостатом, но предпочитал думать, что любой сектор успешно развивается за счет одержимости и беспокойства подобных людей. Меня часто стали приглашать за рубеж для участия в симпозиумах и чтения лекций. Из-за моего радикализма некоторые двери закрылись для меня, но с тех пор я уверовал, что иду по верному пути. Свидетельством моей убежденности служат восемь вышедших из печати книг по различным вопросам теории наследия.

Мне подходила жизнь лектора, предоставлявшая полную свободу и много времени. Я никогда не заявлялся на продление профессорства или на звание почетного профессора, поэтому ушел на пенсию без учета преимуществ штатного профессора. Хотя я был задействован в нескольких университетах, но не успел реализовать свою единственную академическую амбицию — создать кафедру публичной памяти. Однако, имея образование в области современного искусства, я думал, что создание некой регулярной акции под названием *Academia Mnemosophica* (свободная кафедра публичной памяти) в Музее современного искусства в Загребе будет чем-то вроде концептуального творчества в искусстве. Попытка оказалась неудачной. Так или иначе это происходит с большинством проектов, конечно, если их много.

Если бы это можно было отыграть назад, я бы поумерил свой энтузиазм, но все, что могу предложить, это запоздалые извинения своей семье. Одним из первых слов, которые выучила моя старшая дочь, было «симпозиум», как мы тогда называли конференции. Когда без оказания какого-либо давления или борьбы за власть я стал членом Исполнительного комитета ИКОМ, то подумал, что пришло время изменить мир. Но что может изменить провинциальный священник в Ватикане? Поэтому было весьма логичным, что вскоре я закрыл это десятилетие, полностью оставив активное участие в ИКОМ. Полагаю, что мне следовало остаться, чтобы продолжать борьбу и обеспечить себе

серьезную карьеру, но так как идеализм и беспокойный ум — это сознательные отклонения (с которыми большинство не считается, а правящие элиты отвергают), я сделал логичный выбор.

Уже в 1982 году я предложил наследиеведение, в значительной степени обескуражив моих коллег и вызвав насмешки с их стороны. Для некоторых в нашей «профессии» я стал ренегатом (они есть в любой профессии), кто-то просто меня игнорировал, тогда как другие регулярно приглашали на открытия или заключительные заседания конференций (потому что видели, что моя странность соответствует обеим функциям). Я, с другой стороны, продолжал с упрямым упорством, которое часто присутствует у людей с горячими головами. Все, к чему призывала эта теория, постепенно открывалось в виде проходящих или будущих возможностей. Эту длинную историю я подытожу, сказав, что весомые аргументы всегда выживают, меняются лишь их критерии.

Опыт с оценкой и критериями

Перестав регулярно посещать события и конференции ИКОМ, я чувствовал себя очень одиноко и поэтому с готовностью согласился на предложение Кеннета Хадсона, директора и одного из основателей премии «Европейский музей года» (ЕМҮА/позже ЕМҒ — Европейский музейный форум), стать членом жюри. Нас связывали дружеские отношения, мы давно уже встречались на международных мероприятиях. Я погрузился в реальность новейших конкурсных проектов в Европе. Что это был за опыт оценивания зарождающихся профессионалов! И какая удача иметь двух гуру, участвовавших в твоём профессиональном становлении! Позже все, что я делал, будет в той или иной степени посвящено их памяти (конференция «Лучшие в наследии», сайт www.mnemosophy.com, мои сочинения). Но все-таки необходимо сказать об одной вещи. Когда Кеннет Хадсон начинал ЕМҮА, конкурентность, которую предполагала его награда, была очень странной идеей для музейного мира. Но то же произошло с Международной отраслевой выставкой для музеев, культурных объектов и туризма (1989 SIME; позже — SITEM), первой музейной выставкой-ярмаркой, созданной

Жаном Франсуа Грюнфельдом¹. ИКОМ отказался стать партнером в обоих случаях, не предоставив ни патронажа, ни стенда. Я был единственным членом Исполнительного комитета, участвовавшим в голосовании. Времена постепенно меняются, и становилось все более очевидно, что общественные награды за лучшие профессиональные достижения не вредят имиджу музеев. Они оказались эффективным инструментом распространения хорошего примера и повышения общественной значимости креативных и инновационных практик. Стало очевидным, что лучшие схемы присуждения наград были и остаются важными образцами в оценке высоких достижений, в определении критериев профессионализма и качества общественного влияния проектов, посвященных наследию. Я был настолько убежден в многочисленных последствиях этого простого изобретения, что пытался предложить ряд изменений в Премии Европейского музея года, которые повысили бы ее значение. Долгая история прервалась, я потерпел в высшей степени неудачу, но она привела к основанию конференции «Лучшие в наследии».

Теоретизирование должно быть сбалансировано практикой, желательно в одном человеке. Давать советы о том, что делать другим, а самим избегать риска — это как-то неуместно и безответственно. Если говорить серьезно, мы нацелены на изменение мира. Кажется относительно легким делиться советами в качестве консультанта, но я пытался освоить эту деликатную работу. В какой-то момент по крайней мере некоторые из консультантов показывают, что их работа всегда была косвенно связана со стремлением к творчеству, которое они моделируют, используя проекты других людей. Поддавшись этим соблазнам, можно стать беспокойным и инициативным. Быть автором проектов, связанных с наследием, — опыт трудный, но в то же время полезный. Убеждать других в собственных проектах — тяжелое и бесплодное занятие. Оно требует широты взгляда, дара предвидения и большого везения; вместе с тем большинство подобных новаторов, как правило, сталкиваются с неудачами. Как было в моем случае: в определенный момент остается единственный

¹ Jean François Grunfeld — французский писатель, куратор проектов в области культурного туризма и организатор международных выставок. — *Примеч. ред.*

выбор — лично доказывать свои утверждения. В настоящее время среди моих видимых достижений — единственная в своем роде международная конференция, продолжающаяся попытка внести вклад в европейскую идентичность, оригинальный виртуальный музей, а остальное — это своего рода виртуальная кафедра профессора, ушедшего на пенсию.

Эта длинная история попыток и неудач представлена на моем блог-сайте в разделе с ироничным названием «Решения».

Мое открытие гражданского общества

Следующее десятилетие, как будто согласно плану некоего стороннего организатора времени / карьеры, в значительной степени я посвятил растущей роли гражданского общества в работе с наследием. Тем, что обычно составляло прерогативу разнообразных институтов публичной памяти, теперь стали качественно и грамотно заниматься организованные граждане. Так как это напрямую соотносится с идеей «тотального музея», то я заинтересовался, видя в этом огромную силу. Политическое общество, а также корпоративный мир начали понимать, что наследие представляет собой мощный рычаг «мягкой силы», которую они, бесспорно, рассматривали как потенциал для развития. Благодаря своему молодому и достойному генеральному секретарю Снешке Кведвлиг-Михайлович¹, организация *Europa Nostra* менялась у меня на глазах от элитного общества, управляемого аристократией, до действующей силы развития, облагороженной культурным наследием и гражданской активностью его организаций-участниц. Мне легко поверить в то, что трудолюбивое население, активное и заинтересованное в качестве жизни своего сообщества, может практиковать без преувеличения впечатляющие варианты использования публичной памяти. Когда они терпят неудачу, это связано с отсутствием знаний в области ресурсоемких компетенций, на приобретение которых у профессионалов уходит так много времени. Они могут чрезмерно упрощать вещи и становиться жертвой импровизаций, которые представляют их усилия спорными, будь

¹ *Sneška Quaedvlieg-Mihailović*; род. 1963. — *Примеч. ред.*

то за счет мистификации или обольщения национализмом. Пример экономузеев в Канаде — постэкомузейной тенденции (к сожалению, не движения) — успешно зиждился на формуле, предполагавшей объединение высших профессиональных знаний и навыков и живого творчества в этой области. В отличие от отдельных личностей ассоциации гражданского общества с готовностью обращаются с просьбой о сотрудничестве к экспертам и применяют лучшие профессиональные практики.

Быть приверженцем объединения сектора

Десять лет спустя после ухода из ИКОМ я вернулся туда (когда президентом был Жак Перо¹), чтобы попросить поддержать то, что я создал в качестве своего собственного вклада в международное профессиональное сообщество, — конференцию «Лучшие в наследии» в Дубровнике. В тот момент ИКОМ имел ясное представление о том, что он как организация ориентирован на утверждение и формирование высоких стандартов деятельности в профессии. Предложенная мной конференция была нацелена на то же. Словом, так как никто не хотел реализовывать этот проект, я решил сделать его сам. И снова я должен принести извинения своей семье. На этот раз еще большие. Дубровник, восстанавливавшийся после войны, нуждался в возвращении международной аудитории. Мне было необходимо доказать, что предложенная наука наследиеведение (мнемософия), или что-то еще, что объединяло бы музеи и прочие институты наследия, имеет смысл. Мы все испытывали потребность в более глубоком понимании самого эффективного метода продвижения качественных практик — обучения на лучших примерах. Мир, входящий в цифровой век, нуждался в демонстрации сближения, происходящего в институтах памяти. После некоторого сомнения Исполнительный комитет ИКОМ предоставил свою печать и объявил, что глобальное ежегодное исследование лучших практик заслуживает поддержки. Это стало началом конференции, которая проводится уже на протяжении 19 лет

¹ Jacques Perot; род. 1945 — французский историк и музейный куратор. — Примеч. ред.

(с 2002 года). Она выросла в весомое международное событие, все еще профессиональное мероприятие, находящееся за пределами связанного с конференциями бизнеса, узконаправленное, некоммерческое и авторитетное. Около сорока отобранных победителей, творцов перемен, проектов влияния (как назвал бы их Кеннет Хадсон) с четырех или пяти континентов собираются каждый год и отмечают выдающиеся достижения в сфере публичной памяти, делятся своими историями успеха. ИКОМ, по моему твердому убеждению, является естественным лидером в зарождающемся секторе. В 2019 году ИКОМ стал главным партнером конференции, и таким образом мой профессиональный цикл, если можно так выразиться, элегантно замкнулся.

Быть помехой

Большую часть своей карьеры я был помехой и упрямым, и, может быть, с полным на то основанием, так как будущее не казалось светлым в моей стране. В десятилетие дружественной атмосферы в Международном комитете музеологии (ICOFOM), время от времени меня называли «катастрофист». Я всегда считал, что профессии несут ответственность за общество, находящееся под угрозой. На первом заседании ICOFOM, которое я посетил (Мехико, 1980), всем предложили выдвинуть тему для следующей конференции комитета. Я предложил тему «Музеология и политика». Моя идея была отвергнута. Однако то время, что я провел в комитете, стало наилучшим из возможных опытом в концептуализации нашей деятельности. Покинув спустя 10 беспокойных лет эту уникальную дискуссионную платформу лишь для того, чтобы решать первостепенные для себя задачи в роли университетского лектора или приглашенного участника международных мероприятий, я совершил ошибку.

На протяжении большей части моей жизни в профессии я оставался независимым возмутителем спокойствия. Некоторые лекции были опубликованы — частью на моем вебсайте, частью — в более широком масштабе организаторами конференции.

Некоторые из заметок найти и датировать было легко, главным образом те, что относятся к последнему десятилетию, когда я настаивал, что познание мира и изменение образа мыслей

должны стать предпосылками всякой глубоко осмысленной и грандиозной роли, которую могла бы взять на себя публичная память в губительных для человечества условиях.

Вот (кратко) один из текстов, неоднократно использованный мною во время лекций в разных странах, иллюстрирующий, почему я служил раздражителем для некоторых моих слушателей и представителей приглашающей стороны:

Беспощадная и бесстыдная жадность не может быть способом управления Планетой. Мир пожираем энтропией, он становится все более бедным, жестоким, токсичным и опасным. Западная парадигма заканчивается полным провалом. Она оставляет мир в худшем состоянии, чем он был когда-либо. Как нам жить дальше? Считаю, что мир нуждается во внутреннем многоцентровом управлении со стороны лучших. Завоевание доверия, как и демократия, — постоянный непрекращающийся процесс.

Мудрость управления миром состоит не в борьбе с другими — будь то культуры, страны, системы, цивилизации. Это искусство управления экономическими факторами изменений с помощью кибернетики: приспосабливаясь к ним или противостоя им, как к тому призывает потребность ради максимального блага людей и природы. Гуманитарные и общественные дисциплины — совесть науки. Баланс приведет к выгодному сотрудничеству вместо вредоносного конфликта. Предел прочности состоит в итоге не в борьбе друг с другом, а в способности поддерживать мир. Реальная сила не в покорении других, но в поддержании взаимоприемлемого равновесия. Конечная цель науки — не в открытии божественной частицы, достижении одной из галактик во Вселенной (а как насчет миллиарда прочих?) Найти, покорить и обустроить другую планету, лишь по причине того, что мы разрушили собственную, — нелепо.

Мудрые силы будущего будут способствовать единственному завоеванию, которое имеет смысл, — завоеванию самих себя. Самопознание — гораздо более значительное приключение и более важная цель, чем рассматривание в микроскоп или телескоп недостижимых бесконечностей. Устойчивое развитие было превращено в лицемерный цинизм, который как бы говорит: «Мы оставим мир настолько разрушенным, насколько можем, а вы, наши потомки, сделайте все возможное, чтобы спасти его». Полная противоположность мудрости. Мир не может продолжать свое существование таким образом.

Нам следует отказаться от крупнейшего заговора, который мешает миру: концепции западной демократии в так называемой экономике свободного рынка. Однополярный мир зловец и разрушителен. Предостережения Хаксли и Оруэлла не могут служить нашим видением будущего. Толпа может править только в утопических социалистических представлениях, но не в реальности. А до тех пор это будет лишь предметом опасной демагогии: пропаганда при нацизме, агитация при большевизме и маркетинг (или производство согласия) при экономике жадности. Нам необходимо вернуть труд, культуру, науку и политику, чтобы работать ради единственного идеала, достойного человечества, — идеала всеобщего блага в государстве всеобщего благосостояния, формирующего общественный договор, который будет поддерживать и нас, и природу. Вся практическая мудрость, с помощью которой мы можем управлять любым современным обществом, определяется правами людей и природы.

Отрицательная сторона устремлений благонамеренных поведенников — в том, как они убеждают других понимать наследие, не говоря уже о музеях. [Проблема] будет разрешена только в адекватной, более широкой системе координат, в которой мы могли бы как представители профессии участвовать в написании истории мира в роли своего рода редакторов, а не писарей.

Другие претензии к опрометчивому проповеднику

Тридцать восемь лет назад я публично заявил, что музеология как термин и научная дисциплина, оформившаяся на основе отдельной институциональной практики, бессмысленна. Справедливость данного утверждения для того времени позднее подтвердили профессиональные дискуссии. Так появилось наследиеведение (*heritology*). Это странное событие многое изменило в моей жизни. Спустя пять лет, неудовлетворенный казавшейся грубой комбинацией греческого и латыни, я переименовал наследиеведение в мнемософию, что казалось более подходящим. Амбиция предложить новый термин в официально оформившейся области обычно оказывается тщетной. Это происходит произвольно и, очевидно, автор термина извлекает из этого единственный безоговорочный результат: авантюрное удовольствие вызова изменений. Мне действительно стало ясно, что

термин «музеология» всегда будет тащить за собой определенные ограничения, вытекающие из закрепления институтами, которыми он внедряется. Ее многочисленные позднейшие наименования (с префиксами *социо-*, *критическая*) или нивелирование ее (и подобных составных терминов) значения в музейных исследованиях послужили для меня доказательством того, что она так и останется в неизменном состоянии *statu nascendi*¹. Я мало осведомлен о новейших попытках превратить музеологию в науку или, по крайней мере, в научную дисциплину. Дискуссии по поводу термина (любая из них в конечном счете условна) способны лишь подтвердить банальный факт, что термины важны и, если возможно, должны в определенной степени разоблачать стоящую за ними концепцию. Наука может проистекать из концепции, но не из какой бы то ни было институциональной практики.

В какой-то момент (1997) я был настолько амбициозен, что сделал мнемософию официальным предметом на кафедре информационнои науки в Университете Загреба. Предмет предлагался для бакалавриата до того, как студенты решат: обучаться им на архивистов, библиотекарей или кураторов. Им вряд ли говорили, что они оказались там в связи с самым началом развития информационной науки в Загребском университете, опирающейся в начале 1980-х на работы профессора Божо Тежака². Малым народам присущи «малые» языки и узкие двери, когда они пытаются предложить собственную мудрость большому миру. Определение информационной науки Тежака на два или три десятилетия предшествовало идеям Лоркана Демпси³. Хотя время в моей стране было тяжелым, академический мир служил убежищем для мечтателей, я все же немного отступил, чтобы не напугать потенциальных студентов экстравагантным термином. Я с раскаянием убрал смелый неологизм, но предложил эту науку новичкам как два совершенно новых предмета: «Институты наследия» и «Общая теория наследия» с той же целью профессиональной ориентации на работу с институтами памяти.

¹ Лат. *In statu nascendi* — в состоянии зарождения, в самом начале. — *Примеч. ред.*

² *Božo Težak* (1907 — 1980) — хорватский химик, основатель Технического музея в Загребе. — *Примеч. ред.*

³ *Lorcan Dempsey* — американский ученый, специалист в области сетевой информации. — *Примеч. ред.*

К тому времени я узнал, что радикализм стоил мне в определенной степени отрыва от профессионального мейнстрима, который поддерживал свою комфортную преемственность и социальную / политическую нейтральность. Только принуждение или слабоумие (как в случае диктаторов и анархистов) способно заставить кого-либо поверить, что возможно изменение системы извне. Иногда в своих работах я сожалел, что вынужден был оставить священничество в Риме, чтобы стать местным проповедником, что, вместо того чтобы наслаждаться комфортом либерального непокорного иезуита, которого некоторые слушают с сочувствием даже в соборах, я стал поучающим францисканским проповедником. Повторяю это здесь, потому что любая мудрая система должна мириться с вероотступниками. Они не рассчитывают всерьез на то, чтобы быть чем-либо, помимо напоминания или поправки, но могут стать реальной помехой. Потеряв таким образом контакт с реальностью профессиональной «религии», я стал, как и многие в подобном стремлении, — своего рода нежеланным ренегатом.

Быть выходцем из небольшой страны и представителем «малой народности» с дурной славой — это не то, что нужно претендующему на международную карьеру. Приглашенный профессор или докладчик из Америки, Нидерландов или Англии — это понятно. Но из Хорватии, Румынии, Азербайджана, Ирана, Бенина?.. Будет ли потенциальная аудитория достаточно благосклонна, чтобы допустить, что приглашенный из этих стран достоин визита? Компенсируют ли организаторы расходы? Дружественно настроенная принимающая стороны не скрывает своей неуверенности. Короче говоря, «неизвестный хорват» был самоиронизирующим остряком. Но я не упущу удобного случая, чтобы сказать, что люди из неблагополучных мест обладают лучшим пониманием сложности мира и большей отзывчивостью к не имеющим привилегий.

Моя книга «Вечность здесь больше не живет» все еще остается единственной, посвященной критике музеев, написанной и изданной без какой-либо поддержки и поэтому в какой-то степени небрежной: по форме — почти брошюра и по сути — устаревший самиздат. Довольно поверхностное литературное редактирование сделало ее еще менее привлекательной. Ее первая

версия представляла собой лекцию, задуманную в конце 1980-х, которую во время летней школы в Брно слушал Кеннет Хадсон, и она ему понравилась. Позднее, когда я пришел к убеждению, что музеи в целом развиваются слишком медленно, то расширил текст, с одной стороны, напоминанием об их прошлых грехах, а с другой — рекомендациями о том, чего следует избегать в их развитии. Я позаботился, чтобы вся моя «растрепанная» продукция находилась в свободном доступе, как и должно быть в лучшем случае.

Мой необычный путь, повлекший в определенной степени отчуждение от мейнстрима, был, однако, преисполнен многообразием опыта. Открытия в профессии, в значительной степени поддерживаемые постоянно получаемыми предложениями и более или менее успешными консультациями, были многочисленны и нажиты неудачными попытками ее изменить. Безусловно, это было плохо для обычной успешной карьеры и должен признаться, для меня в целом. В то же время это было плохо для мнемософии, которая могла располагать большими и лучше освещенными подмостками. Если говорить менее образно, прельщаться инновациями (как в теории, так и в практике, как это произошло со мной) — скорее проклятие, чем благословение. Если быть хотя бы отчасти искренним, то следует признать собственные недостатки, несмотря на их причины; лучший способ разобраться с неудачами — выявить их и обратить в полезный опыт. Полагаю, что с тем же простым намерением человечество в нашем лице создало множество институтов и практик. В самом начале карьеры, за столом, где я впервые встретил моих великих коллег, я заявил, что музеология и политика должны стать темой следующего симпозиума. Говоря с позиции разочарования «социализмом», в условиях которого я жил, сам того не осознавая, я предложил тему, которая оказывается все более жизненно важной по мере нашего движения к демократии. Для обоснования любой дискуссии мы просто должны задать себе вопрос: были ли мы когда-либо свидетелями того, чтобы музейный проект рождался независимо от политической воли? Возможно, лишь как исключение. А разве могло бы это быть проблемой для кого угодно в условиях внушающей доверие демократии, основанной на профессионализме и решениях избранных граждан?

Научно-популярное издание

Томислав Сладоевич Шола

ПУБЛИЧНАЯ ПАМЯТЬ В ОБЩЕСТВЕ,
КОТОРОЕ ПРЕДАЛИ

Перевод с английского Д.В. Суворовой

Корректор Н.Н. Мартынюк

Макет подготовлен Творческой группой S-Media

Подписано в печать 30.11.2021
Формат 60×90 1/16. Усл. печ. л. 18,7
Тираж 500 экз.

Калининградский региональный общественный фонд культуры
236017, г. Калининград, ул. Бородинская, 13

Отпечатано в типографии STANDART IMPRESSA (Lithuania)
Представитель в РФ ООО «ВИА Калининград»
Телефон 8 (4012) 77-22-05
www.europe-press.ru